Nathan Schwartz-Salant

The Black Nightgown

The Fusional Complex and the Unlived Life

Chiron Publications
Wilmette, IL, 2007

Натан
Шварц-Салант

Черная ночная рубашка

Комплекс слияния и непрожитая жизнь

Институт консультирования и системных решений

Москва 2008

УДК 159.9.072
ББК88
Ш33

Перевод с английского: К. Мелик-Ахназарова
Научная редакция: В. Калиненко

Шварц-Салант Натан Ш 33 Черная ночная рубашка. Комплекс слияния и непрожитая жизнь. — М.: Институт консультирования и системных решений, 2008. — 237 с.

ISBN 978-5-91160-014-3

Книга всемирно известного юнгианского аналитика Натана Шварц-Саланта посвящена новой концепции комплекса слияния - итогу размышлений автора над природой глубинных аспектов межличностного взаимодействия. Рожденная в «лаборатории» аналитического пространства, эта концепция станет важнейшим инструментом психолога, позволяющим осмыслить трудно уловимые, остающиеся обычно неосознаваемыми процессы в поле взаимодействия пациента и аналитика, в переносе-контрпереносе - процессы, зачастую решающие для исцеления и вступления на путь индивидуации. Адресуется психотерапевтам и психологам, интересующимся бессознательными процессами в человеческом общении.

© Nathan Schwartz-Salant, 2007
© Пер. К.Мелик-Ахназарова, 2008
© Институт консультирования и системных решений, 2008

ISBN 978-5-91160-014-3

Посвящается моим анализируемым,
чье мужество, страдания, озарения
и щедрость сделали возможным
появление этой книги

Содержание

Предисловие к русскому изданию 9

К читателю 13

1. Приметы хаоса 15

2. Восприятие: незримый мир комплекса слияния 33

3. Раскрытие комплекса слияния 47

4. Вездесущность 65

5. Тонкое тело души: защитный покров внутренней жизни..... 81

6. Трансформирование суррогатной кожи 91

7. Черная ночная рубашка 99

8. Раскрытие фантазий, страха и ярости 111

9. Отвращение, обвинение и передача 125

10. Архетипическое ядро комплекса слияния 136

11. Комплекс слияния в творчестве 149

12. По ту сторону самости 167

Приложение А. Различные подходы: с точки зрения теории развития и с точки зрения имагинативного поля..... 191

Приложение Б. Комплекс слияния и поле: «Руководство для озадаченных» 199

Примечания 207

Литература 233

Предисловие к русскому изданию

Приятно писать предисловие к русскому изданию моей книги «Черная ночная рубашка». В ней я ввожу новую концепцию, которую называю «комплексом слияния». В определенных отношениях феноменология, покрываемая этой концепцией, сходна с аутичными состояниями сознания нормальных в других обстоятельствах людей, исследованными нео-кляйнианскими авторами, такими, как Франсиз Тастен и Юдифь Митрани, а также напоминает то, что психоаналитик Томас Огден называет «состоянием, смежным с аутичным». Я упоминаю об этом, т.к. прочтение этих трудов, выстроенных согласно модели развития, может стать клинически полезным способом подхода к материалу моей книги. Но я говорю об этих не-юнгианских авторах еще и потому, что именно в их работах я нашел способ уловить тот сходный с аутичными состояниями материал, который смущал меня в моей собственной клинической практике. И в этом процессе я тогда смог идентифицировать область, не охватываемую подходом этих авторов, а также нашел разные способы поразмыслить о заинтересовавших меня феноменах. Так возникла концепция комплекса слияния.

Термин «комплекс», используемый для описания материала, можно оспорить. Поскольку по своей природе комплекс слияния может отличаться от того, как обычно переживается комплекс, я обнаружил, что использование мною понятия «комплекс» может даже фрустрировать человека, приступающего к изучению данного материала. Например, комплекс по определению нарушает внимание, и это значит, что эго существует до определенной степени отделенным от комплекса, по крайней мере, пока комплекс не констеллируется, перейдя из латентного в актуальное состояние. Но материал, охватываемый комплексом слияния, относится к состоянию души и тела, существовавшему ещё до разделения на противоположности. Мы встречаемся с таким же уровнем в алхимической литерату-

ре в понятии prima materia — первичной материи, существовавшей «До второго дня творения», с очевидными отсылками к библейской истории «Бытия».

Посредством того, что я называю комплексом слияния, мы переживаем ощущение некой тяги к мыслям или тонкому телу другого человека, так что формируется некое хаотичное или клейкое слияние, но одновременно присутствует и полное отсутствие связи.

Область, в которой бытует тенденция к слиянию— это промежуточный мир, и для его описания я использовал идею о тонком теле. В равной степени я мог бы, базируясь на работах моей жены в этой области, назвать описываемую область «эмоциональным телом». У последнего наименования есть преимущество — оно укладывается в традиционную матрицу тело-душа-дух и делает акцент на эмоциональной природе промежуточного мира при активации комплекса слияния.

Одновременность тяги к слиянию и состояния не связанности с другим (или с самим собой) *вообще* — невероятна, и это еще в большей степени так для рационального, перспективного эго. Даже, несмотря на хаотичность измерения слияния, мы все же чувствуем, или верим, что некое ощущение связи присутствует. Но затем вдруг переживаем полное отсутствие связи, как если бы два человека находились в параллельных вселенных. Такое осознание появляется с особенной отчетливостью тогда, когда мы рассматриваем взаимодействие на ментальном уровне рационального эго. И оказываемся одновременно связанными и разъединенными — это логическая невозможность.

Поначалу может показаться, что лучше было бы использовать термин «поле слияния», а не комплекс, потому что способ переживания указанного феномена — это взаимное переживание поля. И равным образом, можно усомниться в термине «слияние», который обычно наделен или позитивными нюансами или, по крайней мере, может рассматриваться как регрессивное состояние. Но регрессивное состояние отличается от того, с чем мы встречаемся при комплексе слияния: от него можно сепарироваться, не испытывая тревожности психотического уровня.

Знакомясь с концепцией комплекса слияния, мы видим структуру, которую можно назвать «протокомплексом» — структуру, еще не дифференцировавшуюся на противоположности, которые можно переживать как отдельные внутри трехмерной схемы «внутреннего» и «внешнего». Этот «комплекс», таким образом, лишь начинает приобретать форму, но, как только человек лучше знакомится с феноменологией комплекса слияния, он (или она) начинает узнавать в нем комплекс в более нормальном смысле. Тогда, например, фраза: «У него сильный комплекс слияния», — становится утверждением, обладающим клиническим смыслом. Более того, обычное

понятие комплекса, имеющего ассоциации, архетипическое ядро, поведенческие паттерны, соматические аспекты и являющегося потенциальным источником информации и понимания, становится все более значимым. Для меня это вкупе с выделенными ранее характеристиками оправдывает преимущество выбора термина «комплекс слияния» в сравнении с другими возможными терминами, такими, как поле слияния или стадия слияния.

Терминологический вопрос здесь подобен тому, с чем мы встречаемся при употреблении термина «проекция». Имеет смысл говорить о проекции лишь тогда, когда в субъект-объектных отношениях возникло состояние архаичной идентификации, а значит — потребность взять проекции назад в сферу осознанности субъекта. Таким образом, проекция — это «процессуальное понятие», что справедливо также и для комплекса слияния.

Кроме того, можно видеть комплекс слияния и в спектре состояний, описываемых в алхимии как *coniunctio;* Юнг исследовал эти вопросы в своих зрелых трудах. В своем позитивном смысле *coniunctio* это совокупность переживаемых в «промежуточном мире» тонкого тела состояний «втянутости» в эмоциональное и физическое тело другого человека, а затем обратного выведения на дифференцированный, субъект-объектный уровень переживания, при том, что оба состояния существуют как ритмическая последовательность. Достижение этого — подлинное свершение, и путь к нему сопровождается чрезвычайно хаотичными состояниями, известными в алхимии как *nigredo.*

Coniunctio*— чрезвычайно целительное переживание, особенно в отношении того, что может быть воспринято (неординарным восприятием) как ущерб тонкому телу человека, вызванный травматическим опытом. Часто появляющаяся в результате травмы и сохраняющаяся в течение всей жизни чрезмерная уязвимость к эмоциям других или к факторам окружения может быть исцелена посредством переживания *coniunctio.* И *coniunctio* порождает либидо родства, то есть душевную связанность с другим человеком, повышающую качество жизни и побуждающую к индивидуации. Эти вопросы я рассматриваю в книге *«Тайна человеческих отношений».

Можно сказать, что комплекс слияния относится к дальнему концу спектра переживаний *coniunctio.* В отличие от разделяемых и вновь соединяемых в ритмической последовательности противоположностей, оппозиции комплекса слияния, такие как Я и другой, или эго и бессознательное, стягиваются вместе таким образом, что исчезает дифференцированность. А это значит, что комплекс слияния никогда не приводит к субъект-объектному уровню опыта, позволяющему видеть реальность и инаковость другого человека.

В каком-то смысле комплекс слияния — главный пример негативного *coniunctio*.

Однако работа с комплексом слияния может сдвинуть переживание в сторону более позитивных состояний *coniunctio*. Такие способы мышления очень далеки от психоаналитических установок и от положений теории развития, так что, я верю, читатель сможет увидеть отличие подхода, представленного в «Черной ночной рубашке». Кроме того, ни психоаналитический подход, ни подход школы развития не имеют дела *одновременно* с душевными и телесными состояниями. Чтобы охватить эти состояния, необходима неординарная форма восприятия, описание которой читатель найдет в книге.

Мне очень приятно, что «Черная ночная рубашка» переведена на русский язык. Эта книга была сложной в написании: сначала трудно было ясно разобраться в том, что я испытывал в клиническом опыте (и я благодарен своей жене за подробные обсуждения многих таких переживаний), а потом — попытаться найти слова для этого. Хотя и несовершенное, понятие комплекса слияния — лучшее, чего я смог достичь; это средство контейнировать и клинически прогнозировать сложные состояния сознания, описанные в этой книге.

Натан Шварц-Салант
январь 2008

К читателю

Эта книга— дневник психотерапевтических встреч: профессиональных сессий и моих размышлений, в результате которых и родилась на свет теория, которую я разработал — комплекс слияния. Явно выраженной чертой всех этих встреч было то, что, как с профессиональной, так и с личной точки зрения они оказались исключительно сложными.

Опыты соприкосновения с комплексом слияния, описанные в этой книге, взяты из моей практики последних двадцати лет. Но комплекс слияния как таковой вовсе не ограничен лишь пределами комнаты для консультаций. Комплекс этот встречается в жизни повсеместно, принося разрушения в отношения и серьезно ограничивая способность человека расстаться с безопасными и предсказуемыми паттернами и включиться в жизнь по-новому, более энергично. Более того, в общекультурном масштабе этот комплекс характерен для определенных исторических эпох— к примеру, для Рима третьего века до РХ, для алхимии Ренессанса, для елизаветинской Англии (особенно заметен он в шекспировском «Гамлете») — когда начинали проявляться новые формы сознания. Мы сейчас находимся как раз в такой критической исторической фазе — и общекультурно, и индивидуально.

Как говорил Эйнштейн, теория решает, *что* именно мы можем наблюдать; и теория комплекса слияния предназначена для служения этой цели, позволяя нам учитывать взаимодействия, которых мы без нее не идентифицировали бы или бы истолковали неудовлетворительно. Читатель может судить, успешна ли эта теория. Помогает ли она вам увидеть в более ясном свете феномены, с которыми вы долго, быть может, десятилетиями, жили? Помогает ли она вам найти, *что* наблюдать за пределами того, что кажется в то или иное мгновение явным, смотреть глубже, слышать иначе и, что важнее всего, понимать себя и других лучше? И помогает ли она вам лучше понять то время, в которое вы живете?

Этот неуловимый и замысловатый комплекс который часто пронизывает анализ, но редко попадает в его фокус обычно вовсе не распознается в отношениях более широкого круга. Симптомы его или вызывают пассивные страдания, или от них слепо отмахиваются. Однако этот комплекс предполагает определенную цель, достижимую не через «героическое» стремление к преодолению трудностей, но через героизм совершенно иного рода: здесь требуется сила вытерпеть внутренние страдания от дезорганизации, характерной для болез-

ненных душевных и физических состояний, и, что решающе важно, чувствовать себя *ограниченным* подобными условиями. Тогда комплекс слияния становится вратами к тому самому процессу, который он, казалось бы, затормаживал, — то есть к **индивидуации** и к связи с этим невыразимым ядром человеческой личности — самостью.

***

Многие люди, особенно мои коллеги из Нью-Йорка и Принстона, существенно помогали мне все время — с момента первого смутного восприятия комплекса слияния и до его кристаллизации в настоящей книге. Кроме того, мне повезло, и работа моя вызвала интерес и в других странах. Аналитик Лучано Перез, переводя мою статью на итальянский язык, предложил термин «фузионный» — поскольку в аллюзиях на слово «фузия'» (слияние, сплавление, объединение, синтез, сращение, **фьюжн)** как таковое есть и множество позитивных, гибких состояний сознания, лишь маргинально присутствующих в поле, ассоциируемом с комплексом слияния.

Аналитики из моих супервизорских групп научились работать с комплексом слияния по мере того, как я разворачивал перед ними свои формулировки. Эта книга многим обязана их вопросам, наблюдениям и, прежде всего, их готовности в групповом сеттинге конфронтировать с аспектами безумия из самого ядра комплекса слияния, сотрясавшими и их самих, и их анализируемых.

Ответственность за то, насколько хорошо я смог донести до читателя сложную и путаную природу комплекса слияния, лежит на мне, но, какого бы успеха я ни достиг, я обязан этим моему редактору — Саре Галлогли, ее интересу к материалу и ее редакторскому дару. Я глубоко признателен Эрину Мак Лину за дизайн обложки и работу над текстом. И особые благодарности — моему партнеру по издательскому дому «Хирон» Мюррею Стайну за его постоянное внимание и поддержку моей работы.

Не будь моих анализируемых и не разреши они использовать их истории, книга не смогла бы появиться на свет. Я глубоко обязан им, их мужеству в столкновении с теми областями психики, что пугали их уничтожением или унижениями в застылой непрожитой жизни. Аналитик способен охватить подобный материал только тогда, когда он прожил и выстрадал его сам; без личного опыта и переживаний эта книга не оказалась бы успешной. И в этом отношении я глубоко обязан моей жене Лидии. В течение многих лет она была моим гидом. Ее клиническая проницательность чувствуется на протяжении всей книги, а наши отношения стали тиглем комплекса слияния и помогли нашим душам раскрыться.

*** Основной термин данной монографии — «Fusional complex» — мы переводим как «комплекс слияния». Прилагательное fusional, используемое в тексте, мы передаем также калькой «фузионный». (Прим.ред.)**

1. Приметы хаоса

В самых невинных социальных взаимодействиях с людьми подчас происходит нечто удивительное. Это может случиться и во время случайной встречи на улице, и на званом обеде, и между коллегами на работе, и между друзьями, распивающими по чашечке кофе— словом, в любое время, в любом месте, с любым человеком. Это те ситуации, в которых вдруг некое чувство неловкости, неудобства охватывает общающихся. Без преувеличения можно назвать такое переживание невыносимым. Это может быть едва распознаваемым ощущением — некое странное, необъяснимое чувство затрудненности, заставляющее ваше тело напрячься, словно отторгая что-то, что вы ни за что не сможете назвать, спроси вас кто-нибудь об этом. Или же иногда, без всяких видимых причин, обычная пауза в разговоре вдруг кажется дискомфортной, даже угрожающей и вызывает странное чувство вины, как будто между вами присутствует нечто такое, чего вы изо всех сил старались не заметить.

Я полусознательно наблюдал за подобными любопытными случаями на протяжении многих лет и смутно задавался вопросом, что происходит. Тогда, я понемногу стал осознавать, что этот феномен порой присутствует и в моей консультативной комнате, в моих взаимодействиях с анализируемыми. Возможно, годами подмечая и задаваясь вопросами об этих случаях, я бессознательно взрастил в себе способность к более полному их восприятию. Какова бы ни была причина, но мое сознательное внимание к феноменологии того, что я позже назвал «комплексом слияния», начало кристаллизоваться однажды утром на сессии с анализируемой, которую я буду называть Наоми.

Наоми, привлекательная и интеллигентная сорокалетняя женщина, пришла ко мне по совету подруги, прочитавшей мою книгу о нарциссизме. Она была физиотерапевтом и при этом весьма хорошо ориентировалась в психоаналитической литературе. Помимо проблем в супружестве, приведших ее в терапию, очень скоро обнаружилось, что она глубоко заинтересована собственным психологическим ростом.

Однажды, несколько месяцев спустя после начала ее анализа, мой рабочий график был нарушен из-за аварийной ситуации в здании, где расположен мой офис. Обычно я очень осторожен и внимателен к границам, в том числе и к своевременному началу сессий, но в тот день я опоздал на встречу на пять минут и почувствовал нечто тревожное в словах, которыми встретила меня Наоми, сдобрив их точно взвешенной мерой раздражения: «Должна признаться, меня несколько беспокоит ваше сегодняшнее опоздание на сессию».

Я почувствовал внезапное напряжение в теле, сопровождаемое приводящими в замешательство хаотичными чувствами, бросающими тень на мою способность думать и рефлексировать. И хотя она вела себя иначе, чем раньше, мои реакции вышли далеко за пределы ожидаемых. Однако прояснение жалобы Наоми, в особенности то, что оно было сделано с интересом к ее чувствам, похоже, быстро изменило атмосферу. Она стала рассказывать мне о трудностях прошедшей недели, и я чувствовал согласованность и связь с ней, словно бы глубоко беспокоящее состояние пришло и сразу исчезло. Но все же эти хаотические мгновения показались мне значимыми, так что вечером, приводя в порядок свои заметки, я постарался вновь воссоздать свои переживания, оказаться ближе к тому моменту, когда я понял, что «отстранился от своего чувства» или, говоря клиническим языком, диссоциировал в дистанцированное со-осознание.

Вновь возвращаясь к переживанию в своем воображении, я понял, что помимо того, что я отследил во время нашего разговора, я почувствовал также и магнетическое притяжение к ней (которое можно описать как компульсивный поиск более глубокого смысла в словах Наоми), в тисках которого я чувствовал себя «оленем, ослепленным фарами», неспособным ни переключить от нее свое внимание, ни эмоционально и эмпатично установить с нею отношения.

Погружаясь еще глубже, я вспомнил свое ощущение: будто бы мы оба пребывали в настолько тусклой и мрачной среде, что я мог лишь фрагментами улавливать, что она мне говорила. Несмотря на то, что ее слова были, в общем-то, ясными и внятными, я не в состоянии был перерабатывать их, словно бы речь ее была частью некой чрезвычайно абстрактной лекции. И я начал украдкой наблюдать за каждым изменением тона ее голоса или выражения глаз в поисках подсказок К ускользающему от меня смыслу. Прокручивая этот эпизод в уме, я почувствовал, что мы словно бы делили между собой хаотичное поле, объединявшее нас посредством ощущения и аффекта, тогда как реально проговариваемые сообщения не выстраивали связи. Я чувствовал себя психологически привязанным к Наоми, но в то же время не связанным с ней, физически как бы прилепленным к ней, но ментально отчужденным.

В течение встречи я не в состоянии был осмыслить или обдумать этот опыт[1]. В последующие сессии наша работа вернулась в «нормальное» русло, к примеру, была направлена на сложности ее брака, на ее отношения с сыном, на ее прошлый опыт в качестве анализируемой в психотерапии, на трудности, с которыми она принимала мысль о том, что у нее могут быть собственные потребности, и на анализе ее сновидений. И лишь семь лет спустя, после длительного и интенсивного процесса, Наоми и я смогли, уже не диссоциируя этот опыт и не загоняя его в укромное, внутреннее состояние, вновь пережить ту странную близость и одновременное отсутствие коммуникации, которые являются аспектами комплекса слияния[2].

Комплекс слияния проявляется из базисного поля. Физики считают частицы временными манифестациями или концентрацией энергии поля, составляющего первичную реальность. Сходным образом комплекс слияния является активированным местом фузионного поля[3].

Подобная активация, похоже, связана с качеством психической жизни — к примеру, с творческой идеей, или развитием эго, или со способностью мыслить или чувствовать, или с самостью и связанной с нею новой идентичностью— выходом из безвременного царства бессознательного и вступлением в жизнь в пространстве и времени. Такой переход всегда приводит к расстройствам[4]; а расстройство, в свою очередь, оживляет

комплекс слияния. При отсутствии контейнирующих отношений — то есть отношений с человеком, эмпатически реагирующим на тревогу, присущую подобному нарушению (обычно в раннем детстве это родитель), — комплекс слияния становится очень сильным и приводит к застывшему состоянию, в котором это психическое качество поля не может воплотиться в материализованную жизнь.

В течение многих лет моей работы с Наоми — до тех пор, пока самость и чувство идентичности не смогли, наконец, воплотиться, — это взвешенное состояние невоплощенной жизни привносило в поле некое мучительное, изводящее нас обоих качество: тот самый материал, который я мельком ухватил на той ранней сессии. Качество это оформилось для Наоми в роковом сне о черной ночной сорочке (глава седьмая). И этот образ олицетворял для нас боль и сложность контейнирования турбулентности комплекса слияния.

Фузионная среда или поле невидимо для нормального восприятия, однако содержит в себе беспорядочную массу непроработанной информации. Рефлексия в данном случае дается особенно тяжело, потому что, в отличие о иных полей человеческого взаимодействия, фузионное поле не генерирует опыта трехмерного пространства, в котором могут иметь место такие процессы, как обмен чувствами или бессознательно передаваемыми фантазиями между людьми. Поскольку не хватает стабильного и годного к употреблению переживания пространства «внутри» или «вовне» другого человека (или себя самого), то не может быть эмпатии или значимой коммуникации. И неважно, что мы можем думать, будто связь с другим существует — мы все равно словно бы находимся в параллельной вселенной, даже если речь идет об общении на простейшие темы. Реакции аналитика и анализируемого постепенно теряют связность, и если один из них делает паузу, чтобы явно подчеркнуть собственное впечатление от смысла высказывания другого, то в шоке обнаруживает, насколько велико разобщение.

Эти два условия — тяга к слиянию и тенденция к дистантности и не-коммуникативности— существуют одновременно: есть и связь на уровне слияния *и* состояние разъединенности. И то, и другое верно. В философии этот феномен известен как проблема «истинных противоречий», в которых утверждение,

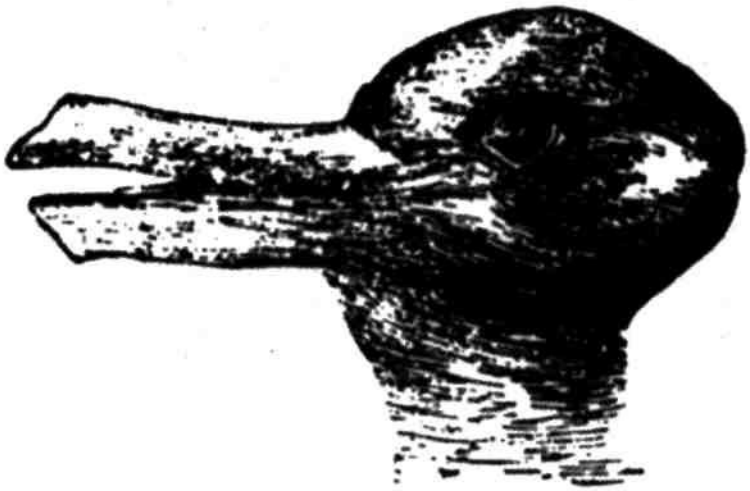

Рис.1. Утка-кролик
Утка это или кролик? Слиты мы или полностью разъединены?

что А=-А создает логическую невозможность. В качестве иллюстрации этого состояния воспользуемся рисунком «утки-кролика»[6].

Помимо культурных и исторических особенностей комплекс слияния являет собой архетипический паттерн[7], организующий жизнь «между» известным и неизвестным. Эта неизбежная составляющая — постоянный спутник творческой жизни, и она сопровождает движение из одной «психической территории» в другую — смену работы, трансформирующий духовный опыт, само рождение. Ее можно обнаружить в самом раннем детстве и на более поздних фазах сепарации от материнского объекта или в процессе фундаментальных изменений личности. Для некоторых комплекс характерен и при самых малых изменениях в поведении или отношениях.

Когда активирован комплекс слияния, то сепарация от привычной «безопасной территории» уже установившихся паттернов — или (если речь идет о взаимодействии) сепарация от высказанных или невысказанных желаний или требований другого человека— может привести к крайней и дестабилизирующей тревожности, к компенсаторной, ярости и временному нарушению способности к рефлексии и ясному мышлению.

Субъект часто защищается против двусмысленности и безумия комплекса посредством замаскированного и деструктивного теневого поведения. Он может (обычно бессознательно) разыграть *желание разъединенности,* которое трудно поднять до уровня сознания, к тому же затемненное навязчивым побуждением к соединению.

Подобное побуждение проявляется странным образом, порождая слипание со словами или чувствами другого человека, несмотря на отсутствие переживания коммуникации.. Субъект часто создает ложную, симулированную связь, быстро произносит «все понятно» или компульсивно заканчивает фразы другого человека, хотя фактического понимания в общении так и не происходит, — и все это в надежде на то, что холодная бесчувственность и безумная тяга к разрыву связи прошли незамеченными.

К примеру, другой анализируемый, Джон, разговаривал со своей женой по телефону, когда она произнесла «Я люблю тебя», чтобы закончить разговор. Наступила пауза, поскольку Джона внезапно захлестнула тревога. Он знал, что она ждет в ответ его фразы «Я тоже тебя люблю», но он не чувствовал никакой связи с нею в тот момент. «Я тоже тебя люблю», — выдавил он, наконец. Его жена, которая, подобно Джону, провела много лет в терапии, возразила: «Я не чувствую этого», — и тревожность Джона подскочила еще больше. «Прости», — только и мог он промямлить, стремясь закончить разговор как можно скорее.

Придя на следующий день на нашу еженедельную встречу, Джон рассказал мне о телефонном разговоре и о своей тревоге. После нескольких минут обсуждения нам обоим стало ясно, что он избегает глубоко беспокоящего его состояния — того самого, которое к тому моменту я уже мог распознать в своих наблюдениях за моими собственными реакциями и обозначал как комплекс слияния у моих анализируемых.

В эти мимолетные, легко ускользающие из памяти моменты ощутимого присутствия комплекса я осознавал, что нахожусь на грани переживания чего-то, что сильно угрожает моему чувству связности. Я начал отмечать полное воздействие этого «чего-то» на мой разум и тело, чего-то, что прерывает мою способность к ясному различению внутренних и внешних источников невыносимых страданий. Многие годы я избегал этого пу-

тающего состояния, адаптируясь на ментально-рациональном уровне осознанности, как если бы мои восприятия исходили из «верхних» частиц моего существа. И лишь тогда, когда я позволил своему вниманию спуститься глубже в собственное тело и отследить поле, разделяемое с другим, я смог почувствовать это крайне беспокоящее состояние между нами.

Сходным образом и Джон, чтобы избежать собственной тревоги, «поднялся в голову» и попытался представить, что именно жена хочет от него услышать. Чтобы исследовать эту тревогу, я попытался вернуть его назад к чувству, к телу и — подальше от головы[8]. Ему было нелегко переживать пребывание *в* теле и пытаться добраться до дезориентирующего состояния, от которого он убежал, и сначала он вновь отступил в голову, прибегнув к интеллектуальному подходу: «Я знаю, это о моей матери».

И вновь я попросил Джона вчувствоваться в тело, и он начал говорить: «Если я позволяю себе окунуться в любовь моей жены и ее принятие меня...», — но затем остановился и сказал: «Я не могу. Слишком страшно. Я теряю ее. Я буду чувствовать себя отвергнутым или покинутым». И снова я направил его к телесным ощущениям, велев не терять ментальной связи с дыханием и подмечать, что он чувствует.

«Это сочетание гнева и страха».

«Страха чего?» — спросил я после долгой паузы, и он произнес: «Что меня засосет, и я потеряюсь в ней. Словно бы есть магнетическая тяга, которую я чувствовал Во время телефонного звонка. Слиться с ней, пребывая в теле, было слишком небезопасно. Оставаться в голове тоже было страшно, но безопаснее; тогда я не чувствовал этого втягивания в нее и опасности потерять себя. Так всегда между нами. Словно бы какое-то фоновое присутствие, которого я пытаюсь не чувствовать, избегать, но я знаю — из-за этого мне трудно быть полностью с нею. В сексе я боюсь, что лишусь эрекции. Я, действительно, не хочу проникать в нее, я слишком сосредоточен на том, чтобы «сделать все правильно», чтобы чувствовать желание».

«А как правильно?»

«Как она считает правильным».

«А она говорит, как?»

«Нет, я всегда пытаюсь понять это сам, как это было и во время того телефонного разговора».

Затем Джон уточняет свои воспоминания: «Есть между нами какое-то водянистое чувство, словно бы я могу утонуть в этом» не имея ни одной собственной мысли, а думая лишь то, чего хочет она. Только так можно освободиться. Когда это начинается, я ее ненавижу».

Пока Джон пытался убежать в свой разум, он все же чувствовал много хаотичной или непроработанной информации, запрудившей его — его тело — и то «водянистое поле», в котором он неразличимо отождествлен с женой, вовсе не в положительном переживании слияния и любви, но, скорее, чувствуя себя заточенным в тюрьму. В то же самое время он ощущал обширную пустоту душевной дистанции — следствие отсутствия связи с женой, отсутствия какого бы то ни было понимания, рефлексии или эмпатии. Я спросил его:

«Вы очень близки с нею, спутаны вместе в вашем поиске ее чувств и мыслей?»

«Да».

«И вы совершенно отдалены от нее, никакого общения, никакого чувства привязанности?»

«Да».

Джон переживал тот же самый феномен «утки-кролика», который я обнаружил с Наоми. Его сознание не в состоянии было воспринимать логическую невозможность этих «истинных противоречий», не распахнув дверей навстречу предельному смятению и страху «исчезновения в ней и полной потери себя», угрожавшему его чувству существования.

* * *

Рациональный ум с его проективными формами сознания по природе своей неспособен к восприятию этих глубоко хаотичных полей, которые, похоже, существуют еще до способности к дифференциации эмоциональной жизни. Ментальный уровень, таким образом, становится побегом от поля. Только тогда, когда поле замечено и задействовано, то, что когда-то казалось хорошей коммуникацией, скажем, интерпретация или утверждение о чьей-то зависти, начинает видеться судорожной попыткой соединить края огромной пропасти, через которую оба человека переговаривались, не умея пережить этот зазор с подлинной эмпатией или пониманием.

Эта расщелина — олицетворение архетипического ядра комплекса слияния. Это наводящее ужас, травматическое состояние, которое несколько анализируемых характеризовали как страх «пустоты, вакуума, лакуны», «бездны», состояния «небытия», «белого ничто» или «бездонной ямы» или «всасывающего демона». Некоторые подыскивали для описания архетипические образы, такие, как темные аспекты индийской богини Кали или анатолийской Великой Матери, Кибелы, лучше всего отражающие подобный опыт.

Переживание такого опыта бездонной пропасти в общении с другим человеком часто приводит к интенсивному чувству вины или обвинению в попытке отделиться от того, что ощущается как опасная ненасытность «другого». После того, как человек открывается навстречу чувствованию поля, нередко он испытывает головокружение, казалось бы, говорящее ему: «Это неприемлемо»,— как будто бы тело бунтует против ужасного состояния, и чувствует потребность спасти от него другого человека. Поле может ощущаться как нездоровое, гнилостное, так что каждая клеточка тела стремится скрыться от него. И если настаивать на пребывании в поле, «опоре на него», то можно испугаться, что заразишься «липкостью», словно бы испускаемой телом другого человека. Будто бы взломаны какие-то мощные табу.

Перемещение пустоты в другого — это защита от понимания того, что пустота есть качество поля, субъектами которого являются оба. Для обоих участников характерна тенденция делать вид, что промежуточного поля не существует, словно бы заговорщически говоря: «Ничего не происходит», поскольку видеть поле и испытывать агонию «невозможных» противоположностей слишком беспокойно и страшно. Психолог и философ Стивен Розен исследовал это состояние, рассматривая греческое понятие *Апейрон* — в разных вариациях мыслимое как безграничный, беспредельный, неопределенный, непостижимый или неоформленный поток противоположностей, — нечто, чего западная мысль избегала в течение, по крайней мере, двух тысяч лет[9].

Вдобавок, наша культура сейчас находится в переходном периоде и в момент этого перехода комплекс слияния повсеместен. Ибо культуры тоже оказываются субъектами фузионного

поля, которое активируется, как только общество больше не может хорошо адаптироваться к коллективным потребностям, и это вызывает широкое проявление комплекса слияния у принадлежащих к этой культуре индивидуумов[10]. Индивидуация— этот «врожденный [императив] живого существа, призывающий к полному воплощению, к становлению подлинно собою в эмпирическом мире пространства и времени»[11] — выдвигает новые требования сознанию и требует нового отношения к себе и другим. Но, как только новое сознание и структура самости консолидированы, комплекс слияния постепенно вновь вводится в фузионное поле и становится в гораздо меньшей степени заботой отдельного человека.

Может показаться, что этот комплекс бывает только патологическим. Однако, на культурологических и индивидуальных примерах мы увидим, что комплекс слияния — это ворота, через которые должна пройти любая новая форма сознания и связанная с нею самость (та структура, которая пестует чувство идентичности и порядка в человеческой жизни), всякий раз, когда речь идет об устойчивом изменении в пространстве и времени и, что самое важное, если это изменение существует как воплощенный опыт.

* * *

Обычно чем ближе мы подступаем к сердцевине любого комплекса, к неизвестному архетипу *per se,* тем более мы переживаем *нуминозность.* Термин этот, предложенный в 1927 Рудольфом Отто в его *«Идее Священного»* для обозначения священных эмоциональных переживаний — таких, как Благоговение, Красота, Свет, Ужас, Трепет, Страх и т.п. — описывает природу глубоких, архетипических переживаний. Переживание нуминозности— это

> «конфронтация с силами не этого мира. Это «Всецело Иное», существующее за пределами нормального опыта и не поддающееся описанию в его терминах; пугающее, начиная от абсолютного демонического ужаса и через трепет доходящее до тончайшего величия; и привлекательное, обладающее непреодолимой силой притяжения, требующее безусловной преданности»[12]

Обычно комплексы могут стимулировать встречу с нуминозным в его негативной форме. Если речь идет о комплексе слияния, негативная нуминозность особенно прочна и цепка и трудно поддается трансформации, проявляясь в крайней тревожности, которой сопровождается сепарация любого рода. Это переживание может приближаться к понятию Джеймса Гротштейна о черной дыре психоза как о «переживании беспомощности, дефекта, ничто, нуля, выражаемого не просто в виде статической пустоты, но в виде направленного внутрь взрыва, центростремительной тяги к вакууму».[13] Иногда мы стремимся найти безопасную гавань и прячемся от глубоко тревожной негативной нуминозности путем диссоциации от осознания противоположной фузионной тяги к объектам через побег от общения, подобный аутистическому. Такая диссоциация обычно принимает форму крайнего расщепления между умом и телом и укрытием в пассивном фантазировании. Однако встреча с дезорганизующей энергией архетипа на сознательном уровне может часто развернуть к положительной форме проявления, т.е., к благоговению, тайне, любви, красоте и состраданию.

Просто потрясающе, что попытки встретиться с хаосом, а не отмежевываться от него, могут вызвать к жизни удивительные перемены. Ибо нуминозное, даже в своей негативной форме, все равно — священная энергия архетипа. Аналитический процесс может стать медиатором подобной перемены, как говорил Юнг: «Вы вытаскиваете наружу то, присутствие чего чувствуете в человеке». Если мы способны ощутить позитивную нуминозность, то есть «свет» в человеке, то мы помогаем реальности этого света воплотиться, и, таким образом, мы будем подпитывать веру анализируемого в его или ее собственные архетипические ресурсы. Если же такого восприятия мы лишены — особенно если мы не знаем, как нуминозное связано с нарушениями при его воплощении или если мы не имеем опыта превращения негативного нуминозного в его положительную форму, то мы становимся совсем другим контейнером и выстраиваем иные объектные отношения, чем тот, кто подобным опытом наделен.

Обычно человек не приходит к осознанию своего комплекса слияния через обычные аналитические процедуры, такие, как свободные ассоциации или интерпретация снов или переноса. Восприятие аналитиком состояния ума или тела анализируемо-

го или поля, в котором они оба находятся, должно взять на себя лидирующую роль[14].

В этой книге я буду пользоваться выражениями типа «смотреть в поле», «видеть сквозь поле» или «видеть поле». Речь идет о способах чувствования, которых можно достичь с помощью особой формы «неординарного восприятия», которое само по себе есть функция сознания, отличная от рациональной, линейной формы осознавания, заправляющей нашей культурой, по крайней мере, три последних столетия[15].

В каком-то смысле, *увидеть* феномен комплекса слияния можно только *после* того, как исчерпаны рационально-дискурсивные средства понимания. Только тогда оказываешься достаточно затронутым полем вместе с анализируемым, чтобы почувствовать, что же *там* есть. В моем опыте это видение никогда не передается интерпретацией, основанной на теории развития[16]. Его можно, скорее, передать утверждением о существовании того, что мы воспринимаем — неважно, глазами ли, чувствами, телесными ощущениями, обонянием или слухом[17].

С опорой на личные отношения или глубокую систему убеждений, человек может суметь сохранить подлинность собственного чувства в постижении «невозможных» противоположностей. Фактически, его борьба оказывается переходом к новой самости, поскольку нуминозное начинает мерцать внутри. И когда аналитик сумеет *увидеть* нуминозную энергию (посредством неординарного восприятия, которое развивается из визуальных, кинестетических переживаний или чувств), то состояние крайнего хаоса, переживаемое человеком, может достаточно успокоиться, чтобы процесс воплощения новой самости стал жизненной реальностью.

Довольно сложно не призывать человека к «героическому» акту сепарации от чрезвычайно деструктивного поведения или от слияния с другим, хотя он (или она) в действительности не в состоянии накопить энергию практически ни на что, не говоря уже об изменении своей жизни. Лучше всего в таких случаях помогает позиция очевидца, чувствующего пределы понимания человека и способного посочувствовать страданиям, и, кроме того, обладающего верой в процесс, посредством которого пытается воплотиться самость[18].

В случае адекватного контейнирования посредством таких объектных отношений — то есть таких условий, в которых существует достаточная степень коммуникации, гармонии и понимания между субъектом и объектом, — это движение из безвременья во временное существование формирует творческий переход, в результате чего появляется новое чувство идентичности и новый опыт внутренней самости. Однако, если, как это часто происходит, контейнер, призванный облегчить переход, не справляется с задачей, то комплекс слияния производит обратный эффект: препятствует воплощению самости в пространственно-временную жизнь.

Смысл обнаружения присутствия комплекса слияния таков:

а) аналитик добивается способности- понять и оценить силу психотической тревожности, столь разрушительно действующей на чувство существования анализируемого. Тогда аналитик может более бдительно относиться к деятельности, запускающей эту тревожность.
б) многие аналитические процессы наталкиваются на преграды до тех пор, пока комплекс слияния (который может вполне спокойно существовать наряду с разнообразием менее хаотичных, но все же чрезвычайно сложных состояний, таких, как пограничное, нарциссическое или диссоциативное) не начнет ощущаться в здесь-и-сейчас аналитического процесса. Это может обладать могущественным трансформирующим эффектом, сродни чудодейственным целительным способностям алхимиков, приписываемым их таинственному *эликсиру*.
в) даже если взаимное переживание — что оптимально — не достигнуто, все равно осознание аналитиком присутствия комплекса слияния может вызывать бессознательное уменьшение защит анализируемого против осознания своих фузионных состояний и связанного с ними отсутствия близости (relatedness).
г) комплекс слияния — это теория, помогающая нам увидеть то, что легко ускользает от нашего нормального восприятия, те темы, которые редко, если вообще когда-нибудь, проявляются через работу с личной историей или интерпретацию снов или интерпретацию переноса.

Нижеследующий список — в подробностях рассмотренный далее на страницах этой книги — суммирует основные особенности комплекса слияния со специальными отсылками к терапевтической ситуации. «Первичные признаки» являются основными в переживании комплекса слияния. «Дополнительные признаки» также существенно важны для идентификации и переживания комплекса слияния, но сами по себе не полностью охватывают его природу. Однако осознание любой из этих дополнительных особенностей часто бывает первым намеком на присутствие комплекса слияния.

Признаки комплекса слияния

Основные

1. **Одновременность тяги к слиянию и отсутствия коммуникации**
   Когда комплекс слияния доминирует в поле между двумя людьми, то тяга к слиянию и тенденция к дистанцированию и отсутствию общения существуют одновременно. В одно и то же время — и связь до полной слиянности *и* состояние разъединенности. В философии это известно как проблема «истинных противоречий».

2. **Дезорганизующая природа архетипического ядра комплекса**
   Архетипическое ядро комплекса наводняет поле хаотической энергией, которая пугает субъекта потерей связности и идентичности.

Дополнительные

3. **Сепарация, крайняя тревожность и потеря энергии**
   Попытка отделиться от чувства физического слияния с человеком или со знакомой схемой поведения ведет к переживанию дезорганизующих, психотических энергий архетипического ядра комплекса слияния. В субъекте это создает отсутствие связности (когерентности) и радикальное снижение энергии. Это может сопровождаться сильным стыдом перед лицом неспособности, иметь дело

с, казалось бы, тривиальными вещами, — такими, как оплата счета, вполне по средствам, но просроченного.

4. **Скрытая и чрезвычайно пассивная фантазийная жизнь**
Чтобы избежать опыта встречи с дезорганизующим воздействием комплекса слияния человек прибегает к помощи пассивного фантазирования, и посвящает ему зачастую помногу часов в день. Эта насыщенная фантазийная жизнь обычно хранится в строгой тайне, и аналитику чрезвычайно сложно обнаружить ее.

5. **Отсутствие пространства, препятствующее продуктивному использованию проективной идентификации**
Трехмерное пространство ощущается как нестабильное или несуществующее в поле комплекса слияния; следовательно, отсутствует контейнер, который мог бы помочь различить «внутреннее» и «внешнее». Следовательно, проективная идентификация — процесс, при помощи которого воображение аналитика частично создается или индуцируется отщепленной воображаемой жизнью анализируемого,— оказывается фрагментарной или совсем не присутствует в качестве полезной модальности.

6. **Нарушенное тонкое тело и использование суррогатной кожи**
Посредством неординарных форм видения, чувствования или кинестетических переживаний можно ощутить, что человек с мощным комплексом слияния обладает разорванным или как-то иначе поврежденным тонким телом— контейнером внутренней жизни, существующим «между» умом и телом. «Суррогатные кожи», такие, как ненависть к самому себе, диссоциация, мышечная ригидность и пассивные фантазии формируются как защитные контейнеры против внутренних или внешних вторжений.

7. **Мощные и чрезмерные формы нарциссизма**
Когда комплекс слияния силен, то присутствует мощная форма нарциссизма (более примитивного, чем обычный для нарциссических расстройств и приближающийся к

так называемому первичному нарциссизму). Это может принять форму «структуры мыльного пузыря», в которой анализируемый одновременно является оратором и слушателем. От человека может исходить некоторая странность, подобная той, что часто сопровождает психотические процессы.

8. **Страх, гнев и обвинение**
Внутри поля комплекса слияния человек может быть охвачен сильным гневом, по своей деструктивной природе сродни «дорожной ярости», а также крайним страхом. Взаимодействие с другими сильно ограничено *обвинениями,* ибо признание *вины* за кем-то — валюта комплекса, не допускающая возможности проживания конфликтующих точек зрения.

9. **Внезапные скачки или прерывность переживания**
Когда оживлен комплекс слияния, то один или оба человека могут испытывать внезапный эмоциональный скачок: эмоции, пробужденные встречей, резко скачут от моментам моменту. Это может сбивать с толку или пугать.

10. **Отвращение (abjection)**
Когда поле комплекса слияния сильно констеллировайо, то довольно распространен страх заражения жалким, отвратительным состоянием другого (например, его или ее сумасшествием), принимающий форму безграничной идентификации с архетипом.

11. **Непрожитая жизнь и унижение**
Мощь комплекса слияния создает в человеке огромные пустыри непрожитого потенциала, и в результате порождает сильное чувство униженности.

***Специальный термин, применяемый в Америке для обозначения волны ярости, охватывающей водителей в сложной и конфликтной дорожной ситуации, результатом которой может быть потеря контроля, драки между водителями и т.п. (Прим.пер.)**

12. Типичные реакции аналитика

а) аналитик стремится диссоциироваться от поля отношений, потому что присутствие в нем путает и оказывается болезненным—как ментально, так и физически. Физическая боль может быть крайне острой — давление или даже резкие боли в голове, груди или животе. Ментальное замешательство нарушает способность к созданию внутреннего порядка. Часто ментальный и физический уровни боли перекрещиваются, и их невозможно различить друг от друга;

б) аналитик чувствует себя пустым, тупым и омертвевшим к восприятию любого душевного или физического состояния. В своей немоте аналитик вдруг может почувствовать себя контролируемым или заключенным в заточение некой безличной силой, которой невозможно ответить.

в) психотические процессы в поле ведут к чувству странности; к примеру, когда аналитик говорит, даже если кажется, что его слышат и регистрируют сказанное, то услышанное часто не соответствует тому, что имелось в виду. Это изматывающее и сбивающее с толку качество взаимодействия может привести к сильным негативным реакциям аналитика.

г) аналитик стремится диагностировать своего анализируемого как нарциссического, шизоидного, обсессивно-компульсивного, диссоциативного, шизоаффективного или пограничного пациента. Однако, несмотря на возможное присутствие подобных состояний, требующих лечения, последнему препятствует множество обстоятельств, пока, наконец, сознательно не будет учитываться поле комплекса слияния. К тому же многие из так называемых «антитерапевтических» реакций пациента в аналитическом процессе, а также другие серьезные формы сопротивления являются артефактами комплекса слияния, и могут уменьшиться или исчезнуть, как только комплекс идентифицирован.

13. Непатологическая природа комплекса слияния

Как только аналитик способен более сознательно выносить комплекс слияния и «пригибаться под» его поле,

оппозиция слиянности и дистанцирования может стать сознательной и превратиться в последовательный ряд состояний. Это порождает начинающееся осознание того, что в эффекте «невозможных противоположностей» присутствует, помимо патологии, нечто еще. Когда чувство присутствия хорошего контейнера внутри многомерного поля еще сильнее укрепляется, оппозиции могут мельком быть увидены вместе. И это в особенности приоткрывает возможность более глубокого осознания того, что комплекс слияния— нечто гораздо большее, чем патология: это потенциальные врата к новой форме как эго-сознания, так и самости.

2. Восприятие: незримый мир комплекса слияния

Комплекс слияния пребывает *между* пространством, в котором противоположности слияния и дистанцирования еще не разделены, и другим пространством, в котором противоположности разделены и обозначены. В этом «промежуточном» мире может доминировать душевная и физическая боль, а стабильное переживание пространства отсутствует. Состояние слияния *с* анализируемым лишает аналитика его излюбленного инструмента: он (или она) не может в достаточной степени распознать свои собственные чувства или «внутреннее состояние», чтобы обнаружить, какой именно их аспект может быть производным от психики анализируемого. Этот процесс, известный как проективная идентификация, зачастую является ценным источником информации в психотерапии[19], но в случаях, когда поле между аналитиком и анализируемым организовано комплексом слияния, следует использовать иные формы восприятия.

Более того, стандартные терапевтические практики, такие, как интерпретация снов или переноса, могут ввести анализируемого в состояние крайней тревожности, поскольку такой подход может переживаться как подталкивание к преждевременному разделению субъекта и объекта. Если аналитик пытается вовлечь в работу энергии и динамику комплекса слияния, то не стоит форсировать подобные рациональные уровни диалога.

Следствия хаотической природы «промежуточного» мира, в котором обитает комплекс слияния, таковы, что анализируемый редко когда будет способен описать свои переживания до того, как аналитик сам первым почувствует их. Сам по себе анализируемый нечасто способен осознать динамику комплекса слияния. Более того, вопросы, задаваемые анализируемому, или поиск ассоциаций к образам сновидений или к жизненному

опыту, ничто из этого не приведет к открытию существующего «невозможного» состояния слияния.

Обычно то пошаговое мышление и сознание, что доминирует в современном мире — рационально-перспективная форма сознания, которая центральна для науки и всех исследований, претендующих на объективность и понимание жизни как отдельных частей, взаимодействующих посредством причинной связи, — неспособно облегчить восприятие противоположностей, характерных для комплекса слияния. Если же мы применяем некую теорию, например, теорию, описывающую детское развитие или внутренние, имагинативные опыты, то и здесь подобная рациональная форма сознания не может приоткрыть завесу и *распознать* комплекс слияния[20].

Тут требуется другой тип сознания, неординарная форма восприятия, когда окажется возможным ощутить духовный или душевный фон личности или поля, в котором находится человек. Восприятие это не есть интуиция в обычном смысле нерациональной связи с бессознательными процессами; скорее, оно требует акта *творения,* сходного с тем, что описан в многочисленных мифах сотворения. Из этого процесса развивается сущностно новая форма сознания, через которую внутренняя реальность анализируемого становится воспринимаемой, и равно поддающейся восприятию оказывается реальность поля.

Веру в то, что земля и небо изначально были едины или были смешаны в водах Хаоса, что требовало разделения на противоположности и создания пространства, мы находим во многих культурах. «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Бытие 1:2). Сказав: «Да будет свет» (Бытие 1:3), Создатель отделил свет от тьмы, и назвал свет днем, а тьму ночью. Это завершает ветхозаветный рассказ о первом дне творения. До этого момента пространства не существовало. Затем, на второй день, Создатель говорит: «Да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды» (Бытие 1:6). Так создаются Небеса и, стало быть, начинает существовать пространство.

В древнеегипетских текстах бог Шу укрощает демонов тьмы и разделяет Нут и Геба, небеса и землю. И вновь — творческое действие происходит внутри лишенной формы пустоты, что *предшествует* созданию пространства— Шу укрощает демонов, Яхве подчиняет водный хаос и создает небеса, землю и свет[21]. Сходным образом аналитик покоряет собственные тенденции к диссоциа-

ции, к побегу в состояние ментальной рефлексии и прочь от физического присутствия. Что самое важное, аналитик работает на создание «внутреннего пространства»: чувствует и воспринимает и заботится о своих собственных менее опытных частях, столь сильно напуганных полями, генерируемыми комплексом слияния. До-научные общества считали хаос, существовавший «до второго дня» одновременно и источником опасности, и купелью творения чего-то сущностно нового. В некоторых символом его был мифический дракон с драгоценным камнем во лбу, который требовалось достать. Аналитик, оказавшийся под ударами болезненных переживаний в ощущении отсутствия пространства[22], призывается для выяснения таинства этого состояния.. Он (или она) должен обладать намерением опереться на поле и пережить ощущение хаоса, характерное для этого поля, не вводя преждевременного порядка. В каком-то смысле нужно позволить самому полю бесконечно распространиться, и одновременно чувствовать его наличие «между» аналитиком и анализируемым, концентрироваться на нем. Из такого состояния взвеси, в котором собственное эго одновременно видит и не видит и, таким образом, делает возможным восприятие и постижение, аналитик начинает сортировать и вычленять противоположности из недифференцированного, смешанного состояния.

* * *

Какова же природа этого неординарного восприятия, открывающего поле восприятия анализируемого к тому, что присутствует *там*? Рационально-дискурсивная форма сознания, это великое и столь дорогой ценой завоеванное достижение последних трехсот лет, результатом которого стала способность проследить человеческий рост в процессе развития от внутриутробной жизни и рождения дальше, через четко определенные стадии, терпит неудачу лишь в одном-единственном случае: такое сознание неспособно породить интересующее нас восприятие. Спешу подчеркнуть слова *«в единственном»,* ибо подобная перспектива, с точки зрения развития, (к примеру, теория раннего развития[23]), должна сочетаться с неординарной формой восприятия[24] таким образом, чтобы вместе они породили понимание, отвечающее актуальной истории анализируемого.

Слова художника Маршанда, цитируемые Морисом Мерло-Понти, кое-что говорят нам о природе требуемого восприятия:

> «Часто, будучи в лесу, я чувствовал, словно бы не я любуюсь лесом. Иногда мне казалось, что это деревья смотрят на меня, говорят со мной... Я стоял там и слушал... Думаю, что художник должен быть пронизан вселенной, а не проникать в нее.»[25]

Аналитик, пытающийся ощутить присутствие комплекса слияния, должен, аналогично художнику, позволить себе оказаться пронизанным полем, оживляемым работой с анализируемым. Поле это оказывается «третьей сферой», как и лес Маршанда, и сознание, пронизанное этим полем, а не жаждущее перво-наперво проникнуть в него (чтобы извлечь информацию или создать порядок), может обнаружить, как раскрывается сущность, как возникают образы, стоящие понимания. Так можно познать характерные для этого поля качества, такие, как оппозиция слияния-дистанцированности, или образы расщепления «верх-низ» у анализируемого[26]. Подобные образы не приходят постоянно, как это бывает с ощущениями, полученными посредством проективной идентификации. Рамки, оперирующие лишь «тремя измерениями», характерные для последовательности рационально-перспективных форм сознания, не в состоянии «открыть пространство восприятия».

Многие великие поэты, психологи и философы последнего столетия настаивали на открытии иного способа восприятия. Можно вспомнить характеристику взгляда кита, которую дает Генри Мелвилл — кит, чьи глаза находятся по бокам головы, способен видеть противоположные стороны одновременно[27], тогда как люди обречены видеть сначала одну, а потом другую. Сожаления Райнера Марии Рильке об утраченной открытости детского взгляда прекрасно звучат в восьмой «Дуинской Элегии»:

Всем зрением внимают существа
Открытому. И только наши очи
Наоборот, расставлены вокруг
Ловушками, перекрывая вход.
Что там вовне, мы знаем лишь по лику
Зверей: детей мы понуждаем
Взгляд отводить и видеть наизнанку

Не то открытое, что нам являет зверь[28].. ." Те же томления мы найдем и у Д.Лоуренса с его критикой рационального. Художники на протяжении последнего столетия продолжали биться над все той же базовой темой: сознание, получившее столь большое развитие во времена Ренессанса, несмотря на свое огромное значение, обладает серьезными ограничениями. Новая форма понимания конкретна, имеет место *сейчас,* чувствуется, видится и познается в настоящем. Она не происходит из пошаговых процедур, разделяющих мир на части, но, скорее, живет внутри чувства полноты, тотальности. То, что Жан Гебсер называл «аперспективным сознанием» — это переживание, получаемое посредством суживания эго, ослабления его хватки (hold) и вступления в процесс ощущения бессознательного поля между людьми. Трансформированное эго затем можно обнаружить посредством видения бессознательного (и это «видение» может фактически быть визуальным, аудиальным, кинестетическим или эмоциональным), того «природного; света», который в столь большой степени был фокусом предыдущих эпох[29]. Через этот «свет» мы воспринимаем чистое настоящее; время больше не разделено на три периода — прошлое, настоящее и будущее[30]. Вот что пишет Гебсер о рисунке Пикассо-1928 года; без названия:

> «В рисунке Пикассо выражена именно интегральность или целостность, потому что впервые само время включено в изображение. Когда смотришь на этот рисунок, то одним взглядом видишь всего человека в целом, воспринимая не просто одну возможную сторону, но одновременно и вид спереди, и вид сбоку, и вид сзади. Словом, все разнообразные стороны присутствуют одновременно. Если формулировать это обобщенно, то мы экономим время и на необходимость обходить человеческую фигуру со всех сторон, чтобы последовательно увидеть разные виды ее, и на необходимость синтезировать или суммировать эти частичные перспективы, что может быть осуществлено лишь посредством концептуализации. Раньше «увязывание» подобных различных секторов видения В одно целое было возможным лишь, путем объединения воспомина-

Цит. в переводе Вячеслава Куприянова, (Рильке Р.М., Избранные стихотворения, М.: Эксмо, 2006, с.151)

ний о последовательно осмотренных аспектах и, следовательно, такая «целостность» обладала лишь абстрактным качеством[31]».

Достигнутое подобным образом понимание подобно прозрению или откровению о том, что есть *там*[32], во многом сходному с «переживанием художника, живущего восхищением. Похоже, вещи сами испускают в пространство все то, что лучше всего ему подходит — будь то паттерны или констелляции элементов»[33]

Мерло-Понти говорит:

«Четыре века спустя после Ренессансных «решений» и три века после Декарта — глубина эта все еще нова и настаивает на поиске решения, происходящего не «раз в жизни», а на протяжении всей жизни... Глубина эта есть переживание глобальной «локальности»— все сущее в одном и том же месте в одно и то же время, это локальность, из которой извлекаются высота, широта и глубина; это переживание той объемности, которую мы выражаем словом, когда говорим, что вещь есть там»[34]. В «Зримом и незримом» он пишет об открытии нового измерения, которое не есть

«незримое de facto, подобно объекту, укрытому за другим, но и не есть абсолютно незримое, что не имело бы ничего общего со зримым. Скорее, это незримое *этого* мира, то, что населяет этот мир, поддерживает его и воздает ему зримость, его собственные и внутренние возможности, бытие этого бытия»[35]. Далее он замечает, что «Пауль Клее говорил, что линия больше не подражает видимости; она «воздает зримость»; это наметки генезиса вещей, готовых к сотворению»[36]. «Линия» может соответствовать наблюдаемым поведенческим моделям, которые с помощью аперспективного восприятия придают зримость тому, что обычно остается незамеченным. Таким образом, уровням травмы и насилия, скрывающимся за явными воспоминаниями анализируемого в аналитическом процессе, может быть «придана зримость».

Посредством поля мы видим уникальным образом, и если вы уже пронизаны энергиями поля, то ваше «видение» очень часто чрезвычайно значимо для анализируемого. И здесь мы имеем дело с постоянной циркуляцией между проникновением (в поле) и пронизанностью (полем). Такая обратимость для Мерло-Понти оказывается «последней истиной, запускающей в действие и побуждающей круговорот Бытия»[37].

* * *

Аперспективный подход, похоже, проявляется в коллективном сознании, делаясь в большей степени общедоступным, чем это было, скажем, сто лет назад. Новую форму сознания можно обнаружить в работах целого ряда творческих психотерапевтов[38]. Кроме того, существует также замечательный и не столь уж редко встречающийся опыт того, как аналитик представляет случай на групповой супервизии, а члены группы «читают поле» и добираются до глубин психики как аналитика, так и анализируемого, о некоторых аспектах которых представляющий случай аналитик не догадывался или понимал их недостаточно. Однако эта информация латентно присутствовала в поле, транслируемом аналитиком в групповой процесс. Даже больше: к следующей сессии анализируемый зачастую изменяется, словно бы сам по себе, как будто бы он (или она) присутствовал во время супервизии.

Однако, обучая неординарным формам восприятия, я часто встречаюсь с тем, что считаю коллективной формой сопротивления: люди часто пугаются, боятся поверить тому, что они видят, поскольку ждут от рационалиста насмешек. Таков первый уровень сопротивления. Второй уровень принадлежит аналитику, работающему со своим визуальным образом, или телесным ощущением, или внутренним голосом, или состоянием чувств, который мимолетно проскальзывает в сознании и кажется не связанным ни с чем, что аналитик знает об анализируемом. Эти, назовем их потенциальными, ощущения часто нарушают границы того, чему аналитик был обучен, и поэтому с готовностью отбрасываются.

Во время групповых сессий супервизии я, бывает, останавливаю доклад и спрашиваю группу: «Что вы услышали?» Редко кто-нибудь может ответить. Тогда я призываю группу послушать

внимательно и прошу человека, представляющего случай, еще раз повторить то, что он только что сказал. Словно бы люди часто не имеют доступа к собственному «внутреннему уху», ощущающему некую странность в сказанном, или к собственному «носу», чувствующему «запах» не совсем того, что было сказано. Часто им нужна помощь в восстановлении тонких перцептивных способностей, действующих на нерациональном уровне.

Во время обсуждений восприятия посредством видения, аффекта, слышания или кинестетического ощущения я часто сталкиваюсь с вопросами типа: «Как вы это воспринимаете?», или: «Почему я должен доверять этим образам, как понять, что это не какие-то индивидуальные особенности, не имеющие особого смысла?», или: «Предположив, что мои образы имеют значение, я начинаю чувствовать себя нарциссичным». Однако, хотя аналитик может сознательно отвергать и не придавать никакого значения своим мимолетным, неординарным ощущениям, такие ощущения часто неотвязно присутствуют внутри и вызывают дискомфорт. Более того, аналитик часто воздерживается от упоминания о таких переживаниях на представлении случая, поскольку не хочет выглядеть безумцем или рисковать, подвергнуться насмешкам или критике за свою «магическую» установку.

Обычно я подхожу к этому так: предлагаю аналитику отметить и свое восприятие, *и* тенденцию к его отрицанию. С одной стороны, он или она может мельком увидеть состояние, которое было в ощущениях. С другой стороны, обнаружить, что сознание переместилось к противоположному полюсу рационального отрицания. Если подобное понимание противоположностей оказывается успешным, то аналитик стоит на границе (по библейской схеме творения) Второго дня.

Истории, подобные мифам, описывающие должное отношение к противоположностям, могут помочь людям справляться со сложными, диаметрально противоположными состояниями ума и тела Один из таких мифов, который я подробно рассматриваю в моей книге «Тайна человеческих отношений» — это миф о страшном морском божестве Сисиютле, рассказанный индейцами квакиутль с северо-западного побережья Тихого океана. Сисиютль — наводящий ужас двухголовый морской змей, отравляющий каждого, к кому прикоснется; он вызывает страх у любого, кто его увидит.

По сути, миф говорит: если встретишься с Сисиютлем, твердо стой, опираясь на землю (т.е. оставайся соединенным со своим телом). Используй любые слова силы, какие знаешь, чтобы не убежать (в разум), ибо это может быть опасно. Укуси себя за язык, если это нужно (т.е. не говори раньше времени, пытаясь уйти от тревоги), но оставайся твердым. Потом смотри, как одна из голов поднимется из моря, а затем, когда она исчезнет, поднимется вторая голова. Если ты стоишь твердо и видишь первую, а затем вторую головы, преодолевая страх, заставляющий тебя бежать и отмежеваться от переживания, тогда, говорит миф, две головы повернутся друг к другу и увидят друг друга. Великая награда ждет того, кто пережил подобное: он наделяется способностью видеть то, что находится позади его глаз[39].

Мы можем применить этот миф к одному аналитику, представлявшему случай на супервизии. Он рассказал, что пытался быть открытым тому, чтобы *видеть* вместе с анализируемым, но произошли что-то странное. На мгновение он увидел, что голова анализируемого словно бы присоединена к телу лишь тонкой струной. Эта голова как бы подскакивала туда-сюда, а тело казалось безжизненным. Аналитик заметил, что образ вызывает у него тревогу. Когда он рассказывал это нам через несколько дней после встречи с анализируемым, его тревожность все еще ощущалась всеми членами группы.

Вместо того, чтобы верить этому образу или отрицать его значение, аналитику нужно сначала «посмотреть На одну голову Сисиютля, а потом на другую» — сначала на шокировавший его образ, а затем на свое неверие и рациональное непринятие. Если он уважает *обе* противоположности, то проносит их перед взглядом собственного бессознательного (наподобие метафоры Мелвилля о ките). Или же, если он, когда образное восприятие невозможно, остается в поле оппозиций и позволяет себе переживать одну из них, а затем другую последовательно — тогда он начинает обнаруживать способность доверять себе и лучше постигать значение своего изначального видения. Словно бы ему было даровано зрение, как в сказании о Сисиютле, —обладание собственным видением как формой восприятия, отличной от рациональной модели познания. То прозрение в каждый данный момент, которое развилось в его практике, как толь-

ко он осмелился предоставить ему пространство, приобрело свойство «инаковости», достойное уважения и интереса.

В этом случае видение едва присоединенной к телу головы анализируемого вскрыло мощную форму расщепления разум-тело, которое, в свою очередь, было защитой от психоза. Своим видением аналитик в большей степени открылся общему с анализируемым полю и начал воспринимать психотические, т.е. хаотические уровни, казалось бы, лишенные смысла. Именно поэтому аналитик и испытывал столь сильную тревогу.

Позднее выяснилось, что анализируемый страдает сильнейшим комплексом слияния. Он боялся любой сепарации; стало быть, как жаловался аналитик, в случае не наблюдалось никакого «прогресса». Для анализируемого сепарация от любого привычного поведения, как разрушительного, так и нет, вела к переживанию психотического процесса в ядре комплекса слияния. Только смещаясь к модусам восприятия, превосходящим пределы нормальных, рациональных подходов, аналитик смог начать воспринимать и конкретно назвать комплекс слияния. Этот акт *наименования,* сродни магическому обретению власти над демоном, как только узнаешь его имя, осуществленный, однако, путем аперспективного, а не магического, осознавания,[40] создал в поле такое контейнирование, которое позволило случаю использовать импульс, а анализируемому, фактически, — оказаться способным рискнуть изменить что-то в жизни. Ничто из этого, казалось, и не приближалось к стадии реализации, пока аналитик не смог совладать со своим видением, то есть до тех пор, пока он не заслужил его, выстрадав оппозицию ощущения и его отрицания вместе с анализируемым.

В другом примере анализируемый, финансовый аналитик, испытывал стыд, поскольку ему недоставало энергии на то, чтобы соответствовать требованиям своего нового инспектора. Рассказав мне ситуацию подробно, он сказал: «Я лишь обвиняю себя». Мой ум на мгновение померк. Я спрашивал себя, почему же я почувствовал себя обвиняемым? Просто ли это мой комплекс, заставляющий меня все время чувствовать направленные в мой адрес обвинения? Может быть, и так, но тут, казалось, было что-то еще. Я вернулся к утверждению «Я лишь обвиняю себя». Я постарался оставаться с этим утверждением и пытался прояснить, что же я испытываю, но это ни к чему не привело. Однако затем я разрешил себе меньшую ясность, решив подержать эту

фразу между сознанием и бессознательным, и намеренно позволил моему переживанию стать в большей мере скрытым.[41] Я дал себе возможность сосредоточиться на поле между нами.

Терпеливо и осторожно, внимательно прислушиваясь к собственным телесным ощущениям, подмечая любые изгибы своих мыслей и воображения, я почувствовал, что что-то затвердевающее появилось из поля, подобно появлению божественного (epiphany). Смутно начали разделяться оппозиции: их противоречивая природа стала как-то более проявленной, но не принадлежала ясному осознанию «твоего» и «моего», или «внутренней» и «внешней» жизни.

В таком «намеренно смутном» состоянии я вновь почувствовал на себе обвинения, но потом это исчезло; вместо того, взглянув на анализируемого, я «увидел» пристыженного человека, и утверждение «Я лишь обвиняю себя» встало на место моего чувства. Затем чувство того, что меня упрекают, снова появилось, исключив видение его унижения. Исходя из этого, стало понятно, что его изначальное утверждение «Я лишь обвиняю себя» несло в себе оппозиции. «Я лишь обвиняю себя/Я лишь обвиняю вас», и каждое из них было тотальным и исключало другое. Я пережил ошарашивающий эффект логически невозможного состояния, при котором А и —А были истинными одновременно.

Если я собирался помочь моему анализируемому, то не мог просто отметить этот интуитивный скачок и рассуждать о. противоречии. Скорее, мне приходилось проходить через стадию смятения чувств, зачастую столь болезненную и физически, и духовно.

Обычно при такой встрече нужно отмечать собственные разнообразные попытки отрицать то, что происходит нечто странное, поскольку совмещенные противоположности приводят к характерному чувству необычности, создаваемому психотическими областями мозга. К примеру, можно заметить тенденции к диссоциации и нормализации высказываний анализируемого. Затем нужно постараться намеренно освоить (leaning into) поле во всем воплощенном присутствии, поддерживая интерес к самому смятению как таковому и к тому качеству противоречивости, которое редко удается ощутить, и которого мы стремимся избегать. Такая активность со стороны аналитика является важнейшим аспектом восприятия и противоположна рацио-

нально-научному подходу, который настаивал бы на реальности мира — реальности, отдельной и не зависимой от подобной субъективности: Сам по себе хаотический опыт — это измерение, открывающееся требуемому типу восприятия[42].

После того, как я сознательно перенес боль, сопровождающую это поле слияния, я смог говорить о противоречивых состояниях со своим анализируемым. Только тогда мои слова или тон голоса он воспринял как безопасные. Казалось, был создан контейнер, в котором он и я смогли увидеть противоположности и глубже погрузиться в переживание их. Без предварительной обработки мои слова были бы малозначимыми.

Когда между сознательным и бессознательным человека или между одним человеком и другим ощущается пространство, то именно в этом пространстве и можно воспринять или, по крайней мере, контейнировать противоположности в данный момент. Их можно ощутить и почувствовать. И если отгонять от себя тенденцию игнорировать или диссоциировать это противоречивое состояние, то тогда можно испытать психотичность коммуникации. Восстанавливается способность аналитика думать и объединять, и то же происходит с анализируемым.

Следующий пример поможет подробнее проиллюстрировать тонкую игру, психотических оппозиций в случаях, когда комплекс слияния организует поле отношений. Анализируемый, по имени Кевин, рассказал о весьма страстном вечере, проведенном с женщиной. Когда они оказались в постели и занялись любовью, она сказала ему: «Мне нравится твоя мужская энергия». Кевин сообщил мне, что его это резануло. Подумав о том, что она произнесла, он решил, что, не будучи еще достаточно знакома с его сексуальной стороной, она решила сделать ему комплимент.

Когда Кевин произносил «Мне нравится твоя мужская энергия», я почувствовал некую странность этого высказывания. Когда я смотрю на фразу сейчас, написав ее, она кажется мне совершенно нормальной — просто открытое сообщение женщины о чувствах. «Необычность» утверждения не передается в записи, словно бы иное измерение не допускается в письменное изложение[43]. Психотические качества, которые могут выглядеть как противоположности, уничтожающие и друг друга, и способ-

ность человека думать и рефлексировать — то есть уничтожающие функционирование эго — обладают способностью прорываться сквозь структуры вытеснения и проявляться в поле с такой мощью, которой не обладают иные психические содержания. Именно это проявляется как некая странность в поле.

Мое собственное восприятие было расширено или сфокусировано на поле между нами, которое, как я чувствовал, могло содержать в себе ответы, недоступные Кевину в тот момент, когда он услышал фразу. Никогда нельзя знать наверняка, справедливо ли такое чувство. Рациональное обдумывание легко может заставить все испариться. Парадоксально, но нужно отсрочить на время яд здравомыслия и позволить этой отсрочке стать самым высоким уровнем мастерства, проверяющим, в конце концов, каков результат этого акта воображения (насколько это вообще возможно) — то есть какова его истинность и ценность для анализируемого; А пока можно только верить этому чувству[44].

После дальнейших расспросов о том, что он чувствовал, когда девушка произнесла, как ей нравится его мужская энергия, Кевин смог вспомнить, что он почувствовал, что это странная фраза, и что он не очень-то поверил ей. Сначала, пояснил он, это чувство возникло от его убеждения в том, что, на самом деле, она недостаточно хорошо его знала, для того чтобы так быстро сказать такое. Однако это была лишь одна из его многих попыток дать рациональное объяснение чему-то, что, как он чувствовал, не было рациональным, а именно — чувству необычности или странности в ее высказывании.

Чувствуя смутное, неясное качество или диссоциацию в собственных мыслях и в том, как я воспринял все рассказанное им, я призвал Кевина еще глубже покопаться в том, как он себя чувствовал, особенное внимание уделяя телесным ощущениям. Делая это, он начал ощущать противоположности в том, что девушка сказала ему. Он почувствовал, что фраза «Мне нравится твоя мужская энергия» противоречила иному утверждению, чему-то наподобие следующего: «Но есть много вещей в мужчинах и их способах вести себя, которые мне не нравятся». Он свел это к паре «Мне нравится твоя мужская энергия»/ «Есть вещи, которые ты можешь сделать, и которые не понравятся мне». И, наконец: «Мне нравится это»/ «Мне не нравится это», где «это» относилось уже к его энергиям в большем масштабе, энерги-

ям, многие из которых он еще не проявлял при ней. Сочтя свое собственное ощущение странности в словах женщины важным и проникая в него, я помог Кевину добраться до необходимого ему осознания и уловить привкус безумия в ее сообщении[45].

Кевин страдает острым комплексом слияния, и неудивительно, что ему потребуется некоторая помощь моей хтонической энергии (погруженности в поле воплощенным образом), которая не будет рассеяна его защитами; ему нужно это, чтобы собрать необходимую энергию и структуру и суметь справляться с подобными взаимодействиями. Если он не сможет задействовать это, то новые отношения он завяжет уже с серьезным дефицитом, поскольку усвоит скрытое предписание не быть самим собой, а всегда фильтровать то, что он делает и чувствует, заботясь о том, одобрит или не одобрит это его партнер.

Комплекс слияния можно рассматривать как структуру, которая организует поле между Кевином и его девушкой, а затем и между нами. В тот момент у него не было силы отличить себя от поля и серьезно отнестись к собственным ощущениям. Он почувствовал предписание не делать этого, и остался поглощенным полем. У него не было достаточно доверия к собственному воображению и неординарному восприятию, которые, как он твердо верил, его партнерша отрицала бы. Кроме того, ему нужно было бы осознать природу комплекса слияния в поле между ними и, таким образом, испытать крайне противоречивые полюса своей собственной глубокой потребности слияния и одновременно потребности в разъединенности. В следующей главе комплекс слияния в отношениях будет рассмотрен более подробно.

3. Раскрытие комплекса слияния

Комплекс слияния пронизывает жизнь во всех ее внутренних и внешних формах, и в этом он подобен символическому Меркурию алхимиков Ренессанса, — известному своей скрытностью и обманчивостью, своим безумием, нерациональными действиями и теми сложностями, которыми сопровождалось его открытие в процессе «фиксации» или «коагуляции», позволяющей постичь его как нечто существующее здесь и сейчас. В каком-то смысле комплекс слияния всегда скрыт более явными формами — такими, как нарциссические, пограничные, шизоидные, психосоматические, истерические или иные расстройства. Ускользающий от внимания комплекс слияния часто бытует как во всех этих, так и в других диагностических категориях, с которыми имеет дело психотерапевт, и воспринять, ощутить его— единственный способ помочь анализируемому.[46] Наши рационально-дискурсивные карты могут оказаться обманчивыми и не дать разглядеть, что же на самом деле существует *там*.

Комплекс слияния — не первое, на что я смотрю, пытаясь разобраться во взаимодействии. Часто бывает так, что лишь исчерпав все остальные объяснения, я понимаю, что здесь работает комплекс слияния, который не удалось обнаружить до того.

К примеру, мужчина пришел на сессию с похмелья после вчерашней попойки. Обычно Он много не пьет, особенно в ночь перед терапией, да и сами обстоятельства выпивки озадачили его. Они с женой были приглашены на празднование дня рождения друга:

> «Мы знали, что это может стать проблемой. Это всегда так с ним, потому что есть в нем что-то такое, непреодолимое. Это трудно определить, но не только меня и мою жену это

задевает; все, кто знают его, чувствуют то же самое. Все наши друзья подшучивают на этот счет. Словно бы мы не можем сказать ему «нет» и уйти со встречи с ним тогда, когда сами этого хотим. Я определил для себя предельное время — полночь, однако домой приехал лишь в три ночи. Я планировал выпить лишь рюмку или две, но закончил тем, что тянул одну текилу за другой. Я никогда этого не делаю, да и жена моя обычно прекрасно контролирует себя, когда говорит, что пить не будет, но тут и она выпила больше, чем следовало. Словно бы это его воздействие... он мягок и мил, однако никто не может уехать, когда хочет».

Было ясно, что друг обладает некими чарами. Я подумал о гипнотизере Свенгали из романа Джорджа Дюморье «Трилби», имя которого стало термином, означающим того, кто полностью доминирует над остальными и контролирует всех окружающих. По мере того, как мой анализируемый все больше и больше рассказывал о событиях вчерашнего вечера, о своей словно бы привязанности к обеденному столу, о том, как то же самое чувствовала и его жена, я задумался, а не загипнотизировал ли каким-то образом этот человек их всех? И почему анализируемый так подвластен ему? Таким был ход моих мыслей. Я явно тянулся за объяснениями, но все они терпели неудачу перед лицом простого утверждения: все, кто был знаком с этим человеком, говорили одно и то же— от него невозможно было уехать, как и невозможно было разочаровать его отказом от приглашения. И эти приглашения всем внушали страх, несмотря на симпатии к этому мужчине, ведь он считался милым и чутким человеком..

Чувствуя, что обескуражен, я испытывал искушение порасспросить анализируемого о его снах. К счастью, мой импульс не был слишком силен; в свою очередь, анализируемый был столь озадачен и заинтригован тем, почему же эта личность оказывала не него столь заметное влияние, что я смог сдержаться. Мне удалось не отклониться от темы (чего мне хотелось вследствие растущей тревоги), от материала, который был под рукой.

Когда, наконец, я смог задуматься о возможности существования комплекса слияния, то тут же упомянул об этом своему анализируемому, поскольку мы уже работали с его комплексом слияния на недавних сессиях. Я напомнил ему, что если ситуация с его

другом скрывала за собой комплекс слияния, то одновременно во взаимодействии должно присутствовать и мощное чувство отсутствия какой бы то ни было связи.[47] Анализируемый ответил: «Это самое трудное. Всякий раз, когда я и моя жена с ним, наши отношения становятся плоскими. Словно бы мы утрачиваем всякое отношение друг к другу. Да и другие говорят то же самое!»

До тех пор, пока я не упомянул о комплексе слияния и присущих ему противоположностях, анализируемый не замечал любопытного отсутствия общения между ним и женой. Без моего ведома и несмотря на мое сопротивление работе с материалом, принесенным им на сессию, стало ясно, что на самом деле речь идет о тех же проблемах, из которых за предшествовавшие недели сформировалось ядро нашего анализа, тогда как поначалу я воспринял его байку о выпивке, скорее, как уход от процесса.

Как это обычно бывает, сам факт того, что существование комплекса слияния обозначено, и наличие пространства для рефлексии о «невозможной» смеси противоположностей освободили анализируемого от чувства захваченности, еще остававшегося со вчерашнего вечера. Он смог признать, что комплекс слияния вечером доминировал, и в будущем, сосредоточиваясь на своем комплексе и про себя называя его в присутствии своего друга, сильно сократил гипнотическую власть над собой этого человека.

Как всегда, подобные открытия приводят к дальнейшему углублению. Анализ этого инцидента развился в исследование его собственного, схожего с описанным, воздействия на других людей, и более того, привел к обнаружению уровней травмы, блокировавших развертывание процесса его индивидуации.

* * *

Обычно, когда комплекс слияния воздействует на поле между аналитиком и анализируемым, то для них обоих характерна тенденция организовывать этот опыт с помощью более знакомых концепций, или посредством сообщнической диссоциации. Оба попадают в затуманенное, трансоподобное состояние. Бели аналитику удается указать на дискомфортное чувство, которого избегают они оба, то анализируемый обычно тут же понимает, о чем идет речь. Однако до тех пор, пока аналитик не сможет *увидеть,* оба продолжают вести себя так, как будто бы комплекса слияния и вовсе не существует.

Впервые я встретился с Кайлом, когда ему было сорок пять. За плечами у него было уже восемь лет фрейдистского анализа, временами по четыре раза в неделю, но все же ему с трудом удавалось вспомнить хоть немногое о детстве до десяти лет. В его близких отношениях не было ничего, кроме боли. Он говорил о склонности к серьезной зависимости от других, о том, что он теряется в другом человеке и одновременно — что задыхается в отношениях. Он не мог полностью присутствовать в каких бы то ни было отношениях, но не мог и отделиться от потребностей другого. Большая часть жизни Кайла прошла в избегании этого «невозможного» состояния слияния путем ухода в разум, в поиск подходящего вместилища для своих мыслей и чувств.

На сессиях чаще всего была очевидна утечка энергии, характерная для его шизоидно-подобного замыкания в себе. Часто было сложно не заснуть и оставаться сосредоточенным. Попытки снизить фокус внимания и добиться воплощенного, имагинативного образа мыслей, казалось, лишь способствовали дальнейшей диссоциации и приводили к состоянию, подобному трансу. В такие моменты я не способен был на рефлексию существования комплекса слияния. В ретроспективном взгляде было очевидно его присутствие, в моем слиянии с затуманенным, замкнутым на себе состоянием Кайла, словно бы мы оба были Околдованы; а также в тех сложностях, которые я испытывал, пытаясь составить представление о большей части того, что он говорил.

Это могло принимать самые разные формы, но самой очевидной из них была моя забывчивость: например, я позабыл о рассказанных мне нескольких очень важных для него переживаниях, что привело его в сильное раздражение; он счел все это частью «беспредельной убогости анализа». Эти неудачи удивили меня, потому что такие провалы в памяти для меня не характерны. Однако, несмотря на столь заметные симптомы комплекса слияния (быть может, супервизируй я этот случай, то они были бы ясно видны), мне не хватало способности воспринять его существование в «здесь-и-сейчас» терапевтического процесса. На каждой сессии приходилось делать отчаянные усилия, чтобы организовать свои мысли и собраться, чтобы сознавать, каково душевное состояние Кайла и как оно увязывается с его материнскими и отцовскими переживаниями и с переносом.

Не знаю уж почему, но сессия, которую я буду описывать ниже, отличалась от всех остальных; мое воображение было живее, и я мог сосредоточиться на вполне осязаемой природе энергии между нами. За время нашей совместной работы Кайл начинал понимать, каким образом его жизнь, судя по всему, всегда разыгрывалась по программам других людей — сначала по моделям его переполненной гневом матери и нарциссического отца, затем — по повесткам дня его жен и боссов. На этой сессии он задался вопросом — сможет ли он когда-нибудь почувствовать внутреннее присутствие своей самости. Мы говорили о самости и раньше, особенно во время обсуждений образов из сновидений, но эти разговоры казались чисто интеллектуальными и мало что значащими для Кайла. Теперь его вопрос, казалось, дошел до меня, но одновременно я чувствовал, как он ждет, что я уйду от ответа на него. Я не позволил вопросу ускользнуть.

Вместо этого я объяснил ему, что дело не в том, что у него нет самости, а в том, что его самость не воплощена, не активирована в его пространственно-временном существовании. Когда самость вступает в жизнь, подчиненную законам пространства и времени, сказал я ему, она проходит через сложное состояние с парадоксальными характеристиками— она неспособна ни присоединиться к другому человеку, не отделиться от него. По мере произнесения этого я внимательно смотрел, не будет ли он диссоциировать или не станет ли интересоваться моими словами лишь на интеллектуальном уровне. Ни того, ни другого не произошло, он слушал внимательно, как будто чувствовал, что в моих словах есть смысл.

И тогда я начал видеть нашу связь совершенно по-новому; я вступил в иные отношения с полем, существующим между нами — теперь я получал инсайты не только с ментально-духовного уровня, с того, что Юнг называл *психическим бессознательным,* но позволил моему пониманию сдвинуться немного в сторону тела и прочь от всего ментального. Телом я чувствовал, словно бы мое сознание скользит по спектру, начиная с ментально-духовной точки наблюдения и продвигаясь к соматическому бессознательному[48].

Сдвиг в сторону соматического бессознательного раскрыл нас обоих к переживанию поля с помощью апреспективного понима-

ния, отличного от ментально-перспективной формы сознания, которую я раньше считал своей единственной возможностью завязать отношения с Кайлом. В этом новом воплощенном состоянии, смотря скорее *через свои глаза,* чем ими, как при прозрении — то есть не пытаясь видеть что-нибудь, но будучи пронизанным полем — я *увидел,* что некие пряди почти физической природы исходят от Кайла и, колеблясь, очень нерешительно достигают меня. Через несколько мгновений я понял, что резко вышел из этого центрированного на теле состояния и сдвинулся больше в сторону разума и рационального сознания. Если раньше мы были *в* поле и оказывались подверженными его динамике, то сейчас мы качнулись в сторону субъектов, словно бы воспринимая все теперь с *поверхности* контейнирующего поля. Я мог почувствовать, что мы с Кайлом были ментально связаны, но эта связь была непрочной. (В прошлом мы переживали только несущественную ментальную связь, поскольку шизоидное состояние крайней душевной дистанцированности и не-связанности господствовало в наших взаимодействиях).

И хотя наша ментальная связь существовала, возможность чувствовать ориентированное на тело состояние исчезла. Связь больше не ощущалась, о ней можно было лишь вспоминать и говорить. Точно так же, будучи связанным с ним посредством соматического бессознательного, я не мог одновременно размышлять с ментально-духовной точки зрения или через психическое бессознательное. Я мог ощущать растущий контакт с тонким телом Кайла как нерешительно простирающийся в мою сторону», и я мог вспоминать природу наших духовных или ментальных связей, но не мог ощущать их.

В математической топологии используется образ, известный как бутыль Кляйна (это поверхность, в которой внутренняя и внешняя стороны неразличимы; впервые описана в 1882 году немецким математиком Феликсом Кляйном); образ этот схватывает и проявляет подобные колебания оппозиций. Стивен Розен показал, что таинственный алхимический сосуд, vas hermeticum, является топологическим эквивалентом бутыли Кляйна[49].

Если представить себе движение вдоль внутренней стороны бутыли, то фактически, мы окажемся на внешней стороне. Подобным же образом в комнате для консультаций мы с Кайлом были вместе *внутри,* а затем *на поверхности,* наблюдая за фор-

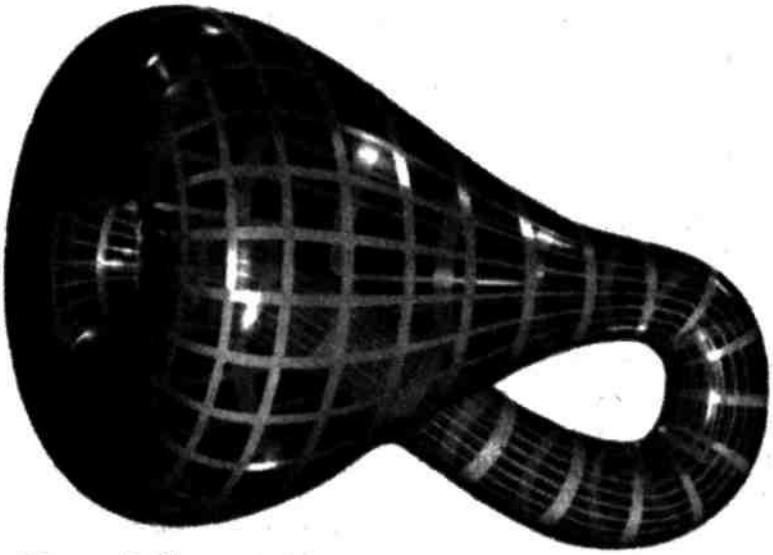

Рис. 2. Бутыль Кляина
С любезного разрешения Джефа Била и Томаса Банчоф из университета Брауна

мами нашей ментальной связи. Будучи внутри поля мы были его объектами, испытывая чувство Единства, дающего начало восприятию, подобному прозрению. С этого наблюдательного пункта— «в бутыли»—то, что чувствовалось как душевные связи или различные степени связанности друг с другом, перестало быть ощущением здесь и сейчас и стало воспоминаниями. На поверхности же ментальная связь оказывалась более ощутимой, тогда как соматическая оставалась лишь в памяти.

Это движение не непрерывно. Между «внешней» и «внутренней» стороной бутыли Кляйна есть прерывность. Как замечает Стивен Розен, некоторые математики считают, что бутыли Кляйна свойственна некая высшая природа, четвертое измерение, и Розен дерзко постулирует такое понимание этого дополнительного «измерения», которое включает в себя человеческую субъективность и вполне отражает мой опыт в топологии поля[50]. Например, в работе с Кайлом мне пришлось сознательно положиться на поле, и этим действием я прорвался к пространству другого качества. Сходным образом, чтобы бутыль Кляйна была сконструирована, ей нужно ворваться в саму себя, отсюда дискретность. Это действие зачастую воспринимается как табу, во многом это

сходно с тем, как Юнг понимал табу на инцест как запрет на проникновение в бессознательное. Я упоминаю об этом, потому что обнаружил, что именно это табуирование оказывается источником сопротивления сознательному присвоению хтонических энергий, необходимых для проникновения в поле.

Когда мы формируем свой опыт постижения оппозиций слияния-дистанцированности через образ утки-кролика, мы тоже достигаем прерывной последовательности состояний — сначала это переживание слияния, а потом сепарации — и то, и другое с разной степенью интенсивности. Однако эти состояния ментальны и восприняты с помощью психического бессознательного. В противоположность этому, когда мы переживаем поле бутыли Кляйна, сопровождающее комплекс слияния, мы имеем дело с контейнером для оппозиции слияния и дистанцирования, который включает в себя телесное измерение соматического бессознательного. Это полезный способ учитывать то четвертое измерение, о котором мы упоминали ранее.

Кайл заметил, что два переживания полностью противоречат друг другу. Когда он чувствовал тонкую связь в ощущениях, то не было никакой ментальной сцепки, а когда он чувствовал ментальную связь, то не было никакого «физического» соединения. Однако и то, и другое присутствовало. В любое время, стоило одному из нас спросить: «Мы соединены?», —. ответом было «да», но в то же время и «нет». Ситуация фиксирует «подлинные противоречия»[51] опыта.

Кайл откликнулся на это переживание поля с основательностью, которую я редко замечал за ним. Он сразу же смог отрефлексировать многие из своих отношений, когда «женщина вовлекается в отношения слишком быстро и полностью, как только я позволяю себе приблизиться к ней этим чувственно-подобным образом» или же, когда человек чувствует это движение, «он мгновенно испаряется». Его мать подпадала под первую категорию, отец под вторую; и многочисленные другие люди — две его первые жены, его друзья, его дети — легко оказались или в одной, или в другой, желая «съесть меня», как он говорил, или «полностью покидая меня». Замечательно здесь то, что Кайл точно знал, что я имею в виду, говоря о его тонких фибрах, простирающихся в пространстве или прячущихся в страхе, и мог свободно дать все эти примеры, чего никогда бы не случилось, не проложи я ему дорогу своим собственным восприятием.

Сознательная включенность Кайла в комплекс слияния во время этой сессии привела к периоду нарушений и хаоса. Одним из источников этого было безумие его матери. Будучи ребенком, Кайл испытывал страх от психотической тревожности своей матери, от которой он защищался путем инкорпорирования ее, проглатывания ее целиком, так что она жила в нем как посторонний объект. Она проявлялась на сессиях и в его внешней жизни как сильная дрожь всего тела. Воображаемое восприятие материнской неконтейнированной и захватнической тревожности теперь действовало как изгнание нечисти, и в этом смысле его сознательное страдание при переживании этих состояний теперь было похоже на изгнание безумия.

Другой аспект беспорядка, выпавшего на долю Кайла, явился результатом вхождения его самости в пространство-время. Этот процесс всегда порождает нарушения и часто ощущается как не-контейнирование, «падение» или даже затягивание в ничто. Как говорят нам многие мифы творения, герой, привносящий новую форму порядка в пространство и время, сталкивается с сильной контратакой беспорядка; или же тот бог, что создает порядок, создает и беспорядок[52]. Беспорядок «одевается» в многочисленные формы тени, особенно— в мощную внутреннюю ярость или насилие, или зависть. Боль беспорядка функциональна: она разрушает панцирь тела, так что самость получает возможность воплотиться.

Кайл узнал этот уровень архетипической ярости (то есть ярости гораздо большей, чем эго) раньше, в опасно деструктивной форме. Однажды, после того как он набросился на свою жену, он даже пытался пойти на самоубийство. Теперь же некоторое осознание было уже развито, и переживание этой ярости без отыгрывания ее стало ключом к собиранию сил, достаточных для воздержания от слияния с объектами, больше не соответствовавшего индивидуационным потребностям Кайла.

Переживание Кайлом своего комплекса слияния привело, как это часто происходит, к развертыванию процесса индивидуациии процесса, пребывавшего в спячке в течение большей части его жизни[53]. Постепенно формировалась и росла самость, увиденная в снах в образе нового ребенка, которого он спасал от опасных ситуаций, или в образе неизвестного могущественного человека. В свою очередь, в поле между нами постепенно

все в меньшей и меньшей степени доминировали диссоциация и отчаяние. Шизоидная замкнутость перестала быть его основной формой действий. Утечка энергии из поля между нами значительно сократилась.

Кайл начал осознавать степень психотической тревожности своей матери и то, насколько его жизнь была управляема ею, он понял, что по большей части страдал от тревоги, которая не была его собственной. Значительно изменившись, он уже мог восклицать: «Я не мама. Мне не нужно всего бояться». Впервые в жизни Кайлом двигал не набор ригидных мнений суперэго, но что-то внутренне подлинное.

* * *

Prima materia процесса Кайла лежала в восприятии оппозиций комплекса слияния, организующего поле между нами. Алхимики Ренессанса говорят о трансформирующей силе одной единственной капли их *эликсира.* Подобным же образом в целом ряде случаев за последние десять лет я был свидетелем трансформирующей силы одной-единственной сессии, на которой комплекс слияния оказывался увиденным и идентифицированным, а отношение к нему вследствие этого менялось[54].

Один такой пример касается случая пятидесятилетнего мужчины, которого мы назовем Норманом. Он Встречался с женщиной, которая на протяжении многих лет неизменно его разочаровывала. Неприятно было наблюдать за его яростью и презрением к ней. Даже сам Норман порою удивлялся, насколько жестоки и ядовиты его описания этой дамы. Однако на наших сессиях он из кожи вон лез, стараясь оправдать подобное свое отношение примерами ее «ужасности». С явным наслаждением он «разоблачал» ее «неумелость», что абсолютно не соответствовало его характеру. Его безжалостность была уникальной чертой этих отношений, как и то бессердечие, с которым он постоянно использовал эту женщину для выполнения его поручений и домашней работы, словно бы она была «прислугой», как он выражался.

Норман боялся «плохой кармы», которую он создавал. Он знал, что его поведение этически и духовно неправильно, но не мог остановиться. Он не контролировал себя. Неделю за неделей я слушал его жалобы на эту женщину, и поражался тому, что ни одна интерпретация его проекций на нее (например, его

собственного чувства неполноценности и некомпетентности), не возымела никакого эффекта, разве что на мгновение прерывала то ликование, с которым он унижал ее.

Я делал все, что мог, интерпретируя атаки Нормана на эту женщину как смещение негативных чувств ко мне. Мне было совершенно ясно, что он был вовлечен в сильный негативный перенос, в котором я, так же, как и его женщина, был неумелой матерью, которую он до сих пор тайно идеализировал, и одновременно ненавидел. Однако, независимо от того, сколько времени и усилий было потрачено на попытки привести его обратно к ранним переживаниям покинутости со стороны матери, Норман каким-то образом всегда выхватывал лишь то, что его мать была, «по крайней мере, умна» или «хоть сохраняла семью», отделяя ее как от своей подруги, так и от моих интерпретаций.

Мои инсайты обычно следовали за темами, поднятыми снами Норманна; у меня было впечатление, будто они могут помочь нам понять его позицию в отношениях. Однако, похоже было, что все мои попытки теряли ценность для него после нескольких минут размышлений. Хотя в течение этих мгновений он мог видеть, что эти основанные на сновидениях инсайты были верными, следующая сессия вновь заставала его в атакующей позиции, словно бы мы вовсе ничего не обсуждали. Обычно Норман отнюдь не был бессознательной личностью. Он был очень популярным и очень одаренным психотерапевтом с двадцатилетним опытом. Когда Норман работал со своими анализируемыми, он создавал безопасное, контейнирующее пространство, в котором могли проявляться его значительная эмпатия и интуитивные дарования. Через свою работу он был вполне знаком с такими понятиями, как «внутренний ребенок» или молодая часть души, которая в его случае была переполнена крайне негативными чувствами к женщинам. Я подталкивал взрослую часть Нормана связаться с детской частью, как если бы он разговаривал с анализируемым, испытывавшим сильную боль. На сессиях я ощущал «ребенка» внутри него, в возрасте около шести лет; но Норман не мог сам соотнестись с этим «ребенком». Он мог лишь поведать правду о своем опыте: когда он пытался установиться связь с ребенком, он *становился* ребенком.[55]

После нескольких лет таких нападений на подругу однажды Норман заговорил о некоторой проблеме с одной из его анали-

зируемых. Когда я спросил, как он воспринимал ее, стало ясно, что в их взаимодействии господствует серьезное состояние слияния. Он говорил, что чувствует, как анализируемая хочет «полностью приклеиться ко мне», что он задыхается, что ему не хватает пространства.

Пока Норман продолжал описывать свои реакции, я испытал новый инсайт. Как и анализируемая, обнаружившая аспекты сильного комплекса слияния, подруга Нормана была глубоко захвачена своим собственным комплексом слияния и не способна была функционировать как отдельное Я, всегда пытаясь зацепиться за каждое его слово, жаждала физически быть рядом, хотя в то же время была полностью отчужденной и дистанцированной. В такие моменты Норман чувствовал отвращение, когда она прикасалась к нему. «Раболепная», с презрением отзывался он о ней; она могла молчать, словно немая, совершенно не в состоянии привнести в реальность хоть что-то свое, хоть какую-то мысль. Она настаивала на том, что хочет лишь быть с ним, однако никогда не приглашала его в свою квартиру; в ее поведении было много и других противоречий.

Норман замечал, что больше всего боится того, что он видел как глубинное ядро безумия и ярости как в своей подруге, так и в анализируемой. Он понимал также, что его страх заразиться безумием своей подруги напоминал ему ранние переживания, касающиеся матери. Похоже, мы приближались к главному: комплекс слияния его подруги отвращал его, ему приходилось принижать ее, ибо он боялся ее, точно так же, как он ощущал и боялся матери. Узнав об этом, возможно, он сможет изменить поведение.

Не тут-то было. На следующей сессии Норман вновь на высоких оборотах выкладывал байки о своей «кошмарной» подруге, особенно упирая, как бывало часто, на ее «глупость» как юриста. Он утверждал, что лучше разбирается в законах, чем она; однако у нее были полномочия, отсутствующие у него. Что привело к наступлениям на другом фронте. Тогда как подруга была известным юристом, у него не было официальной сертификации психотерапевта, стало быть, на его взгляд, она была коллективно в большей степени признана, чем он. Когда они встретились, он верил, что их отношения приведут к большей степени признания его заслуг в их социальном круге. Важные сновидения показали, насколько, отчаянно Норман хотел при-

знания. С их помощью мы начали вскрывать интенсивные уровни зависти, которой он стыдился. Но все же никакой передышки в заградительном огне против его подруги.

Прошло несколько месяцев, а атаки Нормана продолжались с тою же силой обиды, какую он продемонстрировал в первый раз. Тогда, по причинам, которым я рационально не могу понять, я начал видеть Нормана по-другому. Я почувствовал тонкие волокна, простирающиеся ко мне и соединяющие нас. В отличие от приятного, почти союзнического состояния, которое я испытывал с Кайлом, поле между мною и Норманом было дискомфортно, будто бы не просто соединяло нас, но и откачивало мою энергию к нему каким-то липким и отчасти опасным образом. Похоже было, что единственной целью этой тонкой связи было привязаться ко мне, а не быть проводящим путем для совместного потока энергии.

Я мог ощущать поле с Норманом, в котором мы пребывали оба. Сначала мы были объектами поля. Затем, качнувшись в сторону субъектов, я ощутил очень тонкую ментальную связь, по которой мы были, однако, соединены гораздо меньше. Я чувствовал, будто мы разговариваем друг с другом через Большой Каньон, и хотя и раньше я мельком замечал оппозицию слияния-дистанцированности, все же я думал, что наша связь крепче.

Я рассказал Норману об этом переживании, во Многом так же, как я описал схожее состояние Кайлу. И так же, как Кайл, как и любой анализируемый, с которым я встречался на этих уровнях через столь тяжело заработанное восприятие, Норман подтвердил одновременность некоей тонкой сенсорной связи и ментальной разъединенности. Это состояние было *там,* было качеством, присутствующим между нами, было *видимым.*

В течение нескольких следующих мгновений отношения Нормана с его подругой приобрели новую прозрачность. Он понял, что состояние, испытанное им со мной, было тем же самым, что он ощущал с ней.

Наша следующая встреча состоялась две недели спустя, и впервые Норман не упоминал о своей подруге. Ближе к концу сессии я отметил это и спросил его, почему. Единственное хоть чего-то стоящее объяснение, сказал он, — это то, что последняя сессия произвела на него сильное впечатление. Легкий остаток его презрения к подруге еще оставался, указывая на уровни за-

виста, с которыми еще предстояло встретиться. Однако перемена была кардинальной; он начал чувствовать сострадание к подруге, и фактически, его неуважение к ней исчезло.'

Почему подобный опыт обладает столь мощным воздействием? *Называние* состояния, в том виде, в каком оно существует здесь и сейчас, похоже, наделено властью, далеко превосходящей любую интерпретацию или достигнутый другим способом инсайт, и во многом похоже на ощущения человека, пережившего яркое видение. Этот акт называния должен быть наблюдением за явлениями, постигнутыми в геометрии поля, в четвертом измерении. Прежде чем выдать анализируемому утверждение, наподобие: «Я чувствую себя полностью связанным и даже сплавленным с вами, но в то же время не чувствую вовсе никакой связи», колеблющаяся природа поля должна чувствоваться на ощупь, так, чтобы аналитик ощущал себя, словно бы запертым вместе с анализируемым в поле, обладающем свойствами геометрии бутыли Кляйна. В ином случае подобное утверждение будет воспринято как осуждение, а не как что-то, в чем оба человека пребывают вместе. Только такое осязаемое понимание взаимного качества поля обладает творческим потенциалом.

* * *

Часто комплекс слияния по большей части пребывает во внутренней детской части личности. Это особенно ярко видно было в моей работе с Элен, работе, результатом которой была поистине замечательная трансформация способности сепарироваться в отношениях и проявление самости, и все это произошло через восприятие присутствия комплекса слияния.

Изначально мы сосредоточились на том, что Элен избегала глубоко сидящих в ней негативных чувств к матери, восходящих, как казалось, к излишней озабоченности ее матери всем внешним и, в особенности,— к материнским двойным посланиям. Вот один из примеров: Элен, которой было тогда четыре года, было сказано пойти поиграть на улицу; дело было после дождя, и на улицах было мокро и грязно. Мать одела ее во все белое и велела не запачкать Ни туфли, ни одежду. Когда Элен впервые рассказала мне об этом, она настолько сильно диссоциировала (типичная защита против таких разрушающих сознание посланий), что просто думала, что мама заботилась о том, как она выглядит.

Комплекс слияния Элен я обнаружил, лишь проработав с ней двадцать пять лет. Поводом, который, наконец, раскрыл мою способность воспринимать его существование, была неминуемость смерти ее матери. Она чувствовала нависающую утрату и говорила о чувстве любви к матери. С горечью, которая казалась искренней и взвешенной («Мама была сложной, но всегда со мной»), она припомнила фантазию предыдущего дня, в которой воображала себя молодой девушкой. Рассказывая фантазию, она, похоже, превратилась в ребенка, стала громко всхлипывать и делать конвульсивные движения. Потом ей удалось отделиться от этого внутреннего, детского состояния и возвратиться к более взрослому статусу, но эти колебания продолжались еще несколько раз.

Я подумал, что горе и любовь Элен были ожидаемыми реакциями, независимо от того, насколько сложными были ее отношения с матерью. И в то же время я ощущал также, что я «нормализую» ее поведение, потому что во внезапной и взрывной природе ее эмоций было нечто странное, как и в манере, с которой она резко остановилась и вернулась обратно к взрослости.

Я снова спросил ее о «ребенке», и после еще одного приступа Элен потрясло следующее воспоминание из предыдущего дня. Она вспомнила, что в фантазии ребенок чувствовал себя «полностью приклеенным», как она сказала, к матери. Она никогда не использовала этот образ раньше и никогда не говорила о таких глубоких состояниях слияния; казалось, их вовсе не было в ее отношениях с матерью, и я никогда не чувствовал их между нами.

Несколько дней спустя, для того, чтобы дальше исследовать интенсивное «приклеенное состояние», Элен попыталась вернуться к фантазии о ребенке. Однако «ребенок не говорит. Словно бы этот ребенок полностью отрезан от меня и живет за стеклом».

Эта детская часть психики Элен была новым и неожиданным открытием глубокой и скрытой правды о ее отношениях с матерью. В ее переживаниях с образом ребенка мы видим отсутствие пространства между субъектом и объектом, а также полную отрезанность, без какой-либо возможности словесной коммуникации. (Оппозиции комплекса слияния Элен на этой стадии проявлялись как последовательность состояний, осознание которых было полезно для меня как указание на существование комплекса. Однако, такое осознание обычно не является

трансформирующим для анализируемого, как это бывает при восприятии оппозиций, присутствующих одновременно, что Элен испытала позже).

До того как она обнаружила ребенка в фантазии, Элен полностью отрицала свой гнев на мать и использовала любопытные коллективные заявления, типа: «Нужно любить свою мать». Эти заявления звучали странно и резали слух, словно бы Элен не столько верила в десять заповедей, сколько отождествлялась с лозунгом, который, не продумав, применяла к своей жизни, и будто бы она использовала слова, чтобы отделаться от чувств, а не сообщить что-то. И только после того, как Элен смогла увидеть эту детскую часть своей души в своей привязанности к матери, она смогла начать испытывать к матери чувства, идущие от сердца.

На следующей сессии Элен рассказала мне нечто новое о своей фантазии о «прилепленном» к матери ребенке. Когда она увидела этот образ, ее взрослое Я почувствовало себя привязанным к матери и испытало сильное желание отделиться, но это было трудно, и на несколько мгновений она почувствовала очень неловкое, неудобное состояние одновременной «приклеенности» к матери с одной стороны и эмоциональной и ментальной разъединенности с ней — с другой. Когда же я спросил ее, почему она сразу не рассказала об этой части ее фантазийного опыта, она смогла лишь ответить: «Мне было плохо, мне не понравилось это чувство». Она в основном сосредоточилась на том, чтобы «избавиться» от этих плохих чувств, а не на том, чтобы вместить их и сфокусироваться на них; но теперь это стало меняться.

В открытом у Элен комплексе слияния было некое трансформирующее качество, что делало ее случай очень похожим на перемены, происшедшие в Нормане. Отношения Элен с матерью изменились. Она смогла сопровождать мать на пути к смерти уже не как ошарашенный ребенок, но как взрослая женщина в печали, которая лелеяла свою мать как источник и силы, и страданий в своей жизни.

Элен рассказала об эпизоде, показавшемся ей примечательным: бездомная женщина подошла к ней на улице и попросила помощи. По словам Элен, впервые в своей жизни она смогла сказать «нет». Она подчеркнула, что это было совершенно новым действием для нее. Никогда раньше не выказывала она по-

добной способности к сепарации от кого-то. Элен на тот момент было восемьдесят, а мать ее умерла в сто три года.

Весьма распространены случаи, как было и с Элен, когда комплекс слияния глубоко скрыт внутри психики (здесь в виде внутренней детской части) и порождает симптомы, кажущиеся трудноизлечимыми, тогда как сам комплекс остается невидимым для любой формы восприятия. Уровни замешательства и безумные оппозиции, пронизывающие поле анализируемых, подобных Элен, казалось бы, не позволяют ощутить его до того мгновения прозрения, когда странные оппозиционные состояния слияния и дистанцирования можно, наконец, мельком увидеть.

Характерно, что подобные исследования ведут также к восстановлению воспоминаний. К примеру, Элен припомнила, как динамика «прилепленного» и не-связанного состояния всегда порождала ужасное чувство, когда она была с матерью. То есть она не могла в достаточной степени контейнировать и сознавать чувства боли от пребывания с матерью, от невозможности ни отделиться от нее, ни быть по-настоящему связанной с ней.

Сейчас я начал чувствовать (впервые за время моей более чем двадцатипятилетней работы с Элен), что между нами есть связь, которая есть нечто большее, чем просто ее желание, чтобы кто-то забрал у нее ее «плохие чувства» во время редких моментов контакта. Ее психотический процесс уменьшился, и начало проявляться ощущение себя личностью — наконец-то, в восемьдесят три года.

* * *

Обнажение комплекса слияния — это начало вливания энергии в процесс индивидуации, который способствует интеграции ранее бессознательного материала или включает в себя темы, долгое время отрицаемые — темы творчества или конфликтов в отношениях, или страха воплощения, или определенной фазы работы с трансферными отношениями. В случае Элен фокус сдвинулся к переносу и другим объектным отношениям. Норман встал лицом к лицу с тем, что увидел, наконец, что он и подруга — разные, отдельные люди. Как часто случается, было и несколько регрессивных возвращений к комплексу слияния с ней, сопровождаемых отголосками его прежних жалоб, пока он окончательно не набрался мужества и не совершил прорыв

в сторону воплощения. Это включало в себя переживания тревоги, прежде замаскированной миром слияния и его проекциями. Кайл, в конце концов, осознал, что инкорпорировал тревожность своей матери, и отношения переноса стали средством для развертывания его индивидуального процесса. Во всех этих случаях самость оживала по-своему, что вело к живому и осязаемому чувству идентичности и к дальнейшему развитию отношений с бессознательным.

Многочисленные колебания между прогрессивным движением к новому отношению к жизни и поведению и регрессом обратно, в ограниченную сферу комплекса слияния, сопровождают это путешествие, вернее, являются существенной его частью. Умение ценить таинство проявляющейся в этом процессе самости оказывается наиважнейшим, поскольку комплекс слияния ныне вездесущ.

4. Вездесущность

После десяти лет настойчивых усилий женщина, наконец, закончила работу над книгой. Однако ей никак не удавалось написать пятистраничную аннотацию для своего агента; каждая попытка превращалась в гнетущую муку. Если друзья спрашивали ее о книге, она стыдилась и терялась, оттого что не могла внятно и кратко передать, о чем, собственно, ее труд; порой она словно немела. Ее беспокоило, что она теряет память.

Я был знаком с ее работой и говорил с ней о важности главной темы этой книги в надежде, что это поможет ей скачком восстановить способность мыслить. Она ответила: «Да, но не это главное. Главное — то, что в моей неспособности говорить о книге — то же, что я чувствую, пытаясь говорить сейчас с вами — я не могу ни мыслить, ни произнести ничего, и я часто чувствую себя так».

Ее ответ помог мне перейти на другой уровень работы; мои старания помочь на самом деле представляли собой компульсивный поиск знакомого решения, некоего освобождения от моего собственного дискомфорта в разговоре. Благодаря этому наблюдению я смог несколько дистанцироваться и начал видеть, что моя анализируемая находится в столь глубоком слиянии с собственной книгой, что утратила способность размышлять о написанном. Оно превратилось для нее в размытое пятно, все ее попытки растворялись в нем, а любой психический контейнер, который ей удавалось создать, оказывался фрагментированным. Она даже не могла вспомнить, что только что рассказала мне о своей неспособности мыслить и говорить.

Когда я, наконец, смог почувствовать тягу слияния с анализируемой (проявившуюся в моем навязчивом поспешном желании порассуждать о содержании книги), и одновременное отсутствие связи с ней (заметное по ее реакции на мои слова), я осознал присутствие комплекса слияния — оживающего как между нами, так и между ней и книгой. Комплекс, воспринимаемый в пространстве между нами здесь и сейчас, теперь можно было назвать, и это освободило ее от агонии. Через несколько дней она достигла нового равновесия, в котором ее книга стала «объектом», поддающимся обдумыванию. И без всяких затруднений она смогла рассказывать, о чем книга.

Комплекс слияния — определяющий фактор во многих подобных унизительных сложностях— может маскировать эту свою функцию. В данном случае мы с писательницей начали борьбу с ее комплексом слияния задолго до этого эпизода, так что относительно малых стараний оказалось достаточно для установления факта его существования.

Несколько лет спустя после опыта, описанного мною в главе третьей, анализируемая, которую я назвал Элен, подбирала себе художника-декоратора— ей нужно было обставить дом. Она встретилась с художницей-декоратором, и та сказала ей, что у нее есть поставщик, который особенно хорош в подборе и наклейке обоев. Элен заплатила декоратору за консультацию, но решила больше не пользоваться ее услугами, поскольку, как она сформулировала, «что-то между нами было не так». Однако затем Элен оказалась в ужасном и болезненном состоянии внутреннего конфликта. Может ли она позвонить поставщику обоев, порекомендованному декоратором, если решила не пользоваться услугами последней? Этично ли это? После нескольких сессий, проведенных в агонии перед лицом решения, которое выглядело очевидным — ведь она оплатила консультацию, в чем же проблема? — Элен, наконец, смогла ясно понять, что же она испытывала:

> «Мне очень тревожно, глубоко, в самой сердцевине. Я словно бы приклеена к декоратору, словно я полностью вверила себя ей и несу ответственность за то, чтобы пользоваться ее услугами, несмотря на то, что заплатила ей, и что дальнейших договоренностей между нами нет. Самой позво-

нить поставщику — это слишком, словно я упаду в глубокую дыру или растворюсь, если не привлеку и декоратора к делу. В конце концов, это она дала мне рекомендацию».

Взбешенный абсурдом ситуации, я все-таки смог свести к минимуму несколько собственных вспышек, в которых призывал ее быть реалистичной, когда сообразил, что это была активизация ее комплекса слияния. «Это он», — почувствовала она немедленно; что-то щелкнуло внутри нее, словно «кусочки ребуса встали на место». Художница-декоратор стала для нее мамой, которую она не могла переносить, но от которой не могла отделиться.

Комплекс слияния не исчезает. Скорее, он может лишиться энергии и впасть в спячку, чтобы затем, позже, опять появиться. В этом случае способность увидеть его и назвать становится действием, позволяющим произойти сепарации.

* * *

Комплекс слияния заложен в основу самых разнообразных ситуаций. К примеру, он всегда оказывается главным фактором при зависимостях. Обычно зависимость и бывает неким способом слиться с объектом, будь то наркотик или определенный способ поведения, как при зависимостях от азартных игр или сексуальной зависимости, а равно— и дистанцированием от реального объекта желаний, обычно это фантазии об успокаивающем материнском теле. Зависимое поведение — это способ на время почувствовать некую передышку от агонии «невозможных» противоположностей, при которых ты не можешь ни оставаться с желанием слиться с утешительным объектом, ни отделиться от него. Один человек, пытающийся бросить курить, говорил: «Мне отвратительно курение, но я не могу бросить». Зависимый пребывает *в агонии* понимания. *Его не утешить.*

Работа комплекса слияния заметна в следующих размышлениях мужчины, выходящего из зависимости от курения и алкоголя:

«Я иду к жене за дозой: мне нужно что-то успокаивающее; чуточку любви — вполне сгодится, но мне надо и большего — экстаза, какого-то порыва. Но даже и без этого, хотя

бы просто любовь — и можно на время удовлетвориться. И я смогу отступить, до следующего раза. Но если я не получу своего, то неистовствую, и словно в мозгу у меня прожектор, я все высматриваю, высматриваю в себе, все тело болит, и от этой боли я пытаюсь избавиться, как могу, используя свой разум. Где же она? Я не вижу ничего, кроме опасности, это непроходимая чаща, а я продолжаю смотреть, пока что-то не откроется, быть может, что-то, исходящее от нее. Тогда — еще один разок, и я снова спасен, на время. Самое худшее — это когда я чувствую далекий, неудовлетворенный поиск — в уме — и одновременно отчаянный зов, идущий из моего тела, которое пытается и почувствовать ее, и закрыться от отвержения и разочарования. Меня качает от разума к телу, иногда довольно быстро, но разорванность, которую я чувствую, слишком болезненна, и мне приходиться убегать, раскалываться — или ненавидя ее, или бросаясь что-то делать без нее».

Навязчивый и дисфункциональный паттерн, известный как созависимость— термин, ставший широко известным в нашей культуре благодаря двенадцатишаговым программам и сопутствующим группам (таким, например, как Ал-Анон, группы для друзей и родственников зависимых людей) — может рассматриваться как чистый пример работы комплекса слияния. Зависимый и санкционирующий зависимость человек разделяют общее насыщенное поле слияния, не испытывая взаимной связи или при очень скудной связи. Ибо даже если поведение созависимого может быть исполнено любовью или наполнено злостью и глубокими переживаниями, вызванными предательством, все равно в этом очень мало реальной, сознательной связи между зависимым и созависимым партнерами. Если бы она была, то стало бы понятно, что зависимость была запущена в действие вследствие огромного сопротивления расставанию со сферой слияния комплекса.

Крайний страх отделения, создаваемый комплексом слияния, питает дисфункциональное, созависимое поведение, маскируя его иллюзиями самоотверженной любви. Именно поэтому для того, чтобы пробить созависимое состояние, широко принято обучать противоядию— «жесткой любви». Значимость групповой поддержки в таких поведенческих изменениях становится мерилом интенсивности сепарационной тревоги, сопровождающей всякий

выход из состояния слияния. Эта тревога — так же значима, как и психотическая тревога, питающая безумие зависимости.

В случаях, когда оживлен комплекс слияния, сепарация от человека или вида деятельности, и, собственно, любое изменение — необходимость заплатить по новому счету, вскрытие письма от некоего авторитета, сообщение о том, как вы себя чувствуете, возможность испытать сексуальное желание, в котором есть толика личного отношения, а не просто компульсивное, безличное качество, заполнение анкеты на возврат налогов, которое позволит сэкономить тысячи столь необходимых долларов — все это ощущается как сильно провоцирующие тревогу факторы. Малейшее отклонение от чрезвычайно узкой «внутренней территории», ощущаемой как теплая и безопасная, может напугать, наполнить эго паникой оттого, что все внезапно стало так дезорганизовано, или даже ужасом угрозы полного исчезновения[56].

Стало быть, комплекс слияния часто является причиной хронических свойств, таких, как отсутствие концентрации или постоянные отсрочки и задержки. Хроническая неспособность приходить вовремя на встречи или заканчивать встречи вовремя может указывать на серьезные проблемы с мобилизацией энергии и на непомерные страхи сепарации, присутствующие всегда, когда оживает комплекс слияния. Люди часто рассказывают о физической напряженности, ощущаемой всякий раз, когда приближается момент сепарации, о чувстве унижения от того, что ты не способен действовать, а лишь смотришь, как тикают, исчезая, минуты, в то время как ты опаздываешь и пропускаешь еще одну встречу.

Поскольку одновременно испытывается и слияние с объектами, и отсутствие связи с ними — то есть нет концентрации на отдельном существовании, — то комплекс слияния может стать источником хронической потери вещей. Объекты не ощущаются как *положенные* куда-то, поскольку отдельных мест не существует. Бумаги, ключи, одежда и деньги, похоже, просто растворяются. Под влиянием комплекса слияния подсознательно человек испытывает угрозу впасть в ничто, и на мгновение по-настоящему верит, что объект не только потерян временно, но что он никогда не будет найден. Никакая рациональность не помогает, и подобная полная вера в утрату

объекта кажется странной и сбивающей с толку любого, кто пытается помочь.

Другой характерный пример повсеместности комплекса слияния и тех зачастую неразрешимых трудностей с сепарацией, которую он создает, — это случай тех, кто задерживается в высшей школе; это люди, учеба которых занимает долгие-долгие годы, намного превышающие нормальный срок, и приходящие в состояние ВТНД — «все, только не диссертация». Окончание работы над диссертацией кажется невозможным, и депрессия, тревожность, компульсивность и диссоциация часто становятся защитами от стыда и унижения, сопровождающими спад энергии вследствие комплекса слияния.

Комплекс слияния может препятствовать всякому усилию, направленному на окончание творческого проекта. К примеру, математика, пытающегося добиться штатной должности, оставляют на факультете благодаря репутации блестящего ума. Однако он не в состоянии дописать статью и довести ее до публикации. Он одновременно занят несколькими статьями сразу. Он находит параллели между разными статьями. Он задается вопросом — похоже, они складываются в книгу. При подготовке рукописи для отправки в журнал он «каким-то образом» стирает ее из памяти компьютера. Сепарация, означающая способность иметь что-то похожее на самость, отличную от той, что слита с бессознательной жизнью и ее обширным потенциалом, непомерна для этого человека.

Вся эта драма часто отыгрывается на внутреннем уровне. То есть человек может чувствовать себя связанным своими бессознательными чувствами и фантазиями и не быть в состоянии отделиться от них. Такие состояния часто безысходны, как тяга к притупляющим, обезжизнивающим или хаотическим состояниям инкорпорированных[57] депрессивных аспектов матери — к мощным психическим пережиткам реального детского опыта. Поскольку отделиться от этого состояния кажется невозможным, человек попадает в ловушку пассивной защиты и замыкается в утешительных фантазиях, или же наоборот: постоянно кидается в бездумные действия, приводящие лишь к еще большему стыду. Человек с сильным комплексом слияния редко когда сознательно или волевым актом оставляет свою ограниченную «территорию»; он (или она) испытывает внезапную потерю

энергии при каждой попытке инициировать изменение. Один мужчина, часто томящийся в подобном состоянии, как-то сказал мне:

> «Как только я начну делать что-то, я могу делать это вечно. Делание — больше не проблема; начало — вот что невозможно, и я умудряюсь «забыть» о том, что мне нужно сделать за день, например, перезвонить кому-то, и так до той поры, когда мне нужно уже выезжать на встречу с вами, и вот я уже чувствую себя полной размазней. А иногда я слишком стесняюсь, чтобы прийти».

Вокруг нереализованных потенциальных возможностей накапливается столько стыда, что многие люди в сходной ситуации болезненно немеют. Образы могущественных людей, ведущих себя в лучшем смысле этого слова наступательно, — встающих на защиту глубочайших ценностей не только на словах, но и на деле, — заполняют внутренний мир мечтаний и фантазий. Человек может снова и снова в потаенных уголках своих фантазий практиковаться в том, «что лучше сделать» в той или иной ситуации, однако в реальности, когда необходимо действовать, этот человек оказывается едва способным произнести, что же он намеревался совершить, или же страдает от неловкого молчания, снова предавая свой внутренний зов. Эти переживания могут стать столь болезненными и постоянными, что порождает очень ограниченную жизнь, организованную вокруг защиты себя от едкого стыда. Компромиссы же всегда кончаются неудачей; и временами самоубийство манит как единственный выход из агонии.

Мужчина, слова которого я привел, чувствует себя исключенным из мира сексуальности и агрессии. Подобные качества остаются вне его, недостижимыми. «Я хочу быть сексуальным с женой», — настаивает он. Когда он вдали от нее, он ее хочет, и она возбуждает его в фантазиях во время мастурбаций. Однако, когда он с ней, он говорит: «Я ухожу, меня нет там, и я это ненавижу». Это состояние часто слишком болезненно, чтобы его можно было принять, и он убегает в мир пассивной фантазии, «улетая» от внутреннего гнета, который он бы иначе непременно почувствовал.

И все это со всей болезненностью очевидно для него. Вся его жизнь прошла под знанием того, что у него есть желания, которых он не в состоянии осуществить. И так же нет у него сил быть «в своем теле» и проникнуть в поле между ним и женой, и осмелиться почувствовать то, что он чувствует, и увидеть то, что он видит.

Какое-то время я совершал грубую ошибку, разбирая сны этого анализируемого, поскольку они часто рисовали могущественных мужчин, поднимающихся из подземных палат, и явно ожидающих, чтобы он связался с ними, «интегрировал» их в свое более духовное, интеллектуальное Я. Да и в конце концов, зачем же еще появляться подобным образам? Ведь мы так часто встречаем героя, сражающегося с темными, примитивными силами, которые он, в конце концов, преодолевает, а затем пользуется преимуществами этих сил. Не существует ли это побуждение внутри него и не будет ли терапевтическим умение убедить его овладеть этой силой?

Однако в удушающем объятии комплекса слияния подобные героические импульсы, столь высоко им ценимые, не только не стали подлинной силой, но привели к еще большему унижению. В течение нескольких сессий я понял, что предложение героически преодолеть свои страхи и поговорить с женой только добавит ему отчаяния. Возможно, сама мысль об этом транслировала негативность в поле между нами, настолько остры были его страдания и настолько чувствительно поле. Мышление в героических терминах оказалось моей собственной защитой против переживания, как его, так и моей боли.

С одной стороны, когда он не мог поговорить с одним из своих служащих, периодически не показывавшимся на работе, он начинал мечтать о человеке, которого он представлял мужественным и способным постоять за себя. Все еще находясь в рамках героических размышлений, я посоветовал ему задуматься о том, что выполнение работы было довольно значимой и много чего стоящей целью. Стараясь приглушить явный призыв к героике, я переделал его в предположение о том, что предлагаемая конфронтация не была чем-то, направленным *против* другого человека, но, скорее, чем-то *для* него самого. Со злостью он ответил мне: «Именно это я и повторяю себе снова и снова. И все же я не могу это сделать, и мне лишь становится стыдно за са-

мого себя». В этот момент я смог признать, что его способность злиться на меня давала мне проблеск надежды, что он сможет овладеть собственной агрессией. По крайней мере, хоть этого я добился своим неверным подходом.

Некоторые обычные типы сновидений, имеющие отношение к падению или к тому, что движения сильно заторможены, организованы комплексом слияния — например, таков изначальный сон анализируемого о том, что он идет по горе задом наперед, пытаясь успеть на автобус, но едва может шагать. Комплекс слияния сновидящего отражается не только в снах о падениях, характерных при отсутствии ощутимого контейнера, но и в тех случаях, когда падает какой-то иной персонаж сновидения, а не сновидящее эго, как это было в случае сна женщины, которой снилось, что она прогуливается с мужем, и внезапно муж ее проваливается сквозь тротуар. Этот сон отражал активность комплекса слияния тем, что сновидящая оказалась в опасности внезапно потерять любые объектные отношения. Комплекс может разниться по силе; так, другому человеку снилось, что его партнерша упала в дыру, тогда как он сам провалился лишь по горло.

Комплекс слияния может создавать странные образы сновидений, рисующие неожиданные и унизительные способы утраты полезной энергии через комплекс слияния, когда человек пытается привнести свои ощущения или творческие усилия в реальность пространства-времени. Так, анализируемый, пытавшийся написать статью, увидел во сне, как телесные соки вытекали из кончиков его пальцев. Многочисленные хронические и на первый взгляд неизлечимые физические жалобы часто являются соматизацией тревог, характерных для комплекса слияния. К примеру, несколько мужчин, с которыми я работал, рассказывали о внезапной и необъяснимой преждевременной эякуляции, которая, казалось, совершалась без присущей оргазму интенсивности и провоцировалась самым мягким касанием или легким сексуальным интересом.

Аспект слияния этого комплекса может быть представлен в снах и фантазиях глубоким сексуальным влечением. Человек может счесть подобные желания смущающими, поскольку сознательно он или она не фиксирует вовсе никаких сексуальных чувств к приснившемуся.

Например, женщине приснилось, что она и ее мать находятся в двух комнатах, разделенных дверью, и что ее мать просит ее прийти и лечь к ней в кровать, на что женщина отвечает: «Если я это сделаю, то, ты знаешь, мы займемся сексом». И во сне она испытывала сексуальные чувства к собственной матери. В реальности это все было загадкой, поскольку эта женщина далеко не избегала подобных мыслей или чувств, но они не имели никакого смысла в отношении сновидения о матери. Был ли это просто пример мощного вытеснения, выкованный годами отчужденности от матери?

Сначала я подумал, что именно в этом дело, как это бывает и в других случаях. Однако гораздо более точным оказалось осознание того, что поле между женщиной и ее внутренним материнским образом было сильно активировано. Таким образом, здесь присутствовало сильное слияние, но одновременно — дистанцирование и отсутствие общения. Поэтому моя анализируемая никак не могла ассоциировать сознательные чувства с физически эротическими чувствами к матери; подобной ассоциации не существовало. И скорее, не с вытеснением ей предстояло встретиться, а с обескураживающим взаимодействием полностью несовместимых противоположностей комплекса слияния.

В другой раз анализируемая поняла, что ее чувство идентичности сильно связано с другой женщиной, потому что та давала возможность «отзеркаливания», эмпатического отражения ее существа, находящегося на очень глубоком уровне, и в остальном отсутствующего в отношениях ее жизни. Однако наряду с «творческими периодами», которые она испытывала, находясь рядом с этой женщиной, между ними бывали и ссоры, и ее потребность отдалиться на некоторое расстояние. Все это придавало отношениям неровную и странную форму. Когда обнаружилось присутствие комплекса слияния, анализируемая смогла понять, что сексуальные желания ее подруги, к которым анализируемая не испытывала никакого интереса, создавали мощное слияние, с которыми она мирилась из-за отзеркаливания, которое получала.

Особенным при обнаружении комплекса слияния в подобных взаимодействиях является то, что восприятие одновременности несовместимых противоположностей слияния и

дистанцирования — а не отыгрывание их во времени, в серии «плохих» и «хороших» интервалов— создает контейнер для рефлексии взаимодействия. Как обычно бывает при комплексе слияния, анализируемая не обнаружила эту одновременность сама; скорее, вследствие качества информации, несомой полем, именно я ощутил обескураживающую оппозицию слияния-дистанцированности. Это показалось анализируемой верным и позволило ей осознать тот предельный стресс, в котором она пребывала в результате желаний ее подруги к слиянию. До того она лишь периодически способна бывала несколько ослабить узы дружбы, чтобы можно было дышать, и никогда не способна была испытывать собственных чувств, пока они не доходили до взрыва.

Когда мы встретились в следующий раз, она вспомнила, о чем мы говорили, но в течение недели не ощущала комплекса слияния между собой и подругой. Она не могла ощутить одновременности противоположных чувств слияния и дистанцированности, даже несмотря на то, что не сомневалась в том, что именно такова основа подлинно верного описания их взаимодействия.

Затем я узнал, что в ночь после нашей сессии, на которой мы обнаружили наличие комплекса слияния, активируемого ее подругой, анализируемой приснился сон, в котором у ребенка была проблема со зрением и его успешно прооперировали. Моя анализируемая, чрезвычайно чувствительная женщина, призналась, что когда она пыталась воспринять противоположности поля слияния, *она становилась подобной травмированному ребенку.* Она утрачивала ощущение взрослости, а поскольку юная часть ее должна была отрицать ее видение (как и многие другие люди, очень рано в жизни она получила от своей матери послание — не видеть вещи такими, как они есть), то мне пришло в голову открыть дорогу неординарному восприятию. Я счел сон одной из стадий исцеления этого «программирования», тогда следующей ступенью стало постепенное обретение способности воспринимать комплекс слияния и завязать связь со своим внутренним ребенком с позиции взрослого.

* * *

Для того, чтобы создать контейнер, который позволил бы схватить самую суть комплекса слияния, оба человека, участвующие в отношениях, должны хотеть этого и понимать, что сводящие с ума конфликты, переживаемые ими, суть качества поля, разделяемого обоими — качества, не сводимые к индивидуальным проекциям. И это не просто ключ к облегчению мук, приносимых комплексом слияния; сами отношения в целом, если в них есть нечто большее, чем просто экономические договоренности, часто или разваливаются или расцветают — в зависимости от подобного хотения.

Например, Джону (см. главу 1) после разговора с женой, в котором он потерял эмоциональный контроль над собой, приснился красноречивый сон:

> «Военные самолеты буксировали большие металлические контейнеры и собирались приземляться. Они сбросили контейнеры, в которых находились солдаты, а затем самолеты разбились. Со мной был мужчина, остававшийся полностью безразличным ко всему, как будто бы ничего не происходило, тогда как мне было очень тревожно. После крушения высокое здание оказалось охваченным огнем и тоже разрушилось».

Металлические контейнеры можно понять как агрессивный, воинственный «контейнер», который Джон использовал в своих отношениях с женой, как метафору бдительной охраны его потребностей и душевного пространства, что помогало ему чувствовать себя контейнированным, когда сильные эмоции грозили переполнить его. Джон очень мягок и потрясающе заботлив ко всем формам жизни; едва ли поначалу можно заподозрить его в подобной воинственности. Однако именно контейнер такой формы всплыл во сне, и он должен сломаться. Человек, сопровождавший его, может быть фигурой самости или, может быть, ссылкой на меня в переносе.

Чем можно заменить этот воинственный контейнер? Я предложил Джону поинтересоваться тем, каким образом динамика поля между ним и его женой оказывается чем-то таким, от чего страдает и она — в той же степени, что и он; может быть, это

некий совместный паттерн, а не переживание того, что «она сделала ему» или «он сделал ей». Другими словами, возможно ли было сместить муки слияния-сепарации к другому центру сосредоточения, к миру «между»?

Джон задумался над такой возможностью и над своим недоверием к жене:

> «Когда я пытаюсь обратить на что-нибудь ее внимание, например, на то, как она хлопает дверью, когда уходит из дома, и беспокоит этим соседа, который вечно жалуется на шум, я ничего не жду в ответ, кроме атак. Я жду, что начнется извержение, и она упорно будет утверждать, что у нее нет пространства, в котором она могла бы просто побыть, так что центральной темой окажется ее переживание, а не дверь и не наш сосед. Я знаю, что вношу свой вклад в этот образ — уже годы как он сложился у меня — и может быть, она отреагирует и по-другому».

Я заметил, что предполагаемое взаимодействие контролировалось бессознательной диадой: сепарацией и яростной атакой. Если Джон, расставаясь со своей женой, выражал озабоченность, а не прятался, то, как он верил, за этим следовала атака. Но чья это была атака? Мог ли он быть уверен, что начинает ее жена? Другими словами, могли ли они разделять бессознательную диаду, так что сепарация, как сознательное действие, вела к крайней тревожности каждого из них?

Джон понял, что он «взвалил это все на нее», и в терапии он позволил себе отыграть ту сторону своей натуры, что так пугала его жену:

> «Я не могу принести ей идею поля как взаимной, третьей вещи. Я не могу разговаривать с ней. С ней трудно. Это все обернется против меня. Она становится реактивной. Я буду чувствовать себя чудовищно расстроенным. Ей только и нужно, что быть отдельно и чтобы уважали ее взгляды. И для меня все это кончится тем, что я буду чувствовать себя непонятым и злиться».

Как только Джон «взял во владение» эту темную сторону своей природы, он начал видеть возможность существования общей реальности с женой. Кроме того, он признал свои страхи, не дававшие ему отбросить воинственные защиты. Если бы он и его жена могли подчиниться мысли о реальности поля как чего-то общего для них и отбросить защиту, выражающуюся в обвинении, тогда они смогли бы сдвинуться по направлению к любви и союзу, а не к различиям и агрессии.

Размышляя о своей жизни и жене, Джон знал, что это была его задача. Он мог видеть, что его волнения по поводу «хрупкости» жены могли быть раздутыми. Он мог стать более сочувствующим по отношению к ней и особенно — по отношению к себе самому. Он мог представить себе становление кем-то для нее, а не против нее. «Я знаю, что должен отфильтровать ядовитый аспект моего желания власти. Я знаю, я должен увидеть ее защиты как свои».

В действительности, когда Джону хватило мужества на то, чтобы доверять жене, он обнаружил в ней глубину, о которой никогда не знал. Она могла сопереживать его невероятным страданиям и унижению от чувства одновременной «прилепленности» к ней и отсутствия связи, и увидела похожие паттерны в ее жизни с отцом. Когда они приходили ко мне на сессии вдвоем, она говорила: «Как только у меня появлялось что-то, отец разрушал это». От поведения ее отца у нее сложилось впечатление, что «любой мужчина «погружен в свою мать», но отнюдь не в меня». Она считала, что: «В моей истории никогда не будет ни любящего мужчины, ни мужчины-товарища».

Жена Джона слилась с ужасной системой верований и не могла отделиться от нее. Но лишь через их общее переживание поля как чего-то, внутри чего они находились оба, но и также наблюдая снаружи за этим как за «объектом», они смогли создать контейнер для своего комплекса слияния и позволить любви властвовать над ненавистью, подозрением и жаждой власти.

* * *

Обычно комплекс слияния подобен презираемой алхимической *prima materia,* мерзкой и никчемной, вездесущей и легко отбрасываемой прочь, однако сущностно необходимой для создания

той самой высоко ценимой цели алхимического делания: ляписа *(lapis),* символа самости. Как и *prima materia,* комплекс слияния можно найти везде— в неизлечимом поведении и ригидных привычках, тайно создающих ненарушимую «безопасную территорию» человека, укрепленную мазохистической покорностью, которая жертвует сутью и потенциальными возможностями, ютясь в темных уголках отношений, застрявших в старой колее и булькающих обидами и презрением; во множестве характерологических расстройств. Когда комплекс слияния остается незамеченным, эти расстройства часто не трансформируются. Любое чувство смысла и значения остается пойманным в конвейер навязчивости: в нарциссические требования и крайне острую потребность контролировать других людей; в неистовые поиски идеализации; в обреченность, расщепляющую людей на разные, контрастные части, не позволяющие никогда увидеть за ними целое, человека.

Комплекс слияния порхает по всем этим паттернам, и мы легко можем оказаться одураченными, полагая, что поведение, о котором идет речь, и диагностические категории, доминирующие в рационально-перспективном психиатрическом мире, суть основное вещество психотерапии. Однако пока мы не найдем способ «коагулировать» свое легко фрагментирующееся восприятие этих оппозиций слияния-дистанцирования, мы навсегда останемся приверженцами интерпретации или связи с рационально постижимыми состояниями ума и вечной веры в мощь эмпатии.

Однако когда комплекс слияния «связан», как сказали бы алхимики, т.е. привлечен и достаточно законтейнирован, чтобы он перестал казаться и исчезать, когда он коагулирован не «внутри» или «снаружи» человека, но в процессе создания того много-параметрового мира, что столь кстати можно проиллюстрировать бутылкой Кляйна, а столетия назад — алхимическим *vas hermeticum,*[59] — тогда не только гораздо лучше разрешаются разнообразные ригидные манеры поведения и структуры характера, но и может расцвести самость, само ядро человеческого существа. Подобно животному или человеку, обращенному в камень заговором ведьмы в волшебной сказке, а потом освобожденному от чар, самость может ожить, и может начать разворачиваться процесс индивиду-

ации, раньше не воплощавшийся или приостановленный[59]. Презираемая *prima materia* комплекса слияния может в таком случае видеться не только как опасное состояние, но как путь к индивидуации.

Глубоко запрятанные и ранимые состояния «отраженных потребностей», наконец-то, начинают проявляться из непроницаемых структур, никогда не позволявших подобной «грандиозности» выйти на солнечный свет[60]. Затаенные чувства ненависти, зависти, гнева и страха перед деструктивной силой подобных эмоций начинают растворяться, как только человек «осваивает» приносящее страдания понимание того, как его или ее негативность воздействует на других[61]; и посреди многочисленных других симптомов «раскрывающейся самости» человек, наконец, начинает узнавать себя не как абстракцию, но как живую реальность, выталкивающую его из узких границ эго в полноту любви, сострадания и таинства.

5. Тонкое тело души: защитный покров внутренней жизни

В качестве защиты от «невозможной» дилеммы слияния-дистанцирования и от хаотичности комплекса слияния некоторые анализируемые развивают защитную «кожу» — диссоциацию или шизоидный уход в себя. Когда ломаются эти или любые другие разновидности контейнирующей структуры, будь то вследствие внутренних аффектов или вследствие внешних вмешательств, поле может стать столь турбулентным, что станет чинить препятствия или даже предотвращать от восприятия комплекса слияния. И действительно, когда защитная «кожа» принимает форму затвердевшей нарциссической раковины, любое восприятие не только сложно достижимо, но и переживается как интрузивное.

Именно такие сложности восприятия я Испытывал в работе с Наоми (глава первая) до тех пор, пока мы не обнаружили, что полем между нами управляет противоположность слияния-дистанцирования. Наоми создала множественные защитные «кожи», на редкость связные; стало быть, хаотические поля царили во многих наших встречах. Хотя мощные, подобные психотическим, энергии комплекса слияния и доминировали в поле, мы не могли воспринять собственно оппозицию слияния-дистанцирования как регулярное качество нашего взаимодействия — до тех пор, пока мы не растворили эти защитные «кожи».

Моя работа с Наоми и с другими анализируемыми предлагает нам образы «покрова души» или *тонкого тела,* необходимого контейнера внутренней жизни. Понятие контейнирующего одеяния, сотканного из субстанции, не являющейся ни духовным, ни физическим телом, но, скорее, качеством *между ними,* весьма древнее. Оно появилось в греческой стоической мысли и далее было развито в раннем Ренессансе, еще до развития перспективного сознания, породившего науку.

Античные культуры много внимания уделяли этому «покрову души», дающему возможность обмена энергией между человеком и вселенной со всеми ее связями, обмена, посредством которого торжествует чувство порядка. До-научные культуры подходили к дилемме хаоса и отношений между порядком и беспорядком весьма различно, поскольку они *видели* по-разному. Современный, научный ум развился за счет исключения других форм восприятия. В целом люди уже не воспринимают ту разновидность покровной материи, что защищает душу от слишком большого беспорядка, несомого хаосом, как внешним, так и внутренним[62].

Однако эту ткань отношений можно почувствовать, если сфокусироваться на интерактивном поле, на промежуточном царстве, доступ к которому можно получить посредством аперспективного сознания. Для этого нужно взять за скобки сознание «внутреннего» и «внешнего», в особенности, если речь идет о проекциях или о познании своего собственного внутреннего процесса или процесса другого человека. В каком-то смысле человек жертвует силой, добытой путем познания внутренних содержаний или проекций, и открывается навстречу постижению третьей области через переживание.

В таком аперспективном модусе внутренняя жизнь другого становится видимой, поскольку дух принимает конкретную форму. Гебсер говорит о *конкреции* духа[63]. Образность эта, *воспринятая и пережитая* обоими людьми в третьей сфере, является источником исцеления.

Активизация тонкого тела— автономный, архетипический процесс, но он требует восприятия и воображения другого, вовлеченного в отношения с человеком. Если этот «покров» не сформирован в первые месяцы до и после рождения[64] или в течение последующих периодов преобразований во взрослой жизни, то человек создает «замещающие (суррогатные) ткани», которые могут принять беспокоящие или ригидные формы. В свою очередь, эти ткани должны разложиться (через появление и возможность вновь прочувствовать природу вторгающейся тревоги, которая часто связана с материнскими депрессивными или психотическими процессами, не дающими сформироваться покрову), и тогда изначальная «тонкая конструкция» может оформиться и стать контейнирующим присутствием.

Гарантируя непрерывность ощутимого чувства существования, тонкое тело защищает от разнообразных интрузивных состояний— как внутренних, так и внешних— и особенно против засасывающего хаоса психоза. Как мы видели у Кайла и Наоми в главе третьей, тонкое тело так же способно на то, чтобы сообщать (как это было в описанных случаях) о разных уровнях ощущаемого чувства связи и отсутствия связи (в случае комплекса слияния это ощущается одновременно). Благодаря дестабилизирующим воздействиям психотического процесса мы с Наоми лишь через много лет общения испытали такую коммуникацию. Обычно человек, страдающий сильным комплексом слияния, создает ряд суррогатных контейнеров или «кож», чтобы держать на расстоянии непереносимую тревогу из-за не-функционального тонкого тела и в отсутствии такого наиважнейшего достижения, как надежные и безопасные отношения. В моей работе с Наоми ее «объектные отношения» развивались по мере проявления и растворения замещающих кож.

* * *

Когда тонкое тело нарушено, как у Наоми, вторжение опасных и дезорганизующих психотических процессов становится постоянным риском. Такое нарушение подрывает чувство безопасности человека и требует серьезных, ригидных защитных покрытий для выживания. Наоми создала нарциссический «пузырь» — структуру, в которой существовала лишь она. Эта структура защищала ее от поглощения ужасными запутанными психотическими антимирами, в которых все, что она чувствовала или думала, могло быть тут же уничтожено чем-то другим, в свою очередь уничтожаемым еще чем-то. К этой сложности добавлялось еще инкорпорированное материнское безумие, на тот момент неизвестное нам, скрытое структурой пузыря и просачивающееся наружу через поле в виде некоторых странностей.

В течение нескольких лет я принимал эту защиту как олицетворение одной из нарциссических частей Наоми — потребности в «отзеркаливании», которого она, совершенно точно, страстно жаждала. Отзеркаливание — это комплексный процесс эмпатического отражения другого человека, «влезания в его кожу», использования своего собственного опыта в процессе, но при добавлении совсем немногого (если вообще хоть чего-нибудь) от

себя — своих собственных мыслей или воображения. Потребность в отзеркаливании характерна для людей с нарциссическими расстройствами, психика которых, в той или иной степени, испускает энергию, транслирующую требование, чтобы аналитик «заткнулся и слушал»; конечно, этой мысли анализируемый будет изо всех сил сопротивляться до тех пор, пока природа взаимодействия не окажется осознанной им.

Подобная форма контроля обычна для повседневной жизни, и когда она переживается во взаимодействии, транслируемая полем, то создает чувство физического напряжения у человека, ощущающего молчаливое предписание лишь отзеркаливать. Зачастую он начинает дышать поверхностным, неглубоким дыханием. Когда контролирующее требование сильно, такой физический дискомфорт может стать болезненным. Характерно, что после долгого напрасного ожидания момента, когда можно вставить слово, начинаешь чувствовать себя выдолбленным и пустым.

Если только у аналитика нет достаточного чувства самости — того организующего центра человека, который наполняет жизнь индивидуальным смыслом и значением, — то контейнирование путем отзеркаливания окажется особенно неприятным и стрессовым. Самость заключает в себе мудрость, врожденное знание, которое может проявиться как прозрение, как только эго с его контролирующим влиянием несколько ретируется. Например, если человек произносит что-то такое, что вызывает у нас эмоциональный отклик или фантазию, но через связь с самостью мы оказываемся способными придержать любую реакцию на подобные состояния, то просто удивительно, как меняются эти тенденции, и как внутри нас появляются совершенно иные реакции. Часто лучший ответ — это не говорить ничего. Тогда может стать понятно, что любое утверждение могло быть или защитным, или, возможно, проявляющим лишь нашу собственную потребность быть ценимым, заметным или отзеркаленным анализируемым.

Способность самости помогать, задерживать отыгрывание таких потребностей демонстрирует контейнирующую функцию, которая успокаивает тревожность и дает подняться чувству центрированности, сходному с древней метафорой пребывания в Дао. Однако, судя по моему опыту с Наоми, тогда, когда доминирующим становится хаотичное, дезорганизующее поле, любое мое контейнирующее чувство самости терпит неудачу.

Вместо этого преобладающей становится эмоциональная болтанка, едва поддающаяся рефлексии.

На картах древнего мира можно увидеть змею, обвившую известный мир, и хаос — вне круга. Самость человека тоже имеет пределы того, что может упорядочить. Эти пределы могут быть постоянно расширяющимися, во многом подобно тому, как первооткрыватели расширяли границы когда-то известного. Однако хаотические состояния, и особенно травма оказываются труднопреодолимым препятствием для такого расширения.

На раннем этапе терапии Наоми я обычно мог вполне успешно сконцентрироваться на том, что способен был вместить, и исключал то, чего не мог удерживать. В те годы я не мог установить связь с этими странными моментами (или состояниями) противоречивых оппозиций, которые возникали иногда как застылые состояния немоты, когда я чувствовал себя физически привязанным к ней, даже пойманным в капкан, плененным слушателем. Вот несколько примеров из моих заметок, сделанных после сессий.

> «Мне никогда не нравится то, как я встречаю ее в приемной. Я чувствую, как фальшивлю, когда пытаюсь бурно проявлять свои чувства, и какой я убогий скупец, когда сдерживаюсь. Я боязливо открываю дверь в приемную, никогда не зная, «правильно ли я сделал». Я верю, что она наблюдает и подсчитывает, и ей точно известно количество единиц энергии, которую я испускаю, но она мила и улыбается, хотя я и вижу, как она измучена. И вот она в кабинете, сидит и говорит. Ее хорошее настроение сохраняется, но я знаю, что это скоро пройдет. Упомянет ли она что-нибудь о том, «каким я был» в приемной? Однажды она сделала это, и продолжает тренировать мою способность приветствовать ее — прося меня выказывать удовольствие от ее прихода и сравнивая меня с учителем йоги, который встречает ее с таким счастьем; а потом она произносит: «Как славно я себя чувствую, когда прошу того, чего мне хочется». Она всегда просит, чего хочет. Я не знаю никого другого, кто бы спрашивал о тех вещах, что просит она. В тот момент я надеялся, что она не спросит меня, что я чувствую по поводу ее просьбы, потому что чувствовал я себя как зритель шоу уродцев, и сознавал, что сам тоже уродец. Я чувствовал себя странно, когда она говорила, удивительно нереальным.
>
> Всякий раз, когда она входит в мой кабинет из приемной, я издаю легкий вздох. Мне кое-что могло бы и сойти с рук; но я никог-

да не уверен. Я никогда не настоящий. Хотелось бы мне, чтобы это легкое чувство нереальности, фальшивости было самым худшим из того, что я испытываю. Но я скрываю то, что на самом деле чувствую, не чувствуя. Я абсолютно ничего не чувствую к ней, и это начинается в приемной».

После другой сессии я записал:

«Я словно подвешен в середине: то она нравится мне — и я чувствую, словно я с кем-то, кто и вправду поймет меня и заинтересуется мною, кто будет прекрасным, эмпатичным человеком, каким она может быть,— то я напряжен, что-то сдерживает меня, я мешкаю, задыхаюсь и абсолютно отъединен. Я перебрасываю через этот пролив бесконтактности кивок, который означает, что я с ней. Но я не с ней. Я думаю: «С чего это я вообще вздумал, что она действительно поймет меня? Она здесь не для того, и, кроме того, я знаю, она об этом очень скоро пожалела бы». Я боюсь подвести ее, но не так уж легко сказать, почему. Словно бы мое сознание — клубок веревок, которые я не могу распутать. Я прячу свои чувства. Не знаю, почему. Больше всего она хочет, чтобы я честно рассказал ей хоть что-нибудь, что я чувствую, неважно, как ужасно это может прозвучать. И она действительно этого хочет. Я не знаю никого другого, столь пылко ищущего правды. Я знаю, что нет ничего такого, чего бы я не мог ей сказать. Однако я все это моментально забываю. Все улетучивается из моей головы без следа. Вместо этого я лгу. Я делаю вид, что присутствую, надеясь, что наступит момент, и произойдет настоящее соединение, и я разделаюсь со своей шарадой».

Меня смущают подобные собственные реакции, хотя я думаю, что они не столько индивидуально специфичны, сколько часто происходят при сильной включенности комплекса слияния. Я бы точно предпочитал не иметь подобных чувств, поскольку мне нравилась Наоми и я уважал ее. Я привел эти заметки после сессии, чтобы описать атмосферу в кабинете при активизации нарциссической защиты, как у Наоми, и показать, почему так сложно прибегать к рефлексии, а не впадать в защиты или диссоциации.

Больше пяти лет я боролся с чувством полной исключенности из взаимодействия с Наоми; единственной формой было отзеркаливание ее сознательных состояний. Подобная манера изымать тебя из взаимодействия присуща а-типичной природе

нарциссических защит Наоми, которые, как я в результате понял, не были потребностью в отзеркаливании, нормальной для процесса развития, но оказались более примитивной нарциссической потребностью, связанной с комплексом слияния.

В нормальном варианте аналитик обладает эмпатическим пониманием потребностей в отзеркаливании анализируемого, и когда это понимание кристаллизуется, то между ними возникает эмпатия. С Наоми, которая, похоже, жила внутри «нарциссического пузыря», в котором она была одновременно и оратором, и слушателем, я не переживал ни эмпатии, ни понимания. Когда Наоми пребывала в своем «пузыре», я чувствовал себя как наблюдатель, не имеющий никакой активной роли в том, что происходит, пусть даже ничтожной. Например, она рассказывала историю о разговоре с сыном, а потом реагировала на нее сама, как аудитория, часто с преувеличенным отзеркаливанием и поздравлениями, обращенными к себе[65]. На протяжении этого причудливого представления я часто спрашивал себя: «Неужели это и вправду происходит?» — с одной стороны, я находил ее поведение странным, с другой, чувствовал, будто меня принуждают вести себя так, словно бы оно было нормально. Я чувствовал, что меня заставляют вести себя так, словно все, что она говорит или делает — абсолютно замечательно и особенно, а если я этого не делал, я становился отказывающим и жестоким.

Пузырная структура была «замещающей кожей», отличной от любых других проявлений так называемого нарциссического переноса, известных мне до сих пор, хотя позже я наблюдал подобное и в других случаях[66]. К примеру, моя работа с другим анализируемым, Лео, включала в себя идентификацию пузырной структуры, обнаружение комплекса слияния в основе ее и использование доступных коммуникативных инструментов тонкого тела для того, чтобы сдвинуть его из комплекса слияния по направлению к чувству самости.

* * *

Комплекс слияния во многом определял поле между Лео и его женой, отыгрывающей его динамику постоянно повторяющимся, истощающим способом. «Она яростно прилипает ко мне, но держит меня на расстоянии», — жаловался он. Тем временем, его собственный ужас перед сепарацией удерживал его в слиянии с

женой узами отчасти любви, но по большей части ненависти. Он отчаянно искал автономии, но в то же самое время липнул к ней.

Лео и его жена хватались за каждое мгновение взаимного спокойствия и любви, как будто это были спасательные плоты во время шторма, силу которого они отрицали. Однако отсутствие отзеркаливания и ощущение критики со стороны другого растворяли любое свежеиспеченное чувство связи, которую им удавалось сотворить.

Во время этих болезненных эпизодов Лео размышлял о том, чтобы разъехаться, не видя никакой ценности в браке, сопровождавшемся для него в основном болью, потерей энергии и истощением. Однако после нескольких недель полного отсутствия отношений паре всегда удавалось вновь прийти к хрупкому перемирию, обычно достигаемому сексуальной связью.

В этих случаях Лео мог начать сессию словами о том, что сейчас он чувствует свою преданность браку и подъем. Он рассказывал о планах купить вместе с женой новую квартиру, объясняя, что хочет полностью быть приверженным браку и «дать ему новый шанс в этом году». Он говорил, что недоумевает, зачем вообще ему нужна терапия.

И всякий раз он произносил это как в первый раз, тогда как фактически эти слова и чувства стали устоявшейся моделью. И это делало подобные эпизоды странными: когда он был счастлив и исполнен оптимизма, он не помнил о времени в промежутке, как и не осознавал, что столь же оптимистичным он уже бывал — много раз — и всегда терпел крах. Я в таких случаях чувствовал, будто работа, проделанная нами во время «плохих» периодов, полностью стерта, словно бы лишена истории. И точно так же, как с Наоми в ее «пузыре», я думал: «Неужели он и вправду все это говорит?»

В такие мгновения становилось ясным, что и Лео находился в нарциссическом пузыре. Он явно был столь напуган тем, что я могу засомневаться в любви и стабильности, которые временами он испытывал, что подобная крайняя форма нарциссизма оказывалась его спасением, существенно изолируя его от контакта со мной. Как и с Наоми, это чувство странности, доминировавшее во время общения с ним, означало просачивание с психотического уровня тревожности, которое его защиты пытались законтейнировать.

После того, как мы вместе поразмышляли о нашем опыте пузырного переноса, Лео смог понять, что ту же самую защиту он исполь-

зовал с женой. Когда он говорил с ней, он обычно вовсе не говорил *с ней,* потому что, в действительности, он сам был и оратором, и слушателем. Он мог заметить, что просто сводит ее с ума тем, что ведет себя так, *будто* говорит с ней, и давая ей двойное послание.

Более того, Лео смог увидеть, что его навязчивое желание говорить было частью поля слияния между ним и женой; он чувствовал тягу к ней, словно магнитную силу, гораздо большую, чем уровень функционирования его эго, силу, которая могла уничтожить любое чувство идентичности, ощущаемое им. Его нарциссический пузырь. был защитой против уязвимости и крайней тревоги, сопровождавшей это состояние.

В другое время, когда его крайняя нарциссическая защита не была необходимой, Лео в большей степени мог размышлять о природе поля между ним и женой. Поле между нами на сессиях тоже стало ценным источником информации о ткани комплекса слияния.

Годами я бился с моими внутренними реакциями на Лео и на странную природу его долгоиграющей жалобы — «она отказывается дать мне хоть сколько-нибудь власти» — как будто кто-то мог наделить его его же мощью и властью. Затем, на одной из сессий, я выбрал иной способ видения, решив посмотреть вовне, в поле. Я несколько снизил уровень внимания и сконцентрировался на пространстве поля между нами, чтобы посмотреть, смогу ли я воспринять его энергии и паттерны.

Потребовалось некоторое время, чтобы начали возникать образы. А потом я описал ему это переживание, как смог: «Сейчас между нами словно некая чувственная ткань; она здесь, и в то же время я чувствую нас ментально разделенными, может быть и не совсем, но связь едва намечена». Я никогда раньше этого не видел, может быть, потому что не пытался, или потому, что поле никогда не давало возможности воспринять это.

Лео обнаружил, что тоже мог ощущать тонкую чувственную ткань, соединяющую нас. Мы чувствовали эту ткань, как если бы мы вместе находились внутри чего-то, а потом оба заметили, как это чувство нахождения «внутри» изменилось немного, так что, ощущая себя как бы на поверхности этого «контейнера», занимающего пространство между нами, мы могли отметить и нашу далекую ментальную связь (все та же динамика бутыли Кляйна, описанная в случае Кайла в главе третьей).

Переживание вчувствования в поле спустило Лео с ментального уровня больше «в тело». Это заставило его вспомнить взволновавшую его встречу с женой, в которой он не только чувствовал пряди чувственно-подобных нитей между ними, но ощущал также, что он почти приклеен к ней. Любые попытки сепарации вскрывали для него весь ужас фузионной тяги в ничто, откуда ему не вернуться.

Лео мог ощущать, что он чувствует эту тягу, словно она исходит от его жены, полностью отрицавшей свое какое бы то ни было воздействие на него, как и то, что она хоть как-то участвовала в слиянии. И тогда Лео чувствовал такую уязвимость по отношению к дилемме слияния-дистанцирования, что он отсоединялся от телесных переживаний и рьяно пытался соединиться с женой «безопасно», посредством бесконечных «разговоров».

После того, как он ощутил чувственную ткань, соединяющую нас, Лео смог увидеть, что он отрицал чувственную ткань, привязывавшую его к жене. Если он позволял себе воспринять эту ткань, он рисковал быть поглощенным хаосом, но если он избегал этого восприятия и отщеплялся, уходя в интеллект, он тоже терял чувство себя.

А затем Лео обнаружил нечто замечательное. Вовсе не жена удерживала и не давала ему его власть и силу; скорее, он увидел, как он сам бессознательно проецировал свою собственную власть на жену с целью удержать состояние слияния. Он мог начать видеть, как отрицание этого дает энергию обеим противоположностям комплекса слияния.

Такие открытия противоположностей слияния-дистанцирования в многочисленных конфигурациях всегда является частью работы по растворению «замещающих кож», когда-то обеспечивавших безопасность, но ставших преградой для индивидуации. В следующей главе этот фундаментальный вопрос трансформации суррогатов тонкого тела исследуется дальше.

6. Трансформирование суррогатной кожи

Опыт восприятия поля, в котором мы с Лео смогли понять одновременность слияния на телесном уровне и разобщенности нескольких степеней на ментальном уровне (те самые состояния, что были характерны для хаотичной, беспорядочной первой сессии с Наоми), не был доступен мне, пока я был субъектом «пузырной структуры» Наоми. В течение многих лет мы с Наоми избегали переживаний, вызванных нервным, хаотичным состоянием, характерным для поля между нами; между тем, я склонен был приписывать эти темные энергии Наоми. Я всеми силами пытался завязать с ней отношения, но часто самым жалким образом проваливался, и так вплоть до одной знаменательной сессии.

Наоми начала эту сессию словами о своем беспокойстве о том, сможет ли она связно изложить историю, которую собиралась мне рассказать. Это прозвучало так, словно бы она заботилась и о себе, и обо мне, вспоминая о тех многочисленных случаях, когда я ощущал фрагментированность и внутреннюю пустоту и до меня доходили лишь осколки и обрывки того, что она говорила. Подобная прелюдия помогла нам начать воспринимать поле, в котором в воображении я мог видеть Наоми одновременно и воплощенной, и уходящей от контакта, словно бы она убегала от собственного тела. Мое же тело начало изводить меня, мне стало тесно, появилась головная боль — вещь весьма для меня редкая.

Я стал испытывать знакомое ощущение бессмысленности и омертвелости, как наблюдатель, лишенный подлинного контакта с Наоми. Однако на этой сессии мне странным образом было

сложно *не* говорить, не задавать вопросов о предметах, ничего общего не имевших с темой беседы. Совершенно очевидно, что я не пребывал в ясном состоянии сознания, а меня вело некое состояние транса, из которого меня, словно встряхнув, вытащила Наоми своей поразительной реакцией: «Боже ты мой, да что вы такое несете?»

Налаженный таким способом контакт открыл двери субъект-объектному уровню отношений: ее нарциссический пузырь начал растворяться. Внезапно я почувствовал ее глубокую приверженность поиску сути нашего столкновения. Чувство доверия заменило потребность обвинять или защищаться, и я смог задать вопрос которого раньше никогда не произносил: «Что же такое возникает между нами, когда мы вот так сидим вместе?» К моему удивлению, она ответила сразу же после краткого размышления: «Вы как моя мама. Я тянусь вперед, и на мгновение она там, и вот ее уже нет». Она сказала, что чувствует себя в состоянии крайней депривации.

Я тоже почувствовал себя лишенным связи и хоть каких-нибудь чувств, которые освободили бы меня от боли и смятения. Когда я признался в этом Наоми, она удивилась, поскольку и вообразить не могла, что может действовать на меня подобным образом. Поле между нами колебалось между чувствами только что открытой подлинной связи и уходом в себя, причем каждое из состояний аннулировало память о предыдущем.

Мы согласились на том, что оба переживаем эти противоположные состояния. Было важным, что подобные состояния ума оказались *нашими* — что это не была лишь проективная идентификация Наоми, и что этот хаос был также и моим хаосом, живущим в пространстве между нами. Хаос, ничто и тяга в пустоту были *нашим положением,* а не чем-то, что мы делали друг другу.

Мы смогли добраться до смиренного понимания факта существования хаоса как совместного, взаимного процесса, лишь тогда, когда Наоми смогла поверить, что гнев другого человека, тенденции оставить, зависть или (особенно) тот тип заманивающего в ловушку безумия, которое она знала по своей матери, — все то, что угрожало разрушить само ее чувство существования, — не возьмет верх во взаимодействии, в ко-

тором она чувствовала свою ранимость. Сходным же образом и мне нужно было доверять тому, что Наоми не отплатит мне эмоциональной местью, пользуясь моей уязвимостью. Однако я обнаружил, что если быть с ней честным, например, когда я делился с ней переживаниями по поводу нашего взаимодействия, то ее, казалось бы, непреодолимые защиты спадали и выявляли то, что воспринималось практически другим человеком.

С растворением пузыря оппозиция « я сама — другой» стала существовать для Наоми, и «другой» получил возможность быть познанным как настоящий человек, а не как идеализированная или обесцененная форма. На последующих сессиях пузырная структура время от времени возвращалась, уже в сильно усеченной форме. Когда она появлялась, Наоми осознавала это и просила меня отмечать, пребывала ли она «в пузыре» или в контакте со мной. Это указывало на трансформацию отношений Наоми к ее внутренним безумным состояниям, поскольку в безумии обычно не бывает желания завязать отношения с другим человеком.

Да, прежде чем позитивные и стабильные «объектные отношения» могли развиться во внешней жизни Наоми, должна была произойти иная трансформация ее нарциссизма. По мере того, как растворялся «пузырь» (бывший настолько крайней формой, что заставлял предполагать наличие «первичного нарциссизма», в котором вовсе нет объекта), Наоми начала просить об отзеркаливании; это была нормальная потребность определенного уровня развития, поднявшаяся на поверхность по мере раскрытия комплекса слияния, но в то же время это проявлялось в такой форме, с которой я никогда дотоле в своей психотерапевтической практике не встречался. Отзеркаливание, которого она просила, было не только точным и вербальным, но и безжалостным и исключающим какой бы то ни было индивидуальный вклад с моей стороны.

Эту проявившуюся потребность характеризовало такое странное качество, что мне сложно было иметь с ней дело без сильных негативных реакций. Словно бы Наоми тыкала в меня своей потребностью в отзеркаливании, будто оружием, не счи-

таясь со мной, не говоря уже о заинтересованности чем-то, что я мог бы ей сказать.

В моей практике я не раз был свидетелем крайнего сопротивления анализируемых тому, чтобы во взаимодействии выявился подлинный *масштаб* столь мощного нарциссизма (возможно, причиной тому был стыд). Однако некоторые люди, подобно Наоми, находят в себе мужество отыгрывать свой крайний нарциссизм, чувствуя, что на меньшее они не согласны, что это могло бы помешать им стать теми, кто они есть. Они упорно добиваются своего, несмотря на унизительное осознание силы своей потребности быть увиденными так, что это полностью исключало бы потребности или реальность того человека, от которого требуют отзеркаливания.

Чтобы разорвать мертвую хватку комплекса слияния, человек должен проделать долгий путь от той роли, в которой у него или у нее вовсе нет потребностей, к тому, чтобы осмелиться на скандальную демонстрацию своих нарциссических потребностей в столь примитивных формах. Тогда комплекс становится порталом, через который приходит новая самость.

Наоми просила меня повторять ее же собственные слова, обращаясь к ней, не добавляя ничего от себя, и повторять их *только тогда,* когда она об этом попросит. Ее запрос было бы легче понять, скрывай она за ним ненависть ко мне, или будь она невероятной мазохисткой и само-деструктивной личностью. Но вместо того в своем настойчивом требовании, чтобы я повторял ее слова, она демонстрировала странную смесь сочувствия к себе, безжалостного контролирования меня и ранимости от риска высказывать такие требования. И все эти компоненты действовали одновременно, вот только «симфония» вовсе не была гармоничной.

На этом этапе нашей совместной работы Наоми рассказывала мне истории, отражавшие ее потребности в отзеркаливании в отношениях с друзьями или семьей. И часто я еле сдерживался, чтобы не воскликнуть: «И как вы могли такое сказать?» Но я ждал, слушал ее и, фактически, обнаружил, как важно было ей сказать то, что она говорила, и как важно ей было просить меня лишь повторять ее слова. Каким-то образом такими чрезмерными просьбами она успокаивала себя. Для Наоми это был прогресс, и она это знала. И хотя она чувс-

твовала унижение от подобного состояния, ее стремление к росту побеждало ее стыд.

Когда Наоми впервые попросила меня повторить в точности то, что сказала она, подать реплику, словно я был актером в ее пьесе, я почувствовал желание прекратить терапию. У меня было побуждение отослать ее к кому-нибудь другому, кто станет работать с ней в подобном ключе. По ряду причин я сдержался. Наблюдая Наоми в течение столь многих лет, я не мог требовать резкого завершения и, даже невзирая на душевную боль, которую я испытывал, я все же любил ее и чувствовал, что она делает что-то такое, в чем нуждается. Однако мне хотелось прекратить пытку. На каждой сессии я собирался в течение еще одного часа «делать все абсолютно правильно», и всякий раз я чувствовал, что это будет мучительно.

В редкие мгновения рефлексии я приходил в себя и, вдумчиво относясь к собственным чувствам, думал: «Это не то, это не мое. Я вижу людей и нахожу смысл в хаосе, и я вбираю в себя их безумные части. Я пишу об этом, публикую об этом книги, а сейчас я должен отбросить все свое и делать лишь то, что говорит мне она!» В этом внутреннем диалоге мой нарциссизм был настолько вопиющим, даже для меня в тот момент, что я оказался способным и дальше сдерживаться и ничего не говорить.

И все же эти сессии для меня означали реальную физическую боль. Теснота в груди становилась еще хуже, когда я исполнительно повторял ее слова, точно тогда, когда она просила меня об этом. Я страдал, но, казалось, она росла от такого опыта.

Например, во время этой фазы нашей работы, «требование отзеркаливания» Наоми звучало так:

> «Мой сын сконцентрирован на том, чтобы похудеть, он зациклен на диетах, каждый день ходит в тренировочный зал, и жену его стало раздражать его поведение. Я сказала ему, что такая одержимость — серьезный симптом. Я помогу тебе. Ты пойдешь на терапию, и тебе помогут».

Почувствовав требование похвалить Наоми, но и уважая собственную потребность сохранить хоть толику себя, я постарался бережливо расходовать богатую гамму своих реакций и

заметил, что она поступила замечательно. Наоми сделала паузу, чтобы обдумать мои слова, и эти несколько секунд показались долгими минутами, поскольку я уже знал, что не «сделал это правильно». Потом она объяснила, что хотела, чтобы я произнес: «Это бесподобно. Посмотри, ты так включилась, ты была с ним такой открытой, ты предложила свою помощь, заботилась о нем вовсю».

Я замер, испугавшись, что она «попросит» меня повторить все это, но она посмотрела на меня и сказала: «Похоже, вы видите здесь что-то другое». «Да», — говорю я, — «похоже, в этом также есть определенная тревожность». На что она быстро отвечает: «Не хочу с этим иметь дела. Хочу заниматься лишь тем, что мне знакомо; я не хочу, чтобы мне пришлось размышлять о том, что вы могли почувствовать или что могло присутствовать в моем бессознательном. Пожалуйста, скажите мне еще раз, как хорошо я поступила. Мне нужно услышать эти слова».

После некоторой внутренней борьбы, преодолевая отвращение к подобному запросу, я все же решил подчиниться. Однако мне не совсем это удалось, потому что я начал словами: «Мне кажется столь странным, что вы не желаете знать, что может происходить внутри вас». И лишь после этого я смог добавить: «И конечно, я могу сказать вам, что вы очень хорошо поступили с сыном, вы действительно мужественно сказали ему точно то, что было вам известно, взяли ответственность таким хорошим способом».

Я надеялся исследовать, почему Наоми не хотела видеть в своем процессе больше того, что видела, но она остановила меня и произнесла: «Достаточно. Это все, что я хотела услышать. Остальное я смогу сделать сама; это придет. Послушайте, я лишь прошу вас, чтобы вы полностью и абсолютно убрали из этого себя и свое творчество. Я знаю, что прошу от вас чего-то очень сложного».

Ее высказывание смягчило меня, но про себя я удивился: «Тогда зачем сюда приходить?» Мой вопрос естественно исходил от чувства такой отрезанности и не замеченности, что было нетрудно «ответить», что она пришла, потому что нашла ситуацию, в которой другой человек должен демонстрировать абсолютный самоконтроль и уважение к ее процессу.

Я видел, что она напугана поведением сына, но не мог настаивать на том, чтобы она узнала это. Ощущение контейнирования у Наоми спотыкалось, если она пыталась принять любую информацию, с которой она не была уже знакома. То, что я мог ей сказать, было правдой, от знакомства с которой она лишь выиграла бы, однако приходилось жертвовать и не говорить этого. Моя тяга к произнесению правды была безумной. Мои действия олицетворяли динамичное измерение слияния между нами наряду с полным отсутствием связи. В безумии комплекса слияния нет желания связи. В тот момент, как я смог понять позднее, я не хотел связи с Наоми. Я хотел, чтобы она выслушала меня, чтобы я смог почувствовать, что существую.

В подобных ситуациях аналитическая работа происходит в основном через поле бессознательного. Как только я оказался лучше контролирующим себя и смог терпеть поле между нами, оказалось возможным, чтобы навязчивая сила ее безумия несколько трансформировалась.

Конечно, Наоми тоже не хотела связи со мной. И она могла искажать истину; к примеру, вовсе не обязательно, что глубокую тревогу, которую я в ней видел, она непременно сама обнаружит позже. Ее всемогущество заставляло ее поверить, что это так. Но мне важнее было понять тот ужас, который испытывала Наоми при малейшем признаке автономии, возложенной на нее другим человеком.

К примеру, у Наоми был день рождения, и подруга спросила ее, что ей подарить, на что Наоми ответила, что хотела бы CD-плеер с очень простым управлением. Подруга с радостью откликнулась на это желание, и Наоми ликовала, предвкушая, что получит именно то, чего хочет. Затем подруга позвонила и спросила, не хочет ли Наоми микрофон в качестве специального приложения. Для Наоми это была боль, невыразимая словами. Обычно весьма четко формулирующая свои мысли, на этот раз она едва могла описать мне физическую и душевную «жгучую боль», которую она почувствовала. Единственное, что могла услышать подруга, был почти визг Наоми: «Пожалуйста, купи мне просто плеер!»

Наоми переросла опыт отзеркаливания своих крайне нарциссических потребностей без какого бы то ни было вклада с моей стороны и в соответствии с ее собственным сценарием. В течение последующих двух лет ее пузырная структура и связанные с нею аффекты поля между нами продолжали ослабевать до тех пор, пока не стали беспокоить нас лишь изредка. Вслед за этим она вступила на новый уровень исцеления — возможно, самый важный, требующий от нас вовлеченности в самую суть комплекса слияния.

7. Черная ночная рубашка

Возможно, примерно год спустя после распада нарциссической пузырной структуры во время сессий с Наоми я начал испытывать нечто очень похожее на страшное заклятие: пронизывающее ощущение, будто мой разум и тело захвачены какой-то тяжелой, невидимой силой. Контейнирование этого чувства было даже большим испытанием, нежели взаимодействие с пузырем, защищающим от хаоса и противоположностей комплекса слияния. «Заклятие» оказалось симптомом еще одной «ткани души», так же покрывавшей и контейнировавшей комплекс слияния. Наоми рассказала такой сон:

> «Я одета в черную ночную рубашку, тяжелую и грубую, длинную, до щиколоток. Это одежда моей матери, в которую я переодевалась, играя, когда была девочкой; подол узкий, и в ней трудно ходить. Мне нужно встать и начать дневную работу, но я не могу снять это одеяние, и сколько бы я ни пыталась, она липнет ко мне. Я думаю о том, чтобы принять душ, но знаю, что это лишь сделает рубашку еще более тяжелой. Единственное, что я могу сделать, чтобы остановить эту пытку — это заставить себя проснуться».

Сон Наоми о Черной Ночной Рубашке обращается к чрезвычайно важной для исцеления теме. Вода из душа лишь сделает рубашку еще тяжелее: «высшие воды», означающие духовные энергии, не преобразуют «суррогатные кожи» комплекса слияния.

Да, Наоми интересовалась духовными темами, и ее способность к постижению этой высшей реальности все возрастала с течением многих лет занятий медитацией. Как бы то ни было,

поле и его динамика, по мере их проявления во взаимодействии и поскольку они являются частью соматического бессознательного, задействуют более мощные уровни исцеления.

Духовная осознанность может оказаться существенным фактором, дающим возможность избегать ловушки слияния с общим полем и поддерживать чувство отдельной идентичности во взаимном переживании поля. Однако даже самая интенсивная духовная пробужденность обычно не излечивает ни разорванное тонкое тело, ни травмы, сотворившие подобные нарушения в контейнере.

В каком-то смысле индивидуальная духовная осознанность есть необходимый, но не достаточный элемент исцеления на этих психических уровнях. Когда духовные переживания воплощаются и создают внутреннюю структуру самости, и даже тогда, когда эта структура претворяется в жизнь, это ценное и трансформирующее переживание вовсе не обязательно захватывает и исцеляет все раны психики. Да, травмированные области могут поддаваться излечению, или же их интенсивность уменьшается, но все же часто такие области оказываются вне сферы сотворенной самости, и все еще требуют наличия «суррогатных кож» для контейнирования. Если же духовный опыт сочетается со взаимным переживанием поля, то может иметь место гораздо более глубокое исцеление, особенно если иметь в виду восстановление тонкого тела.

Стало быть, моя задача состояла в том, чтобы, опираясь на опыт работы с Наоми, попытаться понять, что олицетворяла ночная рубашка:

> «Я странным образом привязан к ней, чувствителен к любому изменению тона ее голоса, ко всему, что она произносит или не произносит, и в то же самое время я отделен, разъединен с нею, хоть и притворяюсь, что мы связаны. Это притворство приносит мне боль, но есть еще и более глубокая боль. Я чувствую себя обернутым чем-то, и это не твердый контейнер, не стекло, поскольку я могу испытывать чувства и временами воспринимаю ее чувства. И все же я завернут во что-то такое, что уничтожает мой разум. Похоже, часть моего мозга отсутствует, или повреждена. Всякое чувство воплощенности отсутствует. Тело чувствуется ригидным и невидимым; я не в нем. Меня нет ни для себя, ни для нее. Я могу быть какого угодно возраста.
>
> На протяжении этого мучительного периода я остро осознаю себя, надеясь, что она не замечает, что я избегаю ее, не замеча-

ет моей отвлекаемости. Обычно у меня нет никаких мыслей. Я лишь нахожусь в режиме ожидания до тех пор, пока не пройдет это что-то, похожее на заклятие».

Черная Ночная Рубашка оказалась еще одним защитным контейнером, который и служил Наоми щитом против опасных, хаотичных состояний, характерных для ядра комплекса слияния, и изолировал ее от других людей, даже если она пыталась завязать отношения. Без него она могла «провалиться» в абсолютно невообразимую тревожность и панические состояния. Эта «замещающая кожа» была ужасным компромиссом, но компромиссом, спасающим жизнь.

На сессиях в следующие после сна месяцы Наоми смогла описать, как она воспринимала Ночную Рубашку.

> «Когда я ощущаю тесноту [Ночной Рубашки], я чувствую месть. Кожа моя натянута и болит. Я делаю то, что, знаю, неверно для меня и моего здоровья. Я цепляюсь за что угодно: я хочу этого, того, сего... и никак не остановлюсь. Когда останавливаюсь, начинается паника. У меня нет контейнера, все грозит провалиться; это как психическая диарея. Я чувствую, что регрессирую, но не разрешаю себе этого. Я рьяно пытаюсь удержаться, остаться целой. Мне негде отдохнуть».

Черная Ночная Рубашка — символ ключевого переживания комплекса слияния: это контейнирование со стороны ригидной формы тонкого тела, защищающее от ужаса сепарации. Без Черной Ночной Рубашки, без «цепляния за все» Наоми, похоже, грозит полная дезинтеграция.

Ужас Наоми перед сепарацией повлиял на ее способность вырабатывать свою позицию даже в самых очевидных, ясных ситуациях этической, моральной или логической определенности. Например, замечательно развив способности к доверию, она сформировала серьезные отношения с мужчиной, «Брюсом». Они уже собирались съехаться в одну квартиру и начать жить с общим бюджетом.

Когда Брюс позвонил ей, «чтобы сказать, что он изначально неверно подсчитал свои расходы, и попросил Наоми увеличить ее долю вложений в общее хозяйство, она нашла этому рацио-

нальное объяснение, решив, что он просто тревожится. Он легко мог найти деньги, чтобы покрыть их изначальную договоренность, сказала она, и более того, их примерный общий бюджет по части расходов и так сильно уклонялся в сторону его потребностей. Но она была огорчена тем, как он с ней разговаривал, черствым тоном его голоса, когда он просил ее о деньгах.

Я узнал обо всем этом несколько часов спустя после разговора Наоми с Брюсом, когда она пришла на сессию. Наоми сказала, что знает, что она переполнена эмоциями, и есть опасность, что она будет иррациональной, и что ей нужна помощь, чтобы решить, как ответить на просьбу Брюса.

В моих заметках после этой сессии сказано:

> «Наоми записывает все, что я говорю, даже если я просто пытаюсь предложить возможные пути разговора с ним, чтобы не утратить связи. Однако она пишет, словно под диктовку; похоже, будто у нее нет ни своего голоса, ни своего мнения. Наоми прочитывает то, что записала: «Брюс, мы в этом участвуем оба, и мне хотелось бы обсудить тему денег», но затем, от себя, добавляет: «Я хотела бы платить меньше, потому что думаю, что это тест на твое принятие моей креативности».

Когда Наоми это произнесла, я съежился — в ее словах вовсе не было близости и звучали они враждебно. Я снова попробовал: «Возможно, вы хотите удержать отношения, и объяснить то, что, как вы мне сказали, вы знаете — что он этичный человек, и ему сложно не выполнить то, за что он взялся». Она стала записывать это, слово в слово, словно бы я готовил для нее речь. Затем она прочла мне все снова, добавив: «Но у меня тоже есть потребности!» Последняя фраза была резкой, словно вооруженный выпад, прицепленный к предыдущему утверждению, полностью стирающий любое эмпатическое понимание, которого можно было бы добиться первой частью.

В целом, записывая все, что я говорил, и делая добавления к этому — казалось, компульсивные, — Наоми словно бы склеивала вместе две вещи, не подходившие друг другу, превращая свое сообщение в странный объект. Она не способна была психически отвязаться от Брюса (и отчаянно жаждала эмпатии), но не могла и установить контакт с ним, ненавидя его за отсутствие внимания к ней; к ее потребности в финансовой безопасности.

Проговорить вопросы финансов, какими она их представляла, означало бы отделиться от Брюса, а ее отчаянная потребность в близости не позволяла этого. Когда я показал это Наоми, она спонтанно произнесла: «Я впала в зависимость от эмпатии. Без нее я могу провалиться в пропасть. Эмпатия — это единственный канат, способный удержать меня от падения. Чтобы ухватить его, я буду отрицать реальность. В такие моменты я не верю в действенность вещей, как они есть».

Страх сепарации наполнял Наоми стыдом и ненавистью к себе; между тем, она рассказала мне сон, в котором не смогла успешно закончить курс.

> «Я демонстрирую себя не такой, какая я есть. Я притворяюсь, будто я абсолютно самостоятельная и сильная. Такой видят меня люди. Я не подлинная; я не хочу, отличаться от Брюса или от кого-нибудь другого. Я хочу оставаться в тумане. Поэтому я и не выпустилась во сне. Я ненавижу его за его неаутентичность. Я позволяю себе быть убаюканной, заснуть до бессознательного слияния с ним, и от этого я ненавижу его еще больше».

Тот же туман или сон был характерен и для обволакивающего заклятия, наложенного Ночной Рубашкой на наши сессии; от него поле становилось темным, тусклым, с низкой энергией, лишенным всякой связанности. Подобные качества, вполне возможно, были архетипическим аспектом комплекса слияния — аспектом, принимающим форму Ведьмы в волшебных сказках, фигуры негативной архетипической матери, создающей бессознательные и трансовые состояния.

В такие моменты все, что я переживал вместе с Наоми, было полностью за пределами того, что я мог бы прочувствовать как происходящее *внутри* меня. Скорее, я чувствовал, что сам был *внутри чего-то,* оказывался субъектом этого вместе с ней. Мою собственную тревогу и напряженность в этом состоянии легко можно было разглядеть; труднее было разобраться со зловещим чувством присутствия в кабинете какого-то заклятия и с сопровождающими его чувствами ментальной безжизненности и немоты. Я не мог понять, были ли эти состояния, только «моими» или они были созданы полем между нами. В этом мертвенном

состоянии у меня не было ни эмоциональной, ни ментальной связи ни с Наоми, ни с самим собой. Это, скорее, было телесное ощущение без ментального содержания, и не имело смысла думать, что оно «исходит от Наоми», или использовать его как ключ к тому, что происходит внутри нее. Подобные идеи оказались бы лишь моими собственными защитными конструктами.

И только пережив подобное вместе много раз, после тщательного исследования того, что я чувствовал, Наоми все-таки начала вспоминать, как она сделала это и в отношении пузырной структуры, что в детстве она ощущала свою мать так же, как сейчас ощущает меня — как скучную и безжизненную. Через переживание темного и беспорядочного состояния поля вместе со мной Наоми сделала решительное открытие о том, что Черная Ночная Рубашка имела отношение к тому, как она воспринимала материнское тело.

Черную Ночную Рубашку можно рассматривать как архетипический образ тонкого тела Наоми, на которое негативно повлияли ее отношения с матерью. Эта формация олицетворяла результат попыток слиться с материнским телом, чтобы обезопасить себя от материнского психотического гнева и депрессии. Однако эта «суррогатная кожа» была сама по себе жалкой — как отравленная одежда в фольклоре, например, хитон, мучивший греческого героя Геракла[67], — и Наоми нашла защиту от ее крайне беспокоящего воздействия в создании нарциссического пузыря.

В норме, если отношения между матерью и ребенком творческие и здоровые, их взаимные проекции, особенно — материнские фантазии о ребенке во внутриутробном состоянии и сразу же после рождения — приводят к формированию здорового тонкого тела. Союз между аналитиком и анализируемым может удивительно целительно действовать на тонкое тело,[68] тогда как инкорпорирование материнского или отцовского безумия может серьезно снизить возможность творческих состояний союза и разрывать ткань тонкого тела. Мы с Наоми поняли, что черная ночная рубашка несла в себе безумие, депрессию и отчаяние ее матери — все те состояния, которые Наоми интуитивно воспринимала как следствие инцеста, жертвой которого была ее мать. По мере растворения «замещающей кожи» Черной Ночной Рубашки Наоми становилась ранимее к переживанию психотических качеств своей матери, которые она инкорпори-

ровала, поскольку эти «кожи» ранее служили ей защитой как от внутренних, так и от внешних атак. Ей снились красные маленькие шарики, застрявшие у нее в глазу, а потом большой пенис, принадлежавший матери. Этот пенис был внутри Наоми, и она пыталась вызвать рвоту, чтобы избавиться от него.

Трансформация Наоми требовала того, чтобы она восстановила свои ранние воспоминания о материнском безумии, от которых она отреклась. Этот инкорпорированный аспект матери внес сильный вклад во внутренний хаос Наоми и в то, что ее ужасала как сила эмоций других людей, так и отсутствие всякой связи и отношений между ними и ей.

Исцеление в сфере комплекса слияния требует того, чтобы человек собрался с духом и имел мужество воспринять то, что он (или она) однажды *видел,* а потом стал отрицать. Этот акт повторного восприятия обладает целительной структурой, родственной тому, что так называемые примитивные или магически ориенированные культуры назвали бы изгнанием бесов (экзорцизмом).[69] Это окажется применимым к сумасшествию матери Наоми, особенно к ее пугающей и не поддающейся остановке агрессивности.

Наоми была подвержена хаотичным, безумным состояниям, берущим начало в психотической интрузивности ее матери, которые «поселились» в ней как внутренние состояния, которые нужно было изгнать, «выплюнуть», если пользоваться языком некоторых шаманских курсов лечения. Безумие, которое Наоми инкорпорировала в ранние годы, стало частью сплава (amalgam) между нами, и его нужно было увидеть.

Подобные состояния сумасшествия, называемые в прошлых культурах демонами, могли, в зависимости от их силы и от психической структуры человека, быть интегрированы и таким образом переживаться как внутренняя часть личности, — но в других случаях это оказывалось невозможным. Тогда их нужно было изгнать, т.е. полностью исключить их влияние на эго. Путь экзорцизма — это не-ординарное восприятие. Так же, как шаман сначала называет источник болезни пациента, а потом входит в состояние транса, в котором его собственные силы борются с демоном, так же и аналитик должен использовать свою силу восприятия и самопознания для того, чтобы помочь анализируемому назвать демона, а затем воспринять его в присущей ему конкретной форме.

По аналогии с шаманским поиском источника проклятия, ответственного за болезнь, мое восприятие поля между нами облегчало Наоми путь к восстановлению ощущения того, как сумасшествие ее матери проникло в нее; что, в свою очередь, открывало дорогу оттоку этого безумия из ее психики и из поля между нами. Вновь обретя воспоминания о безжизненности матери, Наоми смогла начать лучше чувствовать свой ужас перед материнским безумием, и видеть то, как она полностью отщепила себя от переживания его. Позже, и в большой степени через сны, она смогла увидеть, что основная линия ее защиты заключалась в инкорпорировании этого сумасшествия, в бессознательном заглатывании его целиком и в отщеплении его от сознательного понимания. Подобные безумные содержания продолжали жить внутри Наоми, просачиваясь из своего «склепа», но по сути, наглухо запечатанные — до тех пор пока переживания поля, которые мы оба разделяли, не начали отпирать их. Такое взаимодействие должно произойти не один раз, но оно обладает потрясающим целительным качеством.

В этом процессе отвергаемые воспоминания вернулись. Например, Наоми начала сессию замечанием о том, что она обнаружила воспоминание, которое, как она поняла, вытесняла в течение более чем сорока лет. Это было воспоминание о том» как она испытала крайнее чувство страха и ужаса: «Мама, говоря по телефону с подругой, пренебрежительно высказываясь о мужчинах, как она делала всегда. Она сказала: «Да останься он хоть единственным и последним мужиком на Земле, я не стану иметь с ним дела».

Наоми продолжила: она настолько была потрясена этим утверждением, что вообразила себя в полном одиночестве в этом мире, единственной оставшейся в живых. В течение многих лет после того у нее были ужасающие фантазии о том, что она единственный живой человек на Земле, и повсюду лишь трупы, разбросанные по окрестностям.

Это состояние полного одиночества было спрятано, никогда не обсуждалось. Оно преследовало ее, и точно имело отношение к тому, как она воспринимала свою мать: абсолютно вне всякого контакта с ней, отказывающейся «выйти за нее замуж», даже если бы Наоми осталась последней жительницей Земли. Наоми жила с бессознательной верой в то, что ни один человек никогда не захочет быть с ней. В этой изоляции, усиленной как ее нарциссичес-

ким пузырем, походившим на аутизм, так и ее Черной Ночной Рубашкой, она, по сути, оставалась в комплексе слияния с матерью, напуганная сепарацией и одновременно пребывая в тревоге от того, что продолжает оставаться в столь ограниченных условиях.

Сон обозначил изменение в этом «невозможном» состоянии слияния. После нашей работы по восстановлению воспоминаний Наоми приснилось: «У меня невероятные испражнения. Я смотрю в унитаз и вижу спиральный объект, белый и, по крайней мере, в четыре дюйма толщиной. Меня беспокоит, что он может быть смыт, и я беру нож и начинаю резать его на маленькие кусочки».

Спираль — древняя форма соединения с энергией архетипа Матери. По мере того, как мы сосредотачивались на этом сне, у нас обоих появилась идея, что испражнения олицетворяли удаление безумия матери Наоми.

С течением времени этот инсайт все еще продолжал оставаться значимым (он согласовывался также и с ее более ранним сном, в котором она пыталась вытошнить материнский пенис). Сон был ключевым, и после него уровень безумия в поле между нами, как и в жизни Наоми, уменьшился.

К примеру, Наоми могла начать сомневаться в предположениях, лежавших в основе ее прошлых отношений. Однажды, когда возникла ссора из-за того» что она резко судила Брюса, считая его ригидно сопротивляющимся-исследованию его бессознательных мотивов, ей хватило сознательности на то, чтобы вспомнить Ночную Рубашку и безумие, которое та в себе несла. Затем она пояснила, что чувствует:

> «Я не хочу отношений. Я отчаянно убегаю от апокалипсиса, от катастрофической тревоги. Я сейчас с мужчиной, который боится психики, у него просто фобия! Меня тошнит. Убирайся, сейчас же! Когда я замечаю в нем что-то сумасшедшее, как в моей матери или отце, мне страшна Я не могу полагаться на него.
>
> Потом у меня уже не было этой обусловленной реакции, я была в другом месте. Каким-то образом я оказалась без Ночной Рубашки. В Ночной Рубашке у меня фобия по поводу сумасшествия, и я ненавижу его, я боюсь. Я сознаю, что он враг. Я святая; он — пария. Как я могу быть с ним, особенно, если я так ценю психику и развитие?»

Наоми признала, что Черная Ночная Рубашка, похоже, несла в себе критичность ее матери, и что ее собственные осуждающие реакции, направленные на Брюса, были деструктивными. Человек с сильным комплексом слияния находится под управлением «обвинений» и «вины» и отсутствия веры в то, что конфликт может быть разрешен[70]. Так что чрезвычайно важно (и вероятно, это можно описать как качественное изменение в структуре личности), когда человек оказывается способен присвоить себе «теневое, достойное порицания качество» — такое, как склонность осуждать, не беря на себя полной ответственности за дисфункциональные для отношений аспекты.

* * *

Когда защитные структуры человека — такие, как нарциссический пузырь Наоми или Ночная Рубашка — начинают распадаться и теряют некоторую часть своей контролирующей и контейнирующей силы, то у этого человека могут развиться симптомы дистресса. Наоми в течение нескольких лет страдала от серьезного заболевания пищеварения. Из человека, который мог есть любую еду в огромных количествах — как она говорила, с «луженым желудком», которым она гордилась — она превратилась в женщину, которая могла есть лишь определенную пищу, по чуть-чуть, и даже от этого начинались боли в желудке и слабость. В один прекрасный момент она вовсе перестала переваривать пищу. За этим последовал период значительной потери веса. Однако Наоми теперь могла лучше принять и сознательно прочувствовать свои пищеварительные проблемы как метафору некоего чужеродного «вещества» (психоза и депрессии своей матери), которое внедрилось в нее и которое она не в состоянии переварить.

Лишенная большей части защитной силы своих «замещающих кож», Наоми оказалась крайне уязвимой перед Брюсом, особенно когда он бывал сердит или в плохом настроении, и их отношения стали шаткими. Без своей «старой кожи» она боялась его, но пережив свой пищеварительный кризис, поняв его значение и выжив в нем, она стала сильнее, и смогла прорабатывать свое недоверие и страхи, оставаясь приверженной собственной правде, что бы это ни приносило ей. Чувство уязвимости Наоми было замечательным достижением. В каком-то смысле она начала перемещаться от непобедимос-

ти психотического всемогущества к большей человечности невроза, но особенно — к способности иметь настоящие отношения, на контейнирующее качество которых она могла рассчитывать.

По мере того как Наоми продолжала размышлять о мощи Ночной Рубашки и о том, как ее идентификация с матерью, в свою очередь, столь сильно доминировала в ее жизни с Брюсом, она привела ряд следующих наблюдений:

> «Я не уверена в том, что могу позаботиться о себе. У меня сейчас гораздо больше сочувствия к тем, у кого рецидив. Я напугана. Энергия Ночной Рубашки ощущается как переполняющий меня ужас. И однако я вижу, что это защита против более глубокого внутреннего дискомфорта.
>
> Моя эмоциональная угнетенность не так ужасна, как телесные ощущения из-за моих пищеварительных проблем, как вздутия и засорение желудка. В каком-то смысле ужас, ненависть и омерзение к себе не столь явно воплощены в теле, это немного на «более высоком уровне». Они блокируют мои более глубокие, хаотичные телесные ощущения».

После того, как ее пищеварительные симптомы начали сходить на нет, Наоми смогла увидеть, насколько они с Брюсом были похожи в своем желании бессознательности. Способность видеть неприятное качество в себе самом вместо того, чтобы проецировать его на партнера, — это ключ к формированию отношений, базирующихся на доверии.

Новое состояние привело к этому изменению позиции: «Я обжора — хочу съесть все —. [есть] руками, вот что меня привлекает. Мне хочется ступора... желание, не имеющее отношения к сознанию». До этого отрицание сознания для Наоми было равносильно отрицанию Бога у глубоко религиозного человека. Однако она смогла понять, что ее новоприобретенное обжорство было ее версией отказа Брюса от всякого желания более глубокого осознавания. Она могла видеть, что она и Брюс разделяли между собой бессознательный процесс, в котором оба были против сознания, хотя и совершенно разными способами.

Подобного рода понимание продолжало смягчать ее критику Брюса, и фактически, она начала видеть, что он хотел большего осознавания, но по-своему. Брюс стал для Наоми более целост-

ным, одновременно и «хорошим» и «плохим», и оба качества стали все более и более переносимыми для нее. Способность Наоми к отношениям развивалась, превратившись в возможность быть с Брюсом более реалистичным способом, вмещавшим в себя и конфликты, и при этом продолжалась деконструкция комплекса слияния.

Обычно комплекс слияния время от времени продолжает заявлять о себе в отношениях, и Наоми с Брюсом не были исключением. Их отношения, по мере роста, все еще напрягали ее тем, что ощущалось Наоми как крайняя неспособность Брюса поддерживать связь. В какой-то момент она начала сомневаться, не слишком ли это деструктивно — по-прежнему оставаться с ним. Она жаловалась: «Я не могу прекратить контролировать его, изменять его, настаивать на своем, когда, я знаю, уже пора остановиться, не могу не осуждать это отсутствие близости. Все, кого мы знаем, моя семья и друзья, понимают, насколько он невозможен. Может быть, это не хорошо для меня»;

А затем у Наоми был инсайт:

> «Я зависимая. Вот я снова пыталась почувствовать комфорт с Брюсом, нарциссом, и все это кончилось волнением, фрустрацией, безысходностью. Это духовный вопрос. В перспективе Двенадцати Шагов я — на первой ступени. Я беспомощна против своего желания и действий, цель которых— получить эмпатию от Брюса. Это превращает мою жизнь и меня саму в неуправляемую».

Наоми была в полном слиянии с Брюсом и полностью не связанной с ним. Когда она смогла распознать свой комплекс слияния в действии, она достигла самообладания и смогла «отпустить», начала радоваться отношениям, которые не были совершенными, но время от времени были вполне хорошими и вполне выносимыми.

8. Раскрытие фантазий, страха и ярости

Подобно тому, как Наоми могла жить с мире собственных фантазий, инкапсулированная в защитной раковине своего «пузыря», так и многие другие люди, страдающие от воздействий сильного комплекса слияния, глубоко погружены в фантазии. Стыд, который они испытывают по поводу этой зависимости, может оказаться самым большим камнем преткновения для раскрытия обширного комплекса.

Теория комплекса слияния может помочь нам сосредоточиться на рассуждениях анализируемого таким образом, что это способствует обнаружению этой скрытой фантазийной жизни. Например, то, как женщина описывала свои отношения с матерью как «болезненно разъединенные» и временами «необъяснимые», и наряду с этим говорила о своей крайней чувствительности к эмоциям других людей и к шуму, заставило меня предположить присутствие сильного комплекса слияния. Опираясь на путеводную нить теории — а именно, что комплекс слияния включает в себя использование пассивного фантазирования в качестве «суррогатной кожи», — я спросил анализируемую, много ли времени она проводит в фантазиях, и в результате она поняла, что была погружена в фантазии всю свою жизнь, по три четверти часа или около того каждый день!

Если бы я не инициировал исследование этой области, то я практически уверен, что стыд анализируемой не позволил бы ей рассказать мне об этом. Кроме того, она была ярой поклонницей кино, и смотрела по нескольку фильмов в день — эту практику она возвела в норму, назвав ее своей творческой отдушиной. Однако, когда подлинные размеры ее фантазийной жизни дошли до сознания, открылось, что ее привязанность к кино компульсив-

на и помогает ей поддерживать внутреннюю постоянную фантазийную жизнь, нарушающую ее отношения с другими людьми. Фантазии были «кожей», когда-то спасавшей жизнь, защищающей ее от переживаний детской травмы, но теперь несущей в себе угрозу подрыва ее самых дорогих отношений — с мужем и другими людьми, жалующимися, что «она не с ними».

Фантазия может оказаться единственным «безопасным местом», единственной защитой против невыносимых эмоций. Например, мужчина объяснил, что как только он отвернулся от фантазий и попробовал полностью присутствовать в отношениях с женой, он почувствовал страх и печаль: «Ничего из этого не выйдет». И мы обнаружили, что, перестав жить в фантазиях, он открыл дорогу чувствам, от которых фантазии оберегали его в детстве — в особенности, страху иррационального гнева своего отца и материнской холодности, от которой он чувствовал себя покинутым.

Любой тщательный анализ комплекса слияния должен сделать явной скрытую фантазийную жизнь анализируемого, и этот процесс обнаружения — скользкая тропка. Даже если раскрытые в какой-то момент фантазии кажутся изобильными, аналитик не должен попасться в ловушку, раньше времени поверив в завершенность откровения. Есть два фактора, с помощью которых легко можно обойти стороной любые исследования аналитика относительно всепроникающей природы фантазий в жизни анализируемого. С одной стороны, аналитик может бессознательно избегать определенной темы, будучи чувствительным к непроговариваемому стыду анализируемого; с другой стороны, анализируемый, способный хорошо функционировать в своей профессии, легко может скрыть меру своей вовлеченности в фантазии.

Мы можем увидеть подобный процесс раскрытия на примере случая Алисы, анализируемой, которая была настолько полно слита с психикой своей матери, что едва ли имела хоть пару собственных идей. Только после трех лет совместной работы, ведомый теорией комплекса слияния, я начал расспрашивать о ее фантазиях. Тому было несколько значимых предвестников. Во-первых, Алиса начала трудную внутреннюю работу по обнаружению своих юных аспектов[71]. Около часа в день она проводила в активно воображаемом диалоге с этими аспектами[72], иногда зарисовывая чувства, которые переживала, и, в конце

концов, поняла, что эти «другие» составляли нечто похожее на внутреннюю группу детей. Присутствие этой группы было ощутимо на наших сессиях, и зачастую я тоже мог вовлекать их в воображаемую работу.

Следующим открытием перед тем, как обнаружилась фантазийная жизнь Алисы, было осознание ее злости. Алиса размышляла о своей тяге к совершенству, которую, по ее словам, она чувствовала как «навязанную ей». Она понимала: «Я схожу с ума от этого. Я чувствую, что надо с этим жить; я должна работать больше, чем другие. Я всегда тянусь к самым высоким стандартам. Я по-настоящему жалею об этом».

Она объяснила:

> «Я натренировалась быть безупречной, потому что чувствовала, что это — единственный способ заработать одобрение моей матери; в ином случае, как мне казалось, меня не будут замечать, не будут обращать внимания. Моя тяга к совершенству стала неким плащом. Это стало материальной и психической вещью, без которой, думала я, мне не прожить. Но сейчас мне известно другое, и я возмущена».

Алиса представляла свой «плащ» как «тонкий и светлый», добавляя: «Что противно, так это то, что моя [внутренняя] мать говорит: «Он такой красивый, зачем же снимать его, он ведь такой легкий?». Она продолжала:

> «Если я его сниму, я взорвусь от ярости... [ярости] моей души, которая хочет жить. Это совершенно против моей матери, которая, по сути, говорила: «Будь умницей, будь дисциплинированной, не снимай плаща, не смей оказаться падающей звездой!» Я понимаю, что боялась ее зависти, если бы я когда-нибудь стала звездой в чем-нибудь. И все это она делала, чтобы защитить меня. Мой внутренний ребенок в сильной ярости, и это как кипящий котел».

Алиса, которой во время этих открытий было пятьдесят, раньше никогда не испытывала никакой злости, не говоря уже о ярости, на попытки ее внутренней матери контролировать и душить ее.

Некоторое время спустя после этого, получше познакомившись с полем между нами, все больше осваивая его (leaning into), я ухватил проблеск внутренней жизни Алисы, в котором, как мне казалось, бурлила деятельность. Когда я задал ей вопрос о роли фантазий в ее жизни, ее ответ был удивительным: «В фантазиях я провела большую часть жизни. Между тринадцатью и восемнадцатью я любила прыгать на батуте в нашем дворе, по часу в день, а то и больше. Я фантазировала о воображаемых персонажах, они были безупречны, популярны, красивы, спасали мир!»

Бдительный к возможным масштабам подобных фантазий, я поинтересовался: «Раз в день?» и Алиса со стыдом призналась, что часто это бывало гораздо больше, по крайней мере, по нескольку раз ежедневно.

> «Я никому никогда не рассказывала об этой тайной жизни. Меня это унижало. Но я стремилась к этому. Мои родители никогда не спрашивали, что я там делаю; они просто не мешали мне. Однажды я вообразила, что моя любимая внутренняя героиня была назначена секретарем штата. Люди добивались ее консультаций, и у нее всегда был готов правильный ответ. У нее было много детей, и она наняла кого-то, кто следил бы за ними.
>
> В восемнадцать я пошла в колледж и усердно училась, потому что мне нужно было быть безупречной. Там не было батута для отдыха, и постоянные размышления заняли место фантазий в качестве моего защитного экрана. Но без фантазий один мой разум не мог защитить меня, у меня случился срыв.
>
> Я все еще слегка фантазирую. На эти выходные, слушая музыку в машине, я забылась в фантазиях. Это не было столь всепоглощающим, как когда я представляла себе персонажей, решающих проблемы мира, типа секретаря штата, но это было очень сильно — я Представляла себе, что я великая певица, и множество мужчин восхищаются мною».

Вскоре после этих откровений Алиса начала испытывать внутренние конфликты со своей фантазийной жизнью. Она начала чувствовать, как «маленькая девочка» внутри нее, часть, с которой она за последние несколько лет хорошо познакомилась, говорит: «Алиса, когда ты уходишь в фантазии, ты покидаешь меня». Она рассказывала о сильном конфликте: связь с юной внутренней частью означала необходимость бросить всемогущую фантазийную жизнь, в которой, как она говорила,

«Я контролирую все, и все происходит точно так, как я того хочу. В этом я — моя мама. Мама всегда была безупречной. И кроме того, всегда происходит что-то новое, и я злюсь, что в настоящей жизни это не так.

Еще я сознаю, что и вправду живу в большой степени в фантазии. Думаю, что и мама жила фантазиями. Как еще смогла бы она оставаться замужем за отцом? Фактически, я сейчас вижу это, понимаю это про нее. Фантазии были ее отдушиной».

Все это казалось Алисе раскрытием постыдной тайны, но и привело к чрезвычайно важному пониманию: «Я ненавижу свою работу, потому что она уводит меня от фантазий. Фантазии до сих пор — мое безопасное место. Я все еще переживаю в них свое всемогущество, это все равно, что есть то, от чего мне становится плохо, даже если я знаю, что у меня аллергия на это, на сладкое, например. Я ненавижу ограничения».

«Внутренний ребенок» сейчас казался основной оппозицией разработанной фантазийной жизни Алисы. Это было важным продвижением, потому что именно *торможение* внутри ее собственной психики, а не коллективный *запрет,* который говорил бы, что фантазии неверны, помогало ей понять, как ее фантазийная жизнь не давала ей воплотиться, начать существование в теле. А затем сон довершил это: «Пятилетнюю девочку кусает овод. Она спала на одеяле, кишмя кишащем насекомыми».

Алиса почувствовала дикую боль «ребенка» и тут же поняла, что оводы олицетворяли ее фантазийную жизнь. В другом сне «мудрая женщина, совершенно явно имевшая свое мнение, а не ведомая коллективными ценностями», говорила: «Фантазии пригодны, только если относятся к более глубокой самости ребенка».

Следует подчеркнуть, что для Алисы чрезмерная пассивная фантазия была контейнером ярости, которая, в свою очередь, угрожала прорвать или искромсать ее суррогатное тонкое тело, контейнирующую ткань «плаща из света». В каком-то смысле, Алисе нужны были многослойные «одеяния» фантазии и совершенства, чтобы создать хоть какую-то безопасность от переживаний безумия ее матери, своей собственной ярости и ужаса сепарации и тревоги, что могла прорваться и переполнить ее. Жизнезащитная функция этих «кож» делает фантазийную

жизнь особенно сложной для обнаружения, тем более для глубокого и подробного исследования, которое Алисе, в конце концов, удалось обеспечить. Сепарации ее от невозможного идеала совершенства было так же трудно достичь.

* * *

Случаи Джеральда, тридцатипятилетнего мужчины, иллюстрирует значительное уменьшение силы комплекса слияния при обнаружении тайной жизни в фантазиях. Именно в работе с Джеральдом я впервые обнаружил, что в ядре комплекса слияния лежит психотический процесс, создающий не только колоссальное смятение, пустоту и ужасающий страх исчезновения Я, но также и страх крайней формы гнева, похожего на феномен, известный как «дорожная ярость». Степень подобного гнева настолько превосходит пределы человеческого эго, что можно даже назвать его архетипическим. Джеральд считал, что это грозит ему опасностью, превратиться в нечеловеческое существо, последствия действий которого будут ужасны и деструктивны; стало быть, ему нужно было прятать это ужасное состояние от собственного сознания, равно как и от всех остальных.

По мере раскрытия большей части взбаламученного мира, в котором обитал Джеральд, каждое открытие нужно было «экстрагировать»: извлекать с помощью моих усилий воспринять то, что на большей части сессий оставалось невидимым. Джеральд часто не в состоянии был вспомнить или подумать о чем-то, чтобы туг же ему в голову не пришло нечто противоположное, отрицавшее первое и заставлявшее его тут же забыть о том, что он только что говорил или думал. Поиски мыслей среди этих психотических анти-слов были похожи, по словам Джеральда

> «на стремление дотянуться до струи, падающей с неба, . словно я пытаюсь добыть некоторое количество влаги, чтобы сформулировать мысли и слова. Ничего не получается, и я пробую достать побольше. Это на самом деле и не мысли» но какие-то движения у меня в голове, какие-то пред-мысли. Чем больше я стараюсь, тем больше болит в груди. Боль может стать невыносимой»,

Чтобы помочь Джеральду «перевести в зримые»[73] мысли и образы, спрятанные в его почти-что-немоте, мне нужно было воспринять эти психотически структурированные оппозиции посредством концентрации моего внимания на поле, в то же время оставаясь открытым для воображаемой реальности между нами, тоже специфичной для его жизненной ситуации и истории.

И я был обрадован и удивлен, когда мы с Джеральдом начали одну из сессий после почти месячного отпуска с необычной для нас открытостью. Джеральд был намного более многословным, чем обычно бывал до того, и я чувствовал комфортный поток энергии между нами. Однако через несколько минут я ощутил, что в нашем взаимодействии словно что-то натянулось, словно бы у Джеральда был сценарий, готовый вот-вот подойти к концу. И затем я понял, что легкость (на мой взгляд) нашего разговора была достигнута за счет того, что я едва дышал и не ощущал собственного тела, словно был выбит вон из него.

Я восстановил свое нормальное, ритмичное дыхание, раскрылся, чтобы улавливать больше в нашем взаимодействии, и «освоился в» пространстве между нами, ощущая себя воплощенным и «вне головы». Я увидел, что я был слит с Джеральдом довольно любопытным образом, как будто мы с ним были приклеены друг к другу, и стык был странно ригидным, а также опасно пористым. Продолжая испытывать это воплощенное состояние слитости с Джеральдом, я смог распознать также крайнюю нашу разобщенность. В действительности я вовсе не говорил *с ним,* а он вовсе не *мне* рассказывал. Лишь мгновение назад я считал, что мы близки, но на самом деле ничто из того, что каждый из нас произнес, не имело смысла для другого, что типично для комплекса слияния: мы пребывали в «параллельных вселенных», действуя, *как будто* мы общались.

В годы» предшествующие этому, моя работа с Джеральдом фокусировалась на разных слоях его защит против переживаний его психотического процесса. Типичным для этого был нарциссический пузырь, наподобие того, что окружал Наоми; или же похожие на транс состояния пассивного фантазирования, которые могли длиться часами; или «суррогатная кожа» персоны, которая полностью была погружена «в» другого человека, слита с каждым его словом или чувством, без всякого внимания к нему самому.

Теперь комплекс слияния Джеральда был ощутим на аналитической сессии впервые. В оставшееся время сессии ощущение поля, характеризующееся компульсивной тягой к привязанности ко мне и одновременным отсутствием эмпатии, уменьшилось. Присутствовал даже свободный поток ассоциаций, когда Джеральд предлагал мысли и задавал вопросы. Это состояние было тонким, непрочным, зависящим от просачивающегося от меня тепла и становилось нестабильным, как только этот поток тепла сбивался.

В прошлом Джеральд говорил мне о своих фантазиях причинять людям боль, даже если он был в слиянии с ними. Он понял, что ненавидит людей, потому что идентифицируется с ними, и ему не хватает силы отделиться от поля слияния. После того, как он осознал совместное, разделяемое двумя людьми пространство комплекса слияния на этой сессии, Джеральд сказал: «Незадолго перед тем, как войти сюда из приемной, я думал, что мы поговорим немножко, а потом я внезапно пну вас, чтобы посмотреть, как вы удивитесь. Эта фантазия просто возникла ни с того, ни с сего». Позднее, на той же сессии, он смог сказать: «Мгновение назад мне захотелось проткнуть вас карандашом». Когда я ответил ему, что его способность сейчас поделиться этим со мной — это нечто особое, он начал плакать, и в этом смягченном состоянии понял: «Я не хочу ранить Вас, подействовать Вам на нервы, на самом деле я хочу разорвать слияние между нами».

То, что он поделился этой фантазией со мной, и обнаружил, что она не разрушила меня, стало поворотной точкой нашей совместной работы, может быть даже, *центральной* поворотной точкой[74]. Хотя мы и обсуждали раньше его фантазии насилия, например, над женщинами, но иметь актуальные фантазии такого рода обо мне, лицом к лицу, — это было очень значимо, поскольку явилось началом процесса исследования его параноидных чувств, а также выявило огромный масштаб его пассивной фантазийной жизни.

В противоположность его обычной модели — ждать, когда я начну разговор о его внутренней жизни, — Джеральд спросил меня: «Ну и что вы думаете обо всей этой моей паранойе?[75]» По мере обсуждения его параноидных страхов, я понял, что у меня не было представления о том, насколько сильной и активной была его паранойя. Было ясно, что в этот момент он, кроме того,

«говорит мне», что несколько параноидно относится и к тому, что раскрыл мне свою жестокость.

Теперь, понимая, что, быть может, недооценивал частоту и интенсивность его параноидных идей, что считал их не такими уж частыми, я стал спрашивать Джеральда о примерах того, когда он чувствовал паранойю. От отвечал, что эти фантазии почти всегда присутствовали. К примеру: «В кафе сегодня утром, перед тем, как прийти к вам, хозяин мягко спросил официанта: «Где ты был?», — и я вдруг почувствовал, что сейчас развяжется драка, и напрягся». Когда я спросил, как он справляется со своей паранойей, он ответил о всемогуществе, которого достиг через свои «фантазии о супермене».

Джеральд объяснил, что когда он шел по улице, или у него было время побыть одному, скажем, на выходные, он фантазировал о том, что он супермен. Он чувствовал, что находится вне тела, почти летает. Когда он рассказал мне об этом, я про себя предположил, что эти фантазии были мимолетными (подобные «нормализующие» мысли, как я заметил, распространены, когда речь идет о психотическом процессе), но из опыта спросил, как долго они длятся. Он ответил, что от двадцати до тридцати минут. Пока я ждал, что возникнет другая тема для обсуждения, я понял, что вновь избегаю более глубоких расспросов, и тогда спросил, как часто он так фантазирует. Ответ несколько шокировал меня: по пять раз в день.

Когда Джеральд пребывал в своих фантазиях, он почти полностью отделялся от реальности, а когда осознавал реальный мир людей и стоящих перед ним задач, не осознавал существования своей фантазийной жизни (и мог разговаривать о ней только со мной, потому что я первый почувствовал ее в нем). Два мира, фантазии и реальности, не являлись частью одного континуума. Скорее, они существовали в прерывном и психотическом качестве анти-миров, так что восприятие одного мира препятствовало осознанию другого. После погруженности в фантазии, казалось, его душе нужно время, чтобы вернуться на землю, и до этого момента он был скучным, бесполезным, тревожным и сбитым с толку. «Возвращение» чувствовалось как физический толчок, встряска, словно бы его резко пробудили ото сна.

Интенсивное состояние слияния с его фантазийной жизнью, делавшее эти частые переходы от фантазии к реальности столь

трудными, защищало Джеральда большую часть его жизни. Оба его родителя были сиротами. Отец, законченный алкоголик, был переполнен яростью, а мать была депрессивной, почти что аутичной. Родители жили в постоянной враждебности друг к другу. Джеральд, старший из трех детей, начал сам себя укачивать в возрасте девяти месяцев. Когда он позже спрашивал мать об этой своей ранней особенности, она рассказала ему, что водила его к педиатру, а тот пояснил, что беспокоиться тут не о чем. Начиная с подросткового возраста, Джеральд, раскачиваясь, фантазировал о том, что станет летчиком-истребителем, и так до двадцати трех лет. В это время он отправился к аналитику, но оставил терапию после первой же сессии, устыдившись своих раскачиваний. В этот момент он сменил поведение и стал фантазировать о музыке, часто во время вождения, раскачиваясь в такт ритму. Покачивания в унисон с музыкальными приливами и отливами давали ему чувство удерживающей ткани, чувство, которое он описывал как некое ощущение на поверхности кожи.

Фантазия о летчике-истребителе была самым тщательно разработанным созданием Джеральда. Очевидно, что в этих фантазиях было много гнева, но только после моего замечания об этом Джеральд открыл, до какой степени: «Я — лучший летчик-истребитель в мире, и обычно я атакую французскую армию. Я уничтожил 670 реактивных самолетов и 10 000 человек. Сначала, когда я был моложе, я бомбил отца».

Всякий раз, когда Джеральд впадал в свое раскачивание, его фантазии об абсолютной власти и силе могли продолжаться часами. Было много вариантов таких фантазий. Во всех он был всемогущим и любимым, вызывающим восхищение героем. Было также множество побочных сюжетных линий, замысленных для того, чтобы сбить с толку всех, кто чувствовал существование фантазий, поскольку избыточность фантазийной жизни переполняла его стыдом.

Когда Джеральд смог облечь в слова свои враждебные фантазии обо мне и узнал, что я буду по-прежнему вникать во все, что его касается, другими словами, что я не буду разрушен его гневом, мы смогли увидеть, что его паранойя тесно связана с его интенсивной яростью, и что пассивное фантазирование было способом контейнировать ярость. Чувство тепла и контейнер, созданный восприятием в здесь-и-сейчас дилеммы слияния-

дистанцирования между нами, кажется, углубило способность Джеральда размышлять над собственным процессом без ожидания, чтобы я первый ощутил и заговорил с ним об этом. У меня было впечатление, что наша способность *вдвоем* регистрировать оппозицию слияния-дистанцирования дала Джеральду ощущение доверия, что я верен ему, что его собственные рефлексии и открытия не ведут к риску потерять меня, — т.е., смягчилось его убеждение в том, что, обладай он собственной мощью, я исчезну, поскольку он больше не будет во мне нуждаться.

На последующих сессиях Джеральд говорил о «мозгах, вставших на место». Например, временами он уже мог общаться с людьми, не испытывая слияния с ними, или же мог отмечать, что он в слиянии, и до какой степени. «Я могу говорить то, что хочу», — утверждал он, — «и видеть, когда я в слиянии. И тогда я злюсь на это состояние слияния...» Гнев Джеральда означал новое осознавание, чувство того, что «другой» реален, что давало ему некоторое облегчение от его собственных полей слияния.

Он был воодушевлен своими ощущениями пребывания вне слияния с другими, эта новая способность была подобна рождению сознания. Он говорил: «Я видел гнев во множестве ситуаций, во всем, что я делаю. Он был там. Я мог чувствовать его в груди. Через четыре дня я начал тревожиться о том, что это состояние ясности может пройти». И вправду, на следующий день он почувствовал параноияльность на работе из-за спора с шефом, и «потерял хорошее состояние». Он снова стал сливаться с людьми на работе, а когда говорил со мной, забыл о гневе. Однако, когда такое происходило, я мог напомнить ему, и постепенно Джеральд мог снова почувствовать себя в большей степени обособленным от других.

Важной составляющей процесса Джеральда в ту пору было кое-что, происшедшее полностью без моего вклада: он начал активно переживать определенные фантазии, а не быть с ними пассивно слитым. «В тот день я почувствовал слияние с людьми на работе. И я представил себе, что могу разозлиться, и даже немножко это почувствовал. И затем пришло облегчение, которое я почувствовал в теле. Боль в груди исчезла. Я был менее напряженным, смог расслабиться. Я сказал себе [о злости]: это правильно, это правда!» .

Джеральд постигал самые азы свободы от глубокой тяги комплекса слияния. Когда он чувствовал, что я не полностью настроен на него» он мог регрессировать, и чувствовал, что он перестал существовать, до тех пор, пока я не настраивался на него. Когда новые любовные отношения сходили на нет, он мог вернуться к пассивному фантазированию как к контейнеру. Однако это уже никогда не было настолько интенсивным, как раньше, а когда он чувствовал связь со мной или с другим человеком, его фантазийная жизнь резко сокращалась. По мере того, как его комплекс слияния терял силу, Джеральд чувствовал растущую самость, как будто бы, как он сказал, «она была затеряна среди моих фантазий».

Какая-то часть этой работы была представлена в снах. На одной из сессий Джеральд рассказал сон, который назвал кошмаром: «Мужчина убивает говорящую лису. Я иду за полицией, чтобы задержать мужчину, но он гораздо сильнее меня. Я пытаюсь драться с ним, отогнать его». Джеральд рассказал, что пытался уснуть после этого сна, но вскоре проснулся от другого кошмара, где на него набрасывался тот же самый мужчина, ужасно сильный.

Мужчина олицетворял энергии параноидного процесса Джеральда, возможно, ассоциировался со мной, как с человеком, который сейчас тоже был опасен, поскольку он обнажил свои глубоко агрессивные чувства ко мне. Лиса, как это демонстрирует нам великое множество волшебных сказок, олицетворяет инстинктивную мудрость, и подчас оказывается единственной фигурой, которая может помочь герою выполнить его задания — в случае Джеральда, это развитие способности овладеть своими собственными чувствами и телесно-инстинктивным осознаванием, особенно в отношениях с женщинами. Говорящая лиса может означать, что эта способность чувствовать и обладать инстинктивной мудростью приближалась к человеческой форме и сознательному пониманию.. Поражение инстинктивной жизни, общее для сновидений людей с серьезными травмами, показывает, как паранойя может убивать энергии и способность, олицетворяемые лисицей.

Джеральд был обеспокоен смертью лисицы во сне; однако, само существование говорящей лисицы было хорошим знаком. Обладание «говорящей лисицей» в качестве внутреннего образа можно счесть вновь обретенной способностью к творческому

воображению наряду с телесной осознанностью» чего Джеральд никогда не знал, разве что на очень короткое время.

На следующую ночь были сны, в которых мужчина, ассоциировавшийся у него со мной, помогал ему починить туалет, возможно, символическое обозначение места инстинктивного освобождения. Джеральд сказал: «Мужчина не боится быть оставленным». Дальше в его ассоциациях он связал свои серьезные хронические боли в груди со своим страхом оставленности, который прорывался, если он отделялся от слияния в любом взаимодействии.

На следующей сессии Джеральд рассказал, что в предыдущий день он тревожился и думал о своей паранойе, и почувствовал сильную боль в груди. Он добавил:.« Я почувствовал, что я так долго жил в фантазиях, что мне уже плохо от этого. Паранойя раздражала меня, но не пугала».

А затем, вместо того, чтобы раскачивать тело в такт музыке, чтобы успокоить боль, как он обычно делал, он *вообразил,* что он раскачивается.

> «В мозгу я вообразил движение, похожее на покачивание в груди. Я делал это секунд десять, и боль ушла! В прошлом настоящее раскачивание было способом убежать от боли. Теперь я чувствовал, будто оборачиваю боль чем-то, и я думаю, что этот покров был фантазией о раскачивании.»

Это была еще одна замечательная перемена — от полной погруженности в пассивные фантазии к превращению фантазирования в активный процесс. На следующей сессии я с удивлением услышал:

> «Сегодня утром я вообразил, будто я маленький мальчик, который хочет молока от матери, и не получает его. Боль внезапно увеличилась так резко, что я не мог ее выносить, но я смог снять ее, умудрившись прекратить думать. В прошлом мне пришлось бы заняться пассивным фантазированием и укачивать себя, чтобы избежать боли».

Процесс Джеральда был рождением из хаоса, в котором он выжил, пройдя через полное мук существование — или, луч-

ше сказать, через битву с не-существованием, во взвешенности оппозиции слияния-дистанцирования. Ужас, что его не существует, пронизывал всю его жизнь, и после того, как мы проработали его комплекс слияния, а особенно после того, как обнажилась его ярость и масштаб пассивной жизни в фантазиях (в качестве суррогатной кожи), Джеральд начал ощущать себя отдельным Я. Он больше не нуждался в том, чтобы я думал за него. Он начал приближаться к своему хаосу внутри, а не яростно цепляться за мысли или внешние объекты. Его тонкое тело постепенно исправлялось, так что он смог почувствовать некоторые свои ужасные состояния, когда-то доминировавшие в его жизни; не будучи поглощенным ими. К примеру, он вспоминал: «Я помню время, когда у меня было ощущение, что меня засасывает, словно бы я могу упасть в черную дыру, и я немедленно вскакивал, шел в другую комнату, и начинал раскачиваться. Это воспоминание относится к одиннадцатилетнему возрасту, но, возможно, я это всегда испытывал». Такие наблюдения и рост силы эго стали общим местом в нашей совместной работе. Самость, наконец-то, начала воплощаться, как будто бы началась жизнь Джеральда.

9. Отвращение*, обвинение и передача

Наша способность быть глубоко убежденным в чем-то, что выражало бы суть нашей природы, спотыкается под мощной дланью комплекса слияния. Вместо того мы становимся кем-то другим — фальшивыми, частичными, нереализованными. То, что лежит глубоко внутри нас, — наши лучшие и взлелеянные желания, которые, как мы знаем, существуют, даже если мы имеем о них лишь самое отрывочное впечатление — остаются мертворожденными, подвешенными в «невозможных» оппозициях комплекса слияния.

Вместо того, чтобы распознать в страданиях комплекса слияния тропу индивидуации, мы стараемся укрыться во внутренней, безопасной территории фантазий и пассивности. Однако эти прятки лишь увеличивают нашу ношу стыда за непрожитую жизнь. В таком порочном круге мы изымаем комплекс слияния из сознания, не владеем собственными желаниями и исключаем самость, боясь подвергнуться риску атаки, неизбежной для жизни обособленного человека. В конце концов, презирая себя, мы чувствуем себя не любимыми, ничего не стоящими, даже отвратительными[76].

Этот древний и все еще действующий человеческий сценарий проигрывается в анализе всякий раз, когда оживает комплекс слияния анализируемого. Анализируемый кажется аналитику отвратительным, даже омерзительным, способным замарать. Уничижение правит полем, создавая тенденцию со стороны

Abjection — понятие, трудно переводимое на русский язык, поскольку относится и к объекту, и к субъекту, — стало одним из центральных в теоретических построениях французского аналитика и лингвиста Юлии Кристевой (ее основная монография на эту тему, «Силы ужаса», издана на русском языке (Харьков-С.Петербург Ф-Пресс— Алетейя 2003), но, к сожалению, отвратительно). Мы решили передать понятие abjection по-русски несколькими словами: «отвращение», «уничижение» и «презрение». (Прим.ред.)

аналитика уйти в себя как от поля, так и от анализируемого, избегать запачкаться энергией, желаниями, телом и безумием другого человека. Ощущение странности и антипатии просачивается в поле, особенно тогда, когда оппозиция слияния-сепарации далека от сознания, глубоко сплетена с бессознательным.

Например, анализируемый рассказывает, что к нему обратился некий человек с вопросом, не нужна ли ему работа по проводке электричества, а именно такой была специальность анализируемого. Он знал, что работа ему не нужна, но, как рассказывает он, не сказал твердого «нет». Он «как бы сказал нет», и описал этот процесс как «липкий» — хорошая метафора для уничижительного качества комплекса слияния.

Этот мужчина не мог полностью сказать да или нет, потому что сделать это — то есть сознательно присвоить свою власть — казалось табуированным. Следовательно, его клиенты часто оказывались в замешательстве. Уничижительное качество комплекса слияния размывает границы и противится им, поскольку сепарация, которую они означают, будет угрожать той форме безопасности в слиянии, которой этот человек достиг своей нечеткостью. Его «липнущее» поведение одновременно и самокастрирующее (что типично для комплекса слияния), например, ему сложно выставлять клиентам счет.

По мере того, как этот анализируемый описывал свой «липкий» процесс я чувствовал, словно бы отшатываюсь от него, тревожно избегаю всякого эмоционального контакта. На своем собственном опыте, как и в супервизии множества случаев, в которых комплекс слияния был центральной темой, я увидел, что аналитик шарахается в сторону от чувства «липучести», исходящего от анализируемого, как будто бы любой эмоциональный контакт приведет к необратимой передаче чего-то чуждого и глубоко беспокоящего.

Концепция «слизи» Жана Поля Сартра описывает это. Слизь—это то, что «проявляет себя как сомнительное по сути, поскольку жижа медленно движется; в этой текучести присутствует липкая вязкость», которая грозит образовать «ужасающую новую сущность»[77]. Малькольм Булл комментирует:

> «Слизь только растекается сама в себе; она угрожает растворить и другие границы тоже. Прикоснуться к слизи — значит, рискнуть раствориться в липкой мути; как эта мерзость прилипает к

пальцам, так и здесь, в акте присвоения мути, это мерзкое и липкое начинает владеть мной, уничтожая различение между «я» и «не-я». Растворение различия незамедлительно заражает»[78].

Из-за страха превращения в «ужасающую новую сущность» через размывание границ аналитик часто отворачивается, отшатывается от эмоционального соединения с анализируемым. При этом часто он (или она) воздерживается от того, чтобы поделиться этим опытом на супервизии, поскольку стыдится своего сопротивления вступлению в поле вместе с анализируемым.

Уничижительные состояния в анализе могут вызвать раздражение и замешательство по поводу того, что, казалось бы, суть вещи прямолинейные, например, составление расписания. Так, аналитик из моей супервизорской группы в попытке прояснить то, что обсуждалось на прошлой встрече, спросил анализируемого: «Так вы будете здесь на следующей неделе?» В смятении, анализируемый уточнил, что уже четыре раза повторял, что будет в отъезде! И в самом деле, в записях предыдущих сессий это утверждение появлялось четыре раза. Но все же всякий раз мелькало и какое-то другое «упоминание», что-то вроде: «Ну, может быть, я и буду здесь, я еще точно не уверен». Эта противоположная заявка не была облечена в форму ясного утверждения, не была даже «анти-миром» психотического процесса, но, скорее, являлась потаенным сомнением-ловушкой, обволакивающим ответ анализируемого. Это густое, темное и странное качество презренной внутренней жизни комплекса слияния сообщалось в каждом заявлении, так что внутренне аналитик сомневался в каждом ответе анализируемого.

Другой аналитик рассказал, что его привело в замешательство на первый взгляд вполне ясное утверждение анализируемой: «Меня не будет в течение двух недель». Услышав это, он начал задаваться вопросом, действительно ли анализируемая имеет это в виду, или есть шанс, что она сможет прийти на встречу. Он не был уверен, как следует отвечать на эти слова[79], чувствуя, что, вырази он свое сомнение, он инфантилизирует ее, словно бы она не знает, что хочет на самом деле сказать.

Аналитик поделился своей рефлексией о собственном внутреннем процессе и о прошлом опыте взаимодействия с этой анализируемой:

«Если я ничего не говорю и вычеркиваю встречу с ней из моего графика, то позже она часто просит меня о дополнительном времени. Более того, она просит об этом так, что подразумевается, что ее покинули, лишив этих часов. Однако, если я держу это время пустым, она спросит, не занял ли я еще его, а потом скажет, что все еще не уверена в том, что нуждается в этих часах, и начнет жаловаться на несправедливость того, что оплачивает это время. Так бывало уже несколько раз, и я чувствую себя сбитым с толку, меня беспокоит такое взаимодействие.

На этот раз я сказал: «У вас есть еще масса времени на отмену. Я предпочитаю пока держать время незанятым». На что она ответила: «Вы так делаете со всеми или только со мной?».

Затем он пояснил, что захотел отделаться от нее, и испытал вину. В свою очередь, он затем попытался убедить анализируемую в том, что она -- особенная. Что угодно, лишь бы остановить это болезненное взаимодействие!

Общение с человеком с сильным комплексом слияния наполнено противоречивыми оппозициями. Редко удается нам услышать фразу, сообщающую о чистом ощущении боли. Хотя мы и слышим об ужасных страданиях и унижениях души, неспособной добраться до своей красоты и потенциала, тем не менее все произнесенное как-то неуловимо вымывается, так что к концу каждой попытки выслушать мы чувствуем себя так, словно все, что мы подумали или почувствовали, ушло, как вода сквозь решето. Само по себе это может оказаться полезным, если мы сможем понять, что подобное отсутствие контейнера — как раз то, от чего страдает человек. Однако наше собственное смятение и боль в эти моменты слишком часто препятствуют такого рода полезной рефлексии.

***

Когда активирован комплекс слияния, субъект может демонстрировать острую чувствительность, ассоциирующуюся с глубокими психическими способностями. Этот «дар зрения» может стать проклятием, поскольку человек компульсивно использует его, чтобы оставаться в слиянии с другими, в свою очередь, находящими этого человека отвратительным.

Один из таких анализируемых, Фрэнк, испытывал мощные панические атаки, как только выезжал в летние лагеря или школы в другом штате или стране. Если его не привозили домой, он прояв-

лял суицидальные наклонности — а как только оказывался дома, то снова был в порядке, словно бы ничего не происходило. Антидепрессанты никогда не помогали больше, чем на неделю или две. Фрэнк и его родители были в отчаянии, и задавались вопросом, не придется ли ему провести всю жизнь неподалеку от дома.

На протяжении четырех лет Фрэнк встречался со многими психотерапевтами, и ему было поставлено множество диагнозов, включая депрессию, диссоциативное расстройство идентичности, инфантильное расстройство личности и паническое расстройство. Еще один аналитик подчеркивал, что главным токсичным элементом была семейная динамика. Все эти разнообразные диагнозы всегда несли в себе некоторую изначальную надежду понять, что происходит, но все они были полезнее терапевтам, чем Фрэнку, и, что касается собственно лечения, ни один из них не привел особо далеко. Это изменилось, когда Фрэнк начал работать с аналитиком под моей супервизией, и работа с его случаем стала вестись через призму комплекса слияния.

Аналитик разглядела, что чрезвычайная сенситивность Фрэнка, его способность к сканированию держала его на дистанции от нее, и что в первую очередь тело Фрэнка, а не его разум, переполнялось фрагментарными чувствами и ощущениями. Во время беседы с человеком, когда тревожность Фрэнка внезапно возрастала, он мог выпалить: «Что случилось?» Человек, к примеру, член семьи Фрэнка, обычно раздражался и чувствовал себя обвиненным в каком-то неверном поступке. «Неверным» для Фрэнка могло быть легкое уклонение собеседника от разговора — не открытый уход от общения, но тон голоса, изменение позы или эмоционального состояния, которое Фрэнк учуял. Раздосадованные и разозленные постоянными требованиями близости от Фрэнка, члены его семьи и друзья считали его невыносимой «занозой в заднице» и избегали общения с ним, оставляя его с ощущением полной изоляции.

Для терапии Фрэнка было чрезвычайно важным, чтобы аналитик озвучила его дистресс. Это означало описывать, возвращая назад Фрэнку, все, что он переживал. Однако подобная техника была эффективной только тогда, когда аналитик сохраняла связь со своим собственным осознаванием этого уровня сенситивности и со своим собственным чувством опасности «упасть в ничто». Более того, ей нужно было описать эти состояния ума

и тела как полевые качества, которые она испытывала, когда осваивала поле вместе с Фрэнком, а не рассматривать их как *наведенные* состояния, исходящие от комплекса слияния Фрэнка. Если же она говорила «из головы», то никакое утверждение, неважно, насколько верное, не приносило пользы.

В такие мгновения аналитик чувствовала, у нее нет защищенного тыла, как если бы она была уязвима перед психической атакой. Имея достаточно мужества вдохнуть, побыть в теле и почувствовать собственные страхи как внутренние аспекты своего собственного существа, с которыми она была связана, но не отождествлялась, она смогла дойти до конца в переживании этого пугающего состояния, не впав в него. Испытав страх, она смогла воспринимать Фрэнка так, что это позволило ей выразить его переживания в словах — озвучить его ужас перед уничтожением и его чувство отсутствия контейнера. Особое внимание она уделяла поиску слов для чрезвычайной уязвимости, ранимости Фрэнка, которая была ощущением разодранной психической кожи на спине..

Фрэнк мог показаться чрезвычайно патологичным с ментальной или психической точки зрения. Однако, когда аналитик восприняла Фрэнка через воплощенное и аперспективное осознавшие, задействуя информацию, транслируемую полем тонкого тела, он показался не столько изначально патологичным, сколько чрезвычайно сенситивным.

Можно сказать, что расстройство Фрэнка характеризовалось сильным культурным компонентом, поскольку он легко переполнялся тем особым видом логического непрерывного «действия» — своего собственного и других людей — которым заряжено современное технологическое общество. В культурах прошлого такие люди, как Фрэнк, становились целителями, шаманами и видящими. С современной, научной точки зрения они могут показаться весьма нездоровыми и нуждающимися в медикаментах для удержания в рамках их паники и тревожности, хотя такие люди очень плохо поддаются медикаментозному лечению. С точки зрения «примитивного» или «магического» сознания они являются чувствительными камертонами, которые способны предложить многое и обществу, и отношениям в нем. Они встречаются среди наиболее чувствительных психотерапевтов, которых я знаю. Часто такие терапевты ужасно страдают в сфере личных отношений, но в безопасных,

контейнирующих пределах своего кабинета они способны на чудеса.

Люди, испытывающие страдания в этой области психической жизни, сильно связаны с архетипическим ядром комплекса слияния, и, похоже, наделены исключительно чувствительными фибрами, невидимо привязанными к объекту. Они регистрируют мельчайшие мгновения физического, душевного или эмоционального ухода, замыкания в себе. Как в случае с Фрэнком, это может крайне беспокоить его партнеров по общению, получающих столь нежеданное внимание, особенно если они вовсе не осознают того, что замкнулись в себе или дистанцировались. Однако чувствительный человек, фактически, обнажает те области, которые другой, под прицелом такого нежелательного видения, предпочитал бы оставить неизвестными. Легкое чувство раздражения, дискомфорт или сдержанная злость объекта бьет чувствительного субъекта мощным и опасным током, еще более опасным, если это отрицается.

Гнев или механическое, лишенное близости отношение другого, которое, по мнению объекта, вполне хорошо им контейнируется или приглушается, может ощущаться чувствительным человеком как кинжал, насквозь пронзающий его или ее, что создает невероятный физический и психический дистресс. Объект часто в замешательстве — ведь это лишь легкое изменение тона, едва заметное чувство раздражения, и т.п. Однако субъект реагирует, как будто произошла катастрофа с самыми серьезными последствиями для отношений.

Поскольку даже не-проецируемые бессознательные состояния, существующие в потенциале, могут нести в себе дестабилизирующий эффект для чувствительного субъекта, аналитик должен уметь взять на себя то, что ощущает анализируемый. Нужно искать, где анализируемый прав, а не где он преувеличивает или коверкает что-то (что вовсе не значит, что не нужно конфронтировать там, где вы почувствовали искажение). Фрэнк сильно жаждал правды, и перед лицом правды он поистине поразительным образом способен был простить всю ту боль, которую выстрадал, считаясь парией.

Обычно при встрече с комплексом слияния аналитик испытывает интеллектуальную пустоту или фрагментированность, чувство лишенности тела и переполненность, а иногда даже сильные телесные и психические боли, ведущие к отчаянию: «Я не смогу

ничего улучшить. Что бы я ни говорил, все не так, ничто не принимается». На таких уровнях комплекса мы часто встречаемся с фундаментальными темами добра и зла. Аналитик может оказаться не в состоянии ничего сделать против такого темного и деструктивного поля, так что он (или она) сможет лишь понять свою фундаментальную ограниченность во взаимодействии с хаосом между собой и анализируемым. Аналитик должен принять субъективность своего опыта и никогда не впадать в ошибку, решив, что этому анализируемому уже никто не поможет.

Необходима совместная воля на то, чтобы встретиться с демонами безумия и другими уничижительными состояниями, а не помещать их внутрь одного человека или другого. Лишь тогда, когда паранойя одного или другого чрезмерно сильна, рушится доверие к подобным совместным усилиям. Тогда «дракон» слияния и хаоса оказывается не убитым, а вот терапия — возможно. Обычно в отношениях, как психотерапевтических, так и других, по моему опыту, человеку редко удается в одиночку справиться со своим комплексом слияния. Скорее, судьба отношений будет зависеть от совместного желания признать, что оба являются субъектами поля, транслирующего чрезвычайно сложные состояния души и тела, которые каждый из участников предпочел бы приписать другому.

* * *

Отвращение просачивается сквозь защиты. Жорж Батай понимал отвращение как «неспособность присвоить в достаточной степени императивный акт исключения презренных вещей (а этот акт устанавливает основы коллективного существования)»[80]. Уничижительное качество комплекса слияния никогда не собирается в трехмерной контейнирующей ясности внутреннего и внешнего. Его природа — уничтожать любую форму субъект-объектного различения.

Чувствительность к передаче бессознательных аффектов в состоянии уничижения может быть настолько острой, что кажется непереносимой. Бессознательная психика аналитика воздействует на анализируемого гораздо больше, чем его или ее сознательные намерения. Например, желание аналитика «помочь» может быть разоблачено как потребность прекратить болезненное взаимодействие с анализируемым и вывести на собствен-

ные чувства беспомощной ярости аналитика. В таких случаях любое из ощущений анализируемого, усиленное близостью к архетипическому уровню психики, может быть параноидным, но также может нести в себе элементы правды.

Аналитик может, стало быть, почувствовать себя на виду, причем разоблаченным в такой полноте, будто оказались выявлены его самые глубокие секреты. Чтобы как-нибудь прекратить боль этих ощущений, аналитик испытывает искушение согласиться с «правдивостью» того, что говорит анализируемый, однако любое подобное соглашение также кажется аналитику опасным, словно бы он обязался вступить в брак или в отношения, в которых сама его жизнь будет зависеть от договора с анализируемым.

Другой супервизируемый аналитик начал, свою сессию тем, что поделился своей тревогой, что соврал анализируемой. Он знал, что она знает об этом, но ни слова на этот счет не было произнесено. Они обсуждали фильм, который недавно посмотрела анализируемая; заметив интерес аналитика, женщина предложила ему книгу, по которой был снят этот фильм. «Я почувствовал себя замороженным», — сказал он мне. «У меня не было ни слов, ни чувств, просто неуловимая тревога. Я сказал: «Спасибо, у меня уже есть эта книга».

Он готов был перейти к следующему случаю, когда я понял, что словно бы пребывал в диссоциации, пока он говорил. Подумав, что это могло быть указанием на нечто важное, что ускользнуло от нас, я попросил его сказать побольше обо лжи. Почему, на его взгляд, он солгал? Он ответил, что не знает. Затем, поразмыслив над этим, видимо, впервые с тех пор, как виделся с ней, он произнес: «Если бы я выразил свои чувства, которые, думаю, были весьма запутанными и, возможно, там была злость и дистанцированность, то я бы очень сильно ее ранил. Мне пришлось бы выразить свое замешательство, тогда как она была явно столь любящей».

«И что бы произошло потом? Вы почувствовали, что честный ответ был бы враждебным?»

«Мои слова не должны были быть враждебными. Мой ответ вполне мог быть заботливым, и она даже так бы его и восприняла. Но позже она пала бы духом и стала бы мне звонить. У нее появились бы мысли о самоубийстве, а я чувствовал бы себя обвиняемым».

«Обвинение»— главная валюта комплекса слияния. Это один из главных аффектов, транслируемых через уничижающее качество поля[8], и он может восприниматься аналитиком как травмирующий, как это и было в данном случае.

Далее аналитик рассказал, что он испытывал отвращение к таившемуся в глубине страху перцептивных способностей своей анализируемой. Чувствуя, что она может обнаружить, что вместо того, чтобы реагировать на каждое ее слово и чувство, он тревожился о дифференциации ее и себя, он соврал, чтобы избежать обсуждения книги и их потенциально возможного большего сближения.

Для него анализируемая была отвратительной, кем-то таким, кого стоило избегать любой ценой. Однако, как ее терапевт, он не мог позволить себе иметь подобные чувства. Так он опустился в лабиринт противоречий, частых спутников любого аналитика, который воспринимает своего анализируемого подобным образом. Лишь применив значительные усилия и моральную решимость, этот терапевт сумел реконструировать свои реальные чувства во время сессии:

> «Если бы я постарался подумать о том, что она предлагает мне что-то хорошее, и принял бы подарок, то почувствовал бы себя фальшивящим, потому что в тот момент я действительно не хотел этого. Я ощущал это как расширение ее власти надо мной. Но я почувствовал, что разрушил бы ее, если бы отверг подарок или принял бы его с недостаточным энтузиазмом. Книга угрожала стать подобием клея, который соединял нас воедино, и не давал возможности отделиться и быть собой. Я чувствовал, что выбора нет — только соврать».

В поле, которое препятствует общению и в то же время требует полного слияния, аналитику остается лишь один здоровый выбор, а именно: начать воспринимать свою внутреннюю жизнь, как находящуюся под воздействием комплекса слияния, и внутренне позаботиться о состоянии души, обуреваемой тревогой. Это мужественный акт сепарации от психики анализируемого, акт автономии на службе души. Ясно, что чтобы достичь этого, аналитик должен быть способен на связь с хаотическими

чувствами, порожденными комплексом слияния, не будучи поглощенным ими. В этом случае аналитику нужно развить в себе способность контейнировать свои чувства человека, находящегося под обвинением, и не приписывать их тому, что анализируемый что-то *сделал* по отношению к нему. Скорее, обвинения должны присутствовать *там* как часть их общего поля.

В общем, страх аналитика быть поглощенным — это как раз то самое, что пугает анализируемого, не способного добиться установления внутренних отношений с комплексом слияния лишь своими собственными усилиями. Анализируемый нуждается в помощи, но помощь может прийти только от терапевта, говорящего и чувствующего *посредством осознания того же самого комплекса внутри собственной личности.*

Мужские, рационально-дискурсивные формы сознания, доминирующие в нашей культуре, особенно затрудняют контакт и восприятие уничижительных качеств поля. Обычно, в то время как мужчины стремятся к сепарации и расширению своего состояния бытия, женщины гораздо комфортнее чувствуют себя в застое и не-дифференцированности. Таким образом, говорится, что женщины — пороговы, имея в виду их способность оставаться в «промежуточном» мире. Что бы ни говорилось о феминных модусах бытия (которые, несомненно, включают в себя тенденцию к *бытию,* а не *деланию,* и скорее лунное, чем солнечное[82] сознание), они, безусловно, олицетворяют позицию, на которой они, могут «пребывать с» и, скажем больше, ценить презрение, а не шарахаться от него в отвращении.

Царство Богини, бывшее когда-то реальностью для женщин, не управляется мужским пристрастием к сепарации, логике и надежным, повторяющимся объектам. Как объясняет Мэри Дуглас в своей книге «Чистота и опасность», с матриархальной точки зрения отвергаемые качества жизни, к примеру, истинные противоречия сплетенных, причудливых оппозиций, которые охватывает Сартровский термин «слизь», — священны. Однако в патриархальном обществе они являются табуированными и отвергаемыми[83]. Возможно, идея совместно разделяемого поля с его собственными архетипическими качествами выстраивается в одну линию с женской мудростью, тогда как патриархальная тяга к сепарации, пониманию и контролю лишь добавляет чувства уничижения.[84]

10. Архетипическое ядро комплекса слияния

Исторически, комплекс слияния не есть что-то новое. Его безумие и мучительная динамика, принимающие форму неспособности ни отделиться от объекта, ни соединиться с ним, встречаются повсюду на протяжении истории, в мифах и литературе. Архетипическое ядро комплекса слияния, возможно, лучше всего представлено в мифе об анатолийской великой богине Кибеле и ее юном возлюбленном, Аттисе, Самое известное изложение этой истории — а существует несколько ее версий — пришло к нам от Овидия. Он рассказывает миф в форме ответа, полученного им от богини, спрошенной, почему последователи Кибелы калечат себя.

«Отрок фригийский в лесах, обаятельный обликом Аттис
Чистой любовью увлек там башненосицу встарь. Чтобы
оставить его при себе, чтобы блюл он святыни, Просит
богиня его: «Отроком будь навсегда!» Повиновался он ей
и дал ей слово, поклявшись: «Если солгу я в любви —
больше не знать мне любви!» Скоро солгал он в любви; и
с Сагаритидою нимфой, Быть тем, кем был, перестал.
Грозен богини был гнев: Нимфа упала, когда ствол дерева
рухнул, подрублен, С ним умерла и она — рок ее в дереве
был. Аттис сходит с ума, ему мнится, что рушится
крыша; Выскочил вон и бежать бросился к Диндиму он.
То он кричит: «Уберите огонь!», то: «Не бейте, не бейте!»,
То он вопит, что за ним фурии мчатся толпой. Острый он
камень схватил и тело терзает и мучит, Длинные пряди
волос в грязной влачатся пыли. Он голосит: «Поделом!
Искупаю вину мою кровью! Пусть погибают мои члены:
они мне враги!

Пусть погибают!» Вскричал и от бремени пах облегчает, И не осталося вдруг знаков мужских у него. Это безумство вошло в обычай, и дряблые слуги, Пряди волос растрепав, тело калечат себе[85]».

Миф начинается с равновесия, где Аттис в райском состоянии вместе с Кибелой, жаждущей, чтобы он был «оставлен при ней» «чистой любовью», вследствие чего он пребудет «отроком навсегда». Так Аттис дает обет оставаться в вечном слиянии с Богиней и никогда не отделяться.

Затем он встречает речную нимфу Сагаритис, и воспылав к ней страстью, тем самым нарушает клятву Кибеле. Его сепарация, движение в сторону индивидуации, серьезно наказана[86]. Он поражен безумием: он видит в галлюцинациях фурий, атакующих его, и бежит на вершину горы Диндимус (т.е., отщеплен от тела), где и предпринимает свое катастрофическое действие: «Пусть погибают члены, приведшие меня к краху!»

Гора Диндимус — это та же Кибела[87], и бегство Аттиса в отчаянной попытке вновь связаться с ней в безопасности ментально-духовного мира. Он не жалеет о Сагаритис! Его единственное раскаяние — в том, что он предал Кибелу, и в своем безумии он оскопляет себя.

Таким образом, мы видим процесс в двух стадиях.[88] Сначала состояние глубокой связи, затем сепарация от этого состояния, приведшая к психотической тревоге. *Галлы* (чьи действия и пытается объяснить миф) воссоединяются с Кибелой посредством увечья, нанесенного себе в подражание Аттису.

В версии Арнобиуса, изложенной в «Теогонии» Гесиода, Зевс пытается овладеть Кибелой, пока она спит; семя его, однако, попадает на скалу Агдос, из чего рождается чудовище-гермафродит Агдитис, альтер-эго Кибелы. У таких мифов — более древние корни, восходящие к бронзовому веку в Анатолии[89], и они повествуют, о последующей кастрации похотливого чудища богами-мужчинами, чтобы подчинить его, поскольку это существо слишком трудно контролировать. Его энергии нелегко контейнировать, и уж точно не сделать этого с помощью рациональности и духовной жизни. Боги-мужчины кастрируют его,

' Овидий, **Фасты,** книга 4,223-244, цит. в пер.Ф.Петровского

лишая фаллической природы, и в некоторых сказаниях от подобной кастрации она становится психотичной.

Греческий миф о Марсии, которого время от времени отождествляли с Аттисом, добавляет к этому исследованию еще один аспект: важное размышление о спеси (в греческой культуре предававшейся анафеме) и о судьбе тонкого тела в руках бога Аполлона[90]. Спесь — это инфляция личности через идентификацию с архетипической силой, проявляющаяся особенно через крайней степени пассивное фантазирование. Тонкое тело не в состоянии контейнировать мощь такого масштаба и оказывается поврежденным.

Марсий нашел флейту, созданную, а затем выброшенную Афиной, наложившей проклятие на всякого, кто найдет ее и заиграет на ней. Он научился прекрасно играть на этом инструменте; на самом деле, его игра оказала целительное влияние и оказалась соблазнительной для Кибелы, безутешной после смерти Аттиса. Однако у Марсия достало спеси поверить, что он может играть лучше Аполлона, вызвавшего его на состязание. Разумеется, Аполлон выиграл, а спесь Марсия вызвала к жизни «ужасный аспект»[91] бога, который содрал со смертного кожу и повесил ее на сосну[92]. Однако когда человек может, не уподобляясь Марсию, пожертвовать слиянием с непомерной фантазийной жизнью, то Аполлон может оказать исцеляющее, очищающее воздействие на его безумие. Мудрость, приписываемая этому богу и выгравированная в его храме в Дельфах, призывает смертных не делать «ничего чрезмерного» и «Познать себя самого» или, если перевести более точно: «Знать, что ты не бог»[93].

Многочисленные особенности мифа об Аттисе-Кибеле характеризуют его как архетипическое ядро комплекса слияния. 1) «Невозможная» динамика слияния-сепарации является центральной чертой мифа: Аттис не мог ни оставаться с Кибелой, ни расстаться с ней. 2) Безумие Великой Богини, ее негативная нуминозность олицетворяет сумасшествие в ядре комплекса слияния. 3) Безумие Аттиса, настигающее его при попытке сепарироваться от Кибелы, иллюстрирует то, как расставание с безопасным состоянием слияния может привести к серьезной, дестабилизирующей тревоге психотического уровня. 4) Центральная роль кастрации в культе Кибелы имеет психологические корреляты, характерные для комплекса слияния. 5) Как и гермафродит Агдитис, Кибела обнаруживает не только безумие, но также и мощные страсти и насилие, что

отражает эти грани комплекса слияния. 6) Отчаяние Аттиса и его регрессивное возвращение к Кибеле после того, как она убивает нимфу, которую он возжелал, — основная поведенческая модель комплекса слияния, принимающего форму регрессивного цепляния за «безопасную территорию» — явно не угрожающую трудностями работу, ригидные отношения, неспособность встретиться с творческим вызовом — все это приводит к непрожитой жизни. 7) Безумие Кибелы в ядре комплекса слияния разбивает защиты и доминирует в поле между людьми, приводя к внезапному изменению масштаба переживания, посредством чего человек может погрузиться в эмоциональный вихрь, словно бы внезапно оказавшись увлеченным в быстрину когда-то спокойного моря. 8) Героический подход терпит поражение в отношениях с Кибелой, так же, как и не годится он для комплекса слияния. 9) Проживание безумия комплекса и ограничений, которые он порождает — это путь исцеления; точно так же те, кто побывал на мистериях Богини, очищались от своей мании. 10) В форме Марсия Аттис оказывается освежеванным, что подчеркивает, как инфляция приводит к потере защитной кожи тонкого тела

Нимфа Сагаритис в мифе Овидия олицетворяет более бессознательную, женственную часть Аписа, и именно на нее направлена темная энергия атак Богини. Когда мужчина глубоко поражен негативной нуминозностью комплекса слияния, его способность к отношениям — как с другими, так и с собственной глубинной самостью — нарушена Он остается без всякого чувства контейнирования, и стремится убежать в интеллект или подчиниться любому, кто бессознательно несет на себе его проекцию Кибелы, и все в надеждах восстановить ощущение потенции. Его мужественность приобретает форму кастрированности, так что он постоянно сливается с другими людьми, ловя их разрешающие посылы, и редко когда чувствует свою независимость.

У женщин нимфа олицетворяет привлекательность и красоту ее индивидуальности, за пределами отождествления ее с матерью (или с женской стороной отца). Под натиском Кибелы позитивные качества Я бледнеют, и женщина может почувствовать себя уродливой и никчемной, глубоко презренной, тогда как ее мужская часть тоже кастрирована. Так, к примеру, она теряет по большей части свою способность к ясному мышлению, рефлексии и внутреннюю связь с бессознательным, все, что обычно

несут в себе маскулинные образы ее психики. Кроме того, у нее возникают сложности в установлении связи с внешним миром без потери идентичности в слиянии с внешними объектами.

Бессознательное структурирование женско-мужского взаимодействия в мифе об Аттисе-Кибеле можно увидеть у анализируемого, которого я назвал Джон (упоминавшегося также в главах первой и четвертой). Джон рассказал о разговоре с женой, во время которого он потерял терпение, и она отреагировала «холодной миной». На протяжении того дня и следующего переживание от ее реакции не покидало его. Обида, которую он почувствовал, не рассеивалась, и они с женой все еще были отчужденными и холодными друг с другом.

Джон предложил поговорить о том, что между ними произошло, но он понимал также, что у него есть и другая потребность — продолжать писать поэму, над которой он работал. Он предложил поговорить минут сорок, а потом он вернется к своей работе, и если будет в том нужда, они смогут продолжить разговор в тот же день попозже. Жена согласилась на это. Однако, когда подошел сорокаминутный предел, они с женой, как он выразился,

> «...были в самой середине процесса, и меня раздирало на части между желанием продолжить разговор и прислушаться к моей потребности писать. Мы продолжали говорить. Я чувствовал, что меня не слышат, она чувствовала, что ее не слышат. Затем я почувствовал нечто вроде вдохновения, и сказал ей, что понял, как много боли ей пришлось испытать, когда я накануне потерял терпение. Но мою попытку отпихнули, полностью отвергли»

В том, что за этим последовало, мы можем увидеть влияние более мощной активизации архетипического ядра комплекса слияния, иллюстрирующее внезапную «смену масштаба» эмоциональной жизни Джона:

> «Я сломался, я разъярился из-за ее холодности. Я закричал на нее: «Чего ты хочешь от меня?» Я почувствовал сухую боль в груди, словно бы в меня выстрелили стрелой. Совершенно нехарактерно, но я стал бить себя в грудь, расшагивать, говорить зло и с напором. Я выбежал в дру-

гую комнату и разнес стул. Я чувствовал себя молодым, растревоженным и полностью униженным. Я никогда, никогда не реагировал так ни на что.

Но я почувствовал, что достучался до нее. Она схватила меня и дала мне ощущение физического удерживания. И хотя я осторожно «сканировал» ее в поисках опасности, я все же был успокоен тем, что она меня держала, и рад, что она больше не была холодна, или зла, или не сходила с ума, и особенно — что она больше не обвиняла меня во всем, сама не беря ответственности ни за что».

Как Аттис сходит с ума и кастрирует себя, так и Джон пережил эпизод безумия, сломав стул и потеряв контроль над эмоциями. В процессе регресса в молодое состояние он нашел защиту у своей жены, как и в культе Кибелы ее последователи, галлы, находили защиту, кастрируя себя, полностью посвящая себя ей[94]. Как Аттис, он пожертвовал своей потребностью в творческой работе. В каком-то смысле Джон служил Кибеле, сохраняя верность определенной ограниченной душевной «территории», которую он редко рисковал покинуть, и это мешало ему реализовать его значительные творческие дарования. Когда он решался сепарироваться и позаботиться о своих собственных потребностях, крайняя тревога толкала его назад к его безопасной территории и прочь от серьезной творческой работы. Так история Джона показывает неудачу позитивного и любящего соединения с его собственной женской стороной, представленной в мифе Сагаритис Эта способность помогла бы ему отделиться от сферы комплекса слияния, который доминировал в его отношениях с женой. Вместо того он «сепарировался» неполноценным образом, становясь мрачным и «раздраженным» на жену, а затем бросая свои творческие занятия.

Вспомните также, что после того, как Сагаритис была убита, Аттис испытывает печаль — не по нимфе, объекту своей любви, но из-за того, что предал Кибелу. Также и Джон чувствовал себя виноватым и неправым из-за того, что не был близок с женой, из-за своей натужной и несвязной попытки проявления эмпатии. Он видел, что предает жену, но не свои творческие потребности. Любое ощущение живой, внутренней реальности исчезло для Джона; его внимание все было посвящено жене и угрызениям совести по поводу нее.

Время от времени рассказ мифа об Аттисе и Кибеле— процесс, который Юнг называл «амплификацией» — может принести пользу. Возможность увидеть мифологические параллели с личным опытом может предоставить более обширный и часто контейнирующий контекст, способный породить ощущение смысла. В этом случае Джон почувствовал, что приобрел некую личную повесть, и что миф «вобрал в себя множество тем, особенно — хронические чувства вины и обвинения, которыми я был затоплен в жизни, вместо того, чтобы печалиться о том, что я покинул собственную душу».

Джон понял, что его жизнь была, как он сказал «нашпигована обвинениями». В его сознании любая потенциально конфликтная ситуация с женой была ведома либо его, либо ее *виной,* поскольку именно такова экономика комплекса слияния. Страх быть обвиненным нарушал его ощущения, так что простейший вопрос со стороны жены он воспринимал как атаку.

В отношениях Джона было мало шансов, если вообще таковые были, на искреннее взаимодействие, в котором оба человека брали бы на себя каждый свою часть общего поля или признавали бы, что каждый отвечает за одну из борющихся сторон. Вместо этого один должен был быть обвинен. Джон понял, что его «ложные обвинения» были безопасной территорией, на которой он мог избегать осознания своей вины за то, что оставил свою душу. Миф, сказал он, «помог мне почувствовать себя более крепким и гибким. Он помог мне увидеть, что я не одинок. Я смотрю на других мужчин, которых я знаю, и на общую жизнь, я вижу, что все так страдают». В момент, когда Джон размышлял о том, что он — часть этой большей реальности, я почувствовал, что его тело расслабилось, словно бы молодые части его внутреннего существа могли теперь чувствовать себя в безопасности.

* * *

Опираясь на многие годы супервизии психотерапевтов и на размышления о своих давних случаях, я считаю что эмоциональный скачок, порожденный архетипическим уровнем комплекса, гораздо более распространен, чем можно было бы предположить. Следующий пример показывает неспособность контейнировать архетипические энергии комплекса слияния в качестве

«внутренних» состояний, и демонстрирует потребность в поле как в контейнере более высокого измерения.

Роджер, тридцативосьмилетний психотерапевт, обладал особым даром чуткого восприятия психического состояния другого человека, включая состояние тонкого тела; он поделился своими переживаниями от общения с женщиной по имени Вильма. В течение практически всего дня все было очень хорошо и наполнено любовью. Разговор их по большей части был сосредоточен на ее скором окончании учебы, и этот грядущий переход вызывал у нее большую тревогу. С одной стороны, тревога Вильмы по поводу этой перемены была вполне объяснима. С другой, было что-то такое в ее способе описания ситуации, что озадачило Роджера; ее жалобы и страхи показались ему странными, но не так-то легко было уложить это некомфортное чувство в связные слова.

Он объяснил мне, что пытался быть эмпатичным, и думал, что во многом преуспел и был «там для нее», не ввязываясь ни в какие интрузивные действия по «решению проблемы», ибо подобные усилия лишь заставили бы ее почувствовать себя еще хуже; он не задавал вопросов, которые, как он чувствовал, лишь увеличили бы ее тревогу. Каким-то образом любые вопросы вообще, «сбор информации», казалось, были самым трудным делом для нее, заставляли ее умолкнуть; его это приводило в замешательство больше всего. Он все время думал, но так и не произнес: «Я здесь для того, чтобы помочь тебе, у тебя есть способности и навыки, так почему же этот переход столь сложен?»

А затем Роджер рассказал о том, что оказалось поворотной точкой в тот день: он вышел прогуляться и выкурил марихуаны. Вильма сильно переживала по поводу этого его пристрастия к наркотикам, употребление которых он в течение долгого времени сокращал и довел до одного раза в месяц, а вскоре собирался прекратить вовсе. После этой прогулки он вернулся к ней, не упомянув о том, что сделал, и они продолжили общение, которое он описывал как исполненное близости и любви совместное времяпровождение.

В конце вечера, испытывая некоторую вину из-за марихуаны, он огорчился, что держал все в тайне, и сказал Вильме правду. Ее ответ удивил его. Она сказала: «Ты лжив».

Роджер знал, что ее ремарка была верной. Ему вспомнились другие моменты, когда он бывал таким же лживым, и он подметил, что частенько скрывал от нее некоторые мысли. Он не при-

вык к тому, чтобы она высказывалась так в точку и так прозорливо; обычно это он вытаскивал на свет ее темные, неприятные аспекты или не самые блестящие грани их отношений, помогая их лучше понять. Из последовавших вслед за тем событий самым важным было то, что он смог внутренне контейнировать этот «удар в тело», как он его назвал, поразмыслить над ним и не считать, что она атакует или осуждает его. Замечание Вильмы было обидным, но после того, как он его услышал и обдумал, он почувствовал в ней союзницу.

Можно было сказать, что Роджер смог *внутренне контейнировать* свои реакции. Функционирующая самость существовала, а обманчивая «теневая сторона» природы Роджера могла быть распознана как один из аспектов его личности. Он смог присвоить такое понимание, не растворяясь в чувстве вины, не упуская из виду другие свои качества, такие, как способность быть честным, и не ощущая себя «нарциссически раненым», что резко уронило бы его самооценку. Вместо того у Роджера оказался внутренний контейнер для переживания и способность рефлексировать на тему многочисленных форм собственных реакций, таких как злость и тревога, и не отыгрывать их.

Но затем Вильма посмотрела на него и сказала: «Ты не присутствовал здесь со мною весь день». Услышав такое, Роджер почувствовал себя «задетым, дезориентированным, обвиненным, смущенным и не способным думать». Он описал это чувство как шок для его организма, как внезапную перемену эмоционального состояния, как абсолютный разрыв с тем, что он испытывал на мгновение раньше. Гнев вскипел внутри него, и ему захотелось настоять на своем: «Мы провели такой замечательный день, и ты говорила, как хорошо, что я с тобой, а теперь вдруг «ты не был здесь»! Это несправедливо и глубоко неверно!»

Его чувства сопровождались необычным и серьезным физическим дискомфортом в груди и голове. По мере возрастания гнева он едва мог: сдержаться, чтобы не обрушить его на Вильму. Он чувствовал себя «пойманным в ловушку и раненым зверем, мечущимся между желанием бежать и побуждением наброситься на кого-нибудь в отчаянии». После нескольких секунд молчания он начал думать: «Она хочет разрушить меня. Она убьет меня, если я останусь с ней. Она опасна. Нужно уходить. Слава Богу, на мне никаких обязательств. Может быть, я слишком

много наобещал ей, говоря, что буду рядом, пока она будет устраиваться на работу». Его любовь улетучилась. В тот момент преобладала ненависть.

Не такое уж легкое дело для мужчины услышать о своих темных, неприятных качествах от кого-то, перед кем он уязвим, и при этом продолжать сохранять свое чувство идентичности и интерес к этому человеку. Роджер смог контейнировать в качестве внутреннего переживания первое сообщение — о своей лживости. Однако второе сообщение привело к совершенно иному состоянию, в котором его функционирующая самость едва ли была доступна. Роджер смог контейнировать некоторые свои реакции: он сдержался, и не отыграл вовне свой гнев, кроме того, небольшая способность к рефлексии сохранялась; например, он осознавал необычную силу своих реакций. Однако большая часть его реакции оказалась вне контейнирования, поскольку он эмоционально оказался переполненным, перегруженным тревогой, дезориентированным и был близок к панике — это тот скачок эмоций, что столь характерен для комплекса слияния, констеллировавшегося между ним и Вильмой.

Когда Роджер вспомнил, что нужно глубоко вдохнуть, и немного пришел в себя, ему удалось сказать Вильме, что ее слова показались ему чрезвычайно несправедливыми. Он сказал ей, что почувствовал удар ниже пояса. И все же он сознавал также, что происходящее он не мог воспринимать как случившееся «внутри него» или «исходящее от нее». Лучшее, что он смог сказать — что бы это ни было, это что-то имело место в пространстве *между* ними.

Пережить такое взаимодействие с Вильмой потребовало большой воли и сознательности. Был искус соскользнуть, счесть эту боль чем-то, «что она приносила ему в результате ее патологии», или повторением его хаотических ранних переживаний с депрессивной матерью. Но Роджер знал, что подобные варианты — лишь соблазны, обещающие некое знание в противовес открытости к неизвестному между ними. И он принес в жертву подобное «патологизирование» и описал чувство открытости, вернувшееся к нему. Без слов это, похоже, подействовало и на Вильму, которая смогла признать, что в ее ощущении *себя* тоже присутствовал радикальный сдвиг или нарушение последовательности между первым замечанием о его лживой природе и вторым — о том, что он отсутствовал.

Как дальше рассказал Роджер, Вильма поняла, что она сильно рисковала, сказав то, что она сказала. Поскольку даже зная, что Роджер очень даже присутствовал в течение дня, на том уровне психики, что открывался в ней, и на котором она боялась потонуть в хаосе, грозившем смести ее идентичность, она понимала, что требует от него еще большего. Ей нужно было, чтобы он «психически был склеен с ней» — и, если учесть ее стыд за такую потребность, признание подобной зависимости требовало большого мужества.

На нашей следующей сессии Роджер по-прежнему испытывал те же чувства к Вильме, помня о шоке и внезапном изменении, которое он испытал, когда она усомнилась в его присутствии рядом с ней. Сны его были заполнены насилием, и он мог видеть, что все еще реагирует на нее злостью. А потом он смог полнее воссоздать то, что он чувствовал в тот момент, вспомнив, что он хотел броситься к ней и произнести: «Ну что ж, ничего. Мы с этим справимся». А затем другая, противоположная мысль полностью вытеснила первую: «Я буду обманывать себя, потеряю себя или искалечу, если это сделаю. Я не могу с ней быть». Эти противоположности— справиться и не иметь возможности оставаться с нею — были противоречивыми состояниями, которые он испытывал как абсолютное слияние и абсолютное отсутствие связи. Если он пытался удержать в уме одну, из них, тотчас же возникала вторая и разрушала всякое воспоминание и осознание предыдущего, противоположного состояния. Это были взаимоуничтожающие оппозиции — наподобие последовательности «утка-кролик», описанной в первой главе — образующие безумие, состоящее из противоречивых состояний, каждое из которых было верным. Так Роджер, фактически, признал мощь своего комплекса слияния, который мог существовать, как стало ему видно, вполне независимо от отношений.

Отношения, как и психотерапия, могут быть наполнены незнанием того, что делать с такими странными, болезненными, безумными и неконтейнированными состояниями, которые пережили Роджер и Вильма. Часто положительный результат зависит от единственного фактора: смогут ли оба человека быть открытыми полю и взаимности процесса, происходящего между ними, или же один или другой из них будет убегать в пара-

ноидное пространство того, кто «всегда прав»? Это не простой вопрос, но не просты и отношения между людьми.

* * *

Есть в мифе об Аттисе-Кибеле интересный аспект, который стоит исследовать: почему власти Рима (в 205 г. до РХ) призвали в Рим Кибелу, известную как экстатическая Богиня у нее на родине, в Анатолии? Призвание чужого бога или богини в общество во времена великого стресса не было чем-то особо новым, но едва ли это было чем-то повседневным.

На этот счет было высказано много разных предположений; большей частью упоминалось о том, что римляне воевали с армиями Ганнибала и просили помощи у оракула, который потребовал привнесения Кибелы в Рим. Но какой бы ни была причина, мы должны предположить, что коллективное сознание того времени поистерлось, и была необходимость в привлечении новой энергии. Но Кибела! Возможно, римское общество было столь патриархальным и столь отрезанным от хтонического царства Великой Богини, что требовалась радикальная перемена

Я думаю, что есть резон в мысли о том, что вездесущная природа комплекса слияния в нашей культуре также является бессознательным ответом на доминирующую патриархальную, воинственную позицию и на рационально-перспективное сознание, под управлением которого находится наша коллективная жизнь. Миф об Аттисе-Кибеле вносит совсем иную позицию. Чтобы вобрать в себя оппозиции слияния и сепарации, необходима совершенно иная форма сознания, такая, как аперспективное сознание Гебсера; и способность ценить безумие, в самом деле подвергнуться его воздействию и быть ограниченным им бросает вызов доминирующим рациональным точкам зрения, существующим уже тысячи лет, и особенно — в наше время.

Предания о Кибеле времен Рима подчеркивали ее безумие и ее опасность. В частности, Катулл писал: «О Кибела, о богиня, ты, кого на Диндиме чтут! /Пусть мой дом обходят дальше, госпожа,/раденья твои,— / Возбуждай других к безумству, подстрекай/на буйство других!*»[95]. Однако культ Аттиса и Кибелы также свидетельствует о том, что выстрадав безумие и ощутив

Цит. в пер.Ф.В.Шервинского

его ограничивающие свободу качества» человек очищается от сумасшествия. И таким образом страдания приобретают чрезвычайно важную цель[96].

Миф и ассоциирующийся с ним культ говорит о том, что выстрадать безумие внутреннего, переполняющего человека состояния в попытке сепарироваться от старого порядка — это путь исцеления. Сознательное переживание воспринимаемых нами ограничений может быть агонией, но оно и исцеляет. С иной точки зрения, миф говорит о том, что поиск новых форм союза, здесь — союза Аттиса и Сагаритис, — приводит к контрнападению со стороны переполняющего вас расстройства. Так что состояния серьезных расстройств считаются *последствиями* попыток установить новый порядок. Такое осознание часто позволяет человеку пережить хаотические состояния, придавая таким состояниям смысл, иначе отсутствующий. Более того, можно привести большое количество литературы, имеющей отношение к функции порожденного расстройства, и это особенно помогает, когда нужно пережить процесс контейнирования хаотических полей, а не процесс героического преодоления посредством создания нового порядка[97].

Мифологический подход придает смысл воспринимаемым нами ограничениям, это то, что Лакан провозгласил в своей сентенции: «Человеческое существование не только непостижимо вне безумия, но оно просто не было бы человеческим существованием, не неси оно в себе безумие как ограничение свободы»[98]. И это помогает нам с состраданием относиться и к нашим страхам сепарации, и к тому факту, что, в той или иной степени, мы живем на психической территории, которую сами же ограничиваем, и привыкаем, соответственно, к нанесенным самим себе увечьям. Миф говорит нам о том, что люди страдают от этого тысячелетиями, и развиваются через эти страдания. В следующей главе, которая рассматривает комплекс слияния и творчество, я обсуждаю случай, в котором эти глубокие, сознательные страдания приводят в результате к удивительной трансформации самости и к новому качеству творческой продукции.

11. Комплекс слияния в творчестве

Комплекс слияния часто лежит в основе творческих проблем и может поистине оказаться непреодолимым барьером в творческой деятельности. Страдания могут быть столь интенсивными и унизительными, что, как говаривали алхимики, «не один погибнет в делании». Однако если человеку достает духовной стойкости и опоры для того, чтобы верить, что он (или она) находится *в процессе,* и что нынешние страдания наделены смыслом, то просто поразительно наблюдать; как комплекс слияния по мере выздоровления становится вратами, ведущими к большей творческой глубине. И в ретроспективе долгий и болезненный процесс можно увидеть как мистерию, ведущую к «возрождению» творческих способностей, которые не просто восстанавливаются с того момента, где произошел срыв, но проявляются с новой жизненностью и глубиной. Эта глава повествует об истории Филиппа — мужчины, чье творчество на долгие годы увяло, пока не воскресло вновь после пережитых им в царстве комплекса слияния страданий.

С Филиппом я виделся по три раза в неделю в течение первых восьми лет его анализа. Он был успешным художником, работы его висели в крупнейших музеях и частных собраниях, и на терапию он пришел в возрасте сорока лет из-за панических атак во время авиаперелетов. Однако вскоре обнаружилось, что более глубокий духовный поиск и стремление к самопознанию были гораздо более существенными факторами для начала аналитической работы.

Филипп был выходцем из высококультурной среды, с европейскими корнями; прекрасно образованный человек и книголюб, он все еще продолжал увлеченно читать и исследовать пре-

делы искусства, и культуры. Его художественная деятельность была его основной страстью; каждый день он стоял перед мольбертом по двенадцать часов и более, и у него еще оставалась энергия на другие интересы. Однако его внешняя жизнь была довольно ограниченной. В основном он дружил с женщинами, которые были значительно старше него и обожали его. Однажды, примерно за пять лет до того, как он пришел в анализ, у него был роман, но как только в отношениях возникли какие-то проблемы, ярость его возлюбленного так напугала его, что он сбежал и спрятался от него на долгие годы.

Наша аналитическая работа изначально была сосредоточена на раннем детстве Филиппа и его снах. Для его снов характерны были эпизоды, в которых он оказывался очень высоко на каких-то строениях, страстно хотел и пытался слезть, что олицетворяло его Идентификацию с ментально-духовной жизнью и сложности с воплощением. После примерно двух лет работы Филипп упомянул, что его фобии авиа-перелетов исчезли, и что теперь он может летать вовсе без всякой тревоги. Похоже было, что работа по установлению более тесной связи между его эго и миром сновидений, помощь ему в осознании тревоги, связанной с темами агрессии и сепарации, и расширение эго-сознания, произошедшее вследствие этого, привели к исчезновению симптома. Процесс этот, кроме того, углубил его отношения с его трудом, поскольку он, похоже» просто источал высокий уровень творчества. Я же и вовсе позабыл о его фобии, которая больше не возвращалась, потому что было очевидно, что подлинная работа лежала в области отношений Филиппа с бессознательным и, в частности, с его материнскими переживаниями.

Сегодня, заглядывая в свои заметки о его случае, я лишь поражаюсь, что в течение почти шести лет я, как и сам Филипп, считал его отношения с матерью прекрасными и совершенными. В течение этих лет я даже однажды решил описать его случай как пример самых любящих материнско-сыновних отношений, которые я когда-либо встречал. Он постоянно говорил о красоте своей матери, о том, как он восхищается ею и хочет быть с ней. Ребенком он мучился нещадно, если он покидала его, даже на несколько минут.

Его мать была художницей, и когда Филиппу исполнилось пять, он начал сопровождать ее в студию. Там он часами сидел

на полу, рисуя под ее наставлениями, и любовался ее красотой. Во всех его замечаниях о матери я никогда не чувствовал расщепления его переживаний о ней посредством идеализации. Он создал картину прекрасных отношений с ней, в которой я ни разу не усомнился.

Возвращаясь в детские воспоминания, он рассказывал мне, что, будучи пятилетним ребенком, так однажды разозлился на нее, когда она ушла, что разломал и перепачкал всю ее косметику, а в другой раз изрезал ее одежду. И хотя эти действия были столь агрессивными, он ничего больше не мог вспомнить, упоминая о них лишь как о разрозненных примерах той злости, которую он испытывал, потому что скучал без нее. Когда ему было четырнадцать, он заподозрил, что у его матери роман с его кузеном, бывшим сильно старше него, и в гневе толкнул ее, полностью одетую, в бассейн. Он сказал, что она нашла это смешным; я несколько засомневался в этом, но это был единственный момент, насколько я помню, некоторого чувства дисгармонии между воспоминаниями Филиппа и тем, что реально могло происходить в его отношениях с матерью.

Не могу объяснить почему, но однажды (приближался уже конец шестого года совместной работы) я посмотрел на него, когда он рассказывал о своей матери, и *увидел* нечто совершенно неконгруэнтное той любви, о которой он говорил. Это было подобно промелькнувшей тени, словно нечто темное пронеслось перед моим мысленным взором при взгляде на него. Думаю, что впервые я *вгляделся в* Филиппа, и я сказал ему, что уловил что-то темное, промелькнувшее в истории его отношений с матерью.

Это видение, казалось, стало пусковым механизмом раскрытия памяти — не первых воспоминаний о том или ином событии, но новой способности обсуждать вещи, которые Филипп всегда знал. События, которые я собираюсь описать, были полностью диссоциированы (может быть, «инкапсулированы» лучшее слово) — настолько, что я не мог обнаружить их за все шесть предыдущих лет анализа.

Теперь Филипп вспоминал не те случаи из его жизни с матерью, которыми он делился раньше. Его тетя рассказывала ему, что когда ему было два или три года, а может быть, и раньше, мать колола его руки булавками, когда сердилась на него. Однажды, когда он был еще малышом, едва начавшим ходить, она

так разъярилась на него, что завизжала, что ненавидит его и хочет, чтобы он умер. Другие члены семьи удержали ее.

Филипп сам не помнил этих событий, но через несколько лет после того, как он рассказал их мне, он спросил у матери, так ли это было, и она подтвердила правильность рассказа. Она также подтвердила, что после рождения каждого из троих младших братьев и сестер Филиппа она отсылала их в другую страну, где няня заботилась о младенце до тех пор, пока ему или ей не исполнялось восемь месяцев, а потом возвращала домой. Филипп был единственным из детей, кто первые месяцы провел с мамой. Когда он задал ей вопрос о ее ненависти к младенцам, она подтвердила это как данность. Так она чувствовала.

В этих историях был отзвук подлинности даже до того, как его мать признала их правдивость. Мы оба с Филиппом пребывали в недоумении от того, почему он никогда не говорил о своей матери в этой ее темной ипостаси. Совершенно точно, что он никогда не утаивал информацию, и его картина о прекрасных отношениях с матерью была тем, во что он полностью верил и что передавал связным, вызывающим доверие способом. Теперь же картина полностью изменилась. Появился чудовищный образ — женщина, вонзающая булавки в детские ладошки, ненавидящая детей, по крайней мере, пока они младенцы, полностью покидающая их. Я чувствовал себя так, будто мне рассказывают о ведьме из волшебной сказки, но это была реальная история из жизни.

У этого признания были серьезные последствия. Словно бы открылась потайная дверь, и пока мы исследовали проявившуюся мощную тревогу Филиппа, его способность к живописи резко сократилась. Только тогда я узнал, что всю жизнь Филипп прибегал к помощи пассивного фантазирования, часто по многу часов кряду, что, похоже, действовало как «замещающая кожа» и защищало его от тревоги. Это также помогало удерживать сильное расщепление между опытом его сознания и телом. В сущности, посредством фантазии Филипп жил как разум в отсутствие телесной осознанности.

В тот период нашей работы ему приснился берущий за душу сон. Филипп прогуливался по склону горы, спускаясь к морю, когда увидел дорогу, идущую влево, к прекрасному саду. Он решил зайти в сад и поспать, и не продолжать спуск с горы. Годами после этого он размышлял о своем уходе в сон и фантазии —

особенно с помощью марихуаны, курить которую он стал чуть позже — как о «выборе сада». Море в его сне олицетворяло бессознательную жизнь, переполненную тревожностью, главной защитой против которой была диссоциация.

Несмотря на свою пассивность и жизнь в фантазиях Филипп был очень усердным художником. Когда он писал за своим холстом, он чувствовал, что вновь с матерью. Однако, когда «запретная дверь» открылась, и ведьмоподобная сущность его матери дошла до сознания, Филипп не смог больше писать. Теперь, когда он приближался к холсту, он мог провести за ним не более нескольких минут, а потом его охватывала неуемная тревога. И если раньше холст был его возлюбленным объектом, теперь он стал ужасающим местом. Когда он отходил от Мольберта, читал книги или бродил по городу, тревоги не было, но у холста пугающее беспокойство прорывалось наружу.

Ум и духовная природа Филиппа помогли ему начать понимать, что он пребывает в процессе, воспламененном правдой о его материнских истоках. Однако этот процесс начал угрожать его карьере. В нашей работе, инициированной этим осознанием, я временами нес на себе проекцию его отца, который ничего не сделал, чтобы защитить его от матери. Терапевтический контейнер был цел, но под стрессом. Необходима была помощь антидепрессантов.

Будучи визуалистом, Филипп легко мог создавать образы тревоги, одолевавшей его, как только он начинал писать. На сессиях со мной он воображал, будто птицы слетаются клевать его голову, а змеи ползут по спине, и от этого коже очень больно. Подобные же образы появлялись в его снах. В других снах Филипп встречался с могущественными фигурами, королями и воинами, с которыми он мог разговаривать во время воображаемых диалогов" на наших сессиях. Его попытки физически почувствовать себя рядом с этими фигурами, собрать силы, необходимые для преодоления атакующих, провоцирующих тревогу образов и снова начать писать, имели лишь ограниченный успех: это были лишь вспышки активности, которые скоро угасали и приводили к замыканию в себе. Отчаяние Филиппа возрастало, но он не терял веры в то, что шел по пути, важном для индивидуации. Он продолжал иметь дело с атакующими его образами и рефлексировать над своими отношениями с матерью.

Через два года этой агонии можно было наблюдать интересное развитие: Филипп утратил интерес ко всем старшим подругам, которые когда-то были ему столь близки. Они все были заменителями матери, а теперь эти отношения наводили на него скуку. Он обладал восхитительной честностью — если он глубоко верил во что-то, он не расставался со своей верой, даже если это означало, что он окажется еще более изолированным, хотя боль одиночества стала хронической и серьезной. Он продержался четыре года, визуализируя атаки, которые он ощущал, и пытаясь писать, однако мог добиться лишь малой части своей былой продуктивности.

Чтобы справиться с интенсивной тревожностью в эти годы, Филипп прибег к помощи марихуаны, что превратилось в тревожащую зависимость. Он использовал наркотик, чтобы диссоциировать, поскольку оказалось, что лишь «кайф» дает ему освобождение от невыносимого чувства, будто кожа его спины подвергается атакам. Марихуана заблокировала его способность запоминать сны, что было большой утратой для Филиппа и для аналитического процесса. Однако активное воображение на наших сессиях, связанное с теми немногими сновидениями, что он помнил— темными образами, постепенно светлевшими, и образами самости: кругами и квадратами — поддерживало веру в то, что несмотря на столь жуткие нынешние страдания, в его бессознательной психике происходило и нечто позитивное.

Психика часто исцеляется на таком уровне бессознательного, который сознание едва ли способно зарегистрировать. В такое время человеку важно понимать свои переживания на интеллектуальном уровне, даже до того, как он схватит их эмоционально. Например, нападения змей и образы скорпионов, появлявшиеся, как только Филипп приближался к мольберту и начинал концентрироваться на живописи, можно понимать поразному— как результат инкорпорирования безумия или депрессии матери или как олицетворения его внутренней ярости и ненависти к ней.

Словно бы холст, когда-то ассоциировавшийся с его прекрасной матерью, полностью переменился и стал матерью опасной, чья психотическая тревожность была ужасной и угрожающей. Во многом подобно тому, как аутичный ребенок отшатывается от материнского тела и убегает в голову, так и Филипп убегал от

своего холста в слияние с фантазией. До наступления этой панической реакции Филипп чувствовал глубокую тягу к холсту и живописи, однако после нескольких мгновений его ужас нарастал и, неспособный более иметь отношения с холстом, он искал прибежища в безопасности фантазии.

Таким образом, у Филиппа был комплекс слияния с холстом. Обычно он переживал его оппозицию слияния и дистанцированности как последовательные состояния; временами он мог уловить также их «невозможную» одновременность, но это приводило к крайней тревоге. Пока Филипп пребывал в иллюзорной области обладания прекрасной, замечательной матерью, то есть и в самом деле жил жизнью сына-любовника Богини, он был защищен от ужаса, который, в конце концов, прорвался и сделал любую работу практически невозможной. Теперь акт писания олицетворял сепарацию от внутренней, магнетической тяги слияния с бессознательным— мифологически говоря, от сферы Великой Матери — и встречу с переполняющей сепарационной тревогой, наступавшей, если не терять связи с холстом. Это было похоже на состояние, известное в Каббале как *двейкут",* в котором мистик сохраняет *верность Богу,* не растворяясь в переживании.

Филипп начал чувствовать, как некий слой кожи — не только его настоящая кожа, но также и внутренний, скорее психический слой— подвергается нападению, как только он пытается писать. Он продолжал чувствовать и переживать свою крайнюю уязвимость для атак на эту поверхность, и это сопровождалось чувством отсутствия контейнированности. Его компульсивное стремление к курению марихуаны и фантазированию о неверо-

«Двейкут (ивр. «прилепление») — приобщение к Богу. В форме глагола «прилепиться» часто встречается в Библии. Посредством молитвы и изучения Торы каббалист полагает себя в состоянии осуществить активное или пассивное единение с Богом. Назначение каббалы состоит в том, чтобы содействовать возвращению души мистика в ее обитель, находящуюся в Божественной сфере. Каждой *сфире* соответствует этический атрибут в человеческом поведении, и тот, кто достигает этой цели на земле, вступает в мистическую жизнь и в гармонический мир *сфирот. Двейкут* -это высшая ступень, достижимая для души, следующей мистическим путем. *Двейкут* обладает как созерцательным, так и экстатическим аспектом. *Двейкут* ведет к чувству внутреннего единения с Богом, но не преодолевает окончательно дистанции, существующей между творением и его Творцом». (Цит. по Гершом Шолем. «Основные течения в еврейской мистике» М. -Иерусалим, 2004, *с:* 450 — 451; *прим. Пер.)*

ятной мощи и успехе, о становлении (в фантазиях) кем-то таким, кого будет обожать мать, было побегом к контейнирующей структуре.

В последующие три года такие исследования и интерпретации возымели эффект некоторого контейнирования, но Филипп знал (и говорил об этом), что хотя они и имели смысл, но еще не могли соединить интерпретации или образы с его реальными переживаниями по поводу матери. Возможно, самый важный признак подобного интеллектуального понимания — это то, что оно помогало Филиппу сознательно выстрадать его судьбу Несмотря на то, что он злился на свою жизнь, на меня, и на ограничения, которые он испытывал, Филипп никогда не чувствовал и не изображал себя жертвой.

* * *

Мифологическая амплификация, такая, как обращение к истории об Аттисе и Кибеле, была полезной в лечении Филиппа, например, тем, что отражала его,«кастрированное» состояние в более широком культурном контексте. Что типично для комплекса слияния, поведение Филиппа могло принять форму крайнего страха и ухода от гнева другого человека в подрывающую силы пассивность. Его арт-дилеры, обе женщины, ужасали его. Он не мог попросить их о том, чего хотел. Архетипическая точка зрения и синхронистические события, которые он переживал, помогали снижать унизительность такого положения, вселяли веру в то, что его страдания были частью большего и даже целеустремленного процесса, а также давали некоторое пространство, чтобы «отдышаться» от его мучительных состояний одиночества и отчаяния.

Греческий поэт Эсхил писал: «Когда мы спим, боль, которую мы не можем забыть, капля по капле стекает в сердце, до тех пор, пока в отчаянии и против нашей воли на нас не сходит мудрость по ужасной милости Бога». Нуминозный уровень психики по милости синхронистических событий и через амплификацию с помощью мифологических историй, подобных мифу об Аттисе и Кибеле, может придать смысл истории, проникающий в нас «капля по капле». Эта история, наша история, больше, чем мучения комплекса слияния.

Мучения могут уменьшиться по мере того, как увеличивается смысл, но по большей части через бессознательное — «когда

мы спим» — манифестацию которого никогда нельзя предсказать. Мы можем «подготовить площадку» с помощью правильного отношения к страданию — установка на сознательное переживание ограничений, навязанных комплексом слияния и его хаосом, который никогда не привести к порядку. Мы можем понять необходимость контейнирующих отношений с другим во время этого процесса. Мы можем занять позицию погружения в бездну хаоса и, как сказали бы мастера Дзен, «принять его» — даже больше, дать ему некоторое описание, возможно, живописное или словесное. Важно быть активным.

Все это было характерно для процесса Филиппа. Он мог быть сознательным, или мог диссоциировать в забвение. Он мог понимать, что своей регрессией к пассивности и наркотикам он отказывается от собственной души, во многом так же, как Аттис отказался от Сагаритис и остался верным Кибеле.

Хотя одного духовного компонента— лелеемого или Даже обретенного посредством медитации и творчества, посредством осознания воздействия и руководства бессознательного в жизни — никогда не *достаточно* для исцеления комплекса слияния, но по моему опыту, духовное осознание *необходимо.* Без определенного ощущения архетипического измерения и его нуминозности попытки почувствовать жизнь тела, особенно в хаотических формах в ядре комплекса слияния, ведут лишь к регрессу к различным формам пассивного фантазирования. Только забота о душе, ощущение наличия собственной истории и смысла, направления в жизни, пусть даже к некоему неизвестному концу, в интенсивной агонии и ограничениях, налагаемых сепарацией, может привести к разрешению муки Аттиса-Кибелы.

Опираясь на литературу, Филипп заинтересовался медитацией. Несколько необычных синхронистических переживаний помогли ему поверить в то, что он на верной тропе, особенно когда он позвонил в центр медитаций, спрашивая о месте занятий неподалеку от его дома, и обнаружил, что центральный офис расположен прямо через улицу! Такие опыты, благодаря которым Филипп *почувствовал* реальность психики, а не «узнал об этом» — как он все еще лишь интеллектуально признавал глубоко деструктивную природу своих материнских переживаний— волновали его и эффективно воздействовали на констеллирование изменений. Последние приняли метафорическую

форму попыток «покинуть сад» путем прекращения употребления марихуаны. В этом его усилия оказались лишь частично успешными, однако его борьба была вполне реальной и срабатывала на непродолжительные периоды — на неделю или око- по того. Вдобавок Филипп обнаружил, что способен прекратить прием антидепрессантов.

Благодаря его приверженности медитации и бессознательному болезненные нападения на спину и голову стали уменьшаться, словно бы его духовная жизнь смогла снизойти и начала оказывать целительное воздействие. Он все еще не мог писать подолгу; однако он стал больше уверен в себе, особенно по мере того, как росла его любовь к медитации. Его живопись стала технически совершеннее, чем его предыдущие работы. Она также стала глубже в смысле отражения живописных идей на новом и интересном для него уровне. Стало быть, даже несмотря на то, что он не мог работать даже с подобием той энергии и интенсивности как когда-то, новый процесс был в действии, и знание об этом помогало Филиппу находить и дальнейшие утешения во время тяжких испытаний.

* * *

После десяти лет терапии жизнь Филиппа начала обретать лучшую форму. Он обнаружил, что может писать дольше, когда уезжает на ритриты* вместе с кем-нибудь. Оказалось, что эти ритриты помогали ему смягчать сильную боль одиночества и изолированности. После нескольких долгих ритритов, длившихся в течение месяца или двух, Филипп больше чем когда-либо готов был бросить марихуану, во многом потому, что она нарушала процесс восстановления его сновидений, и потому что он понял, что живопись, на которую он был способен под действием марихуаны, была более низкого качества.

Результат оказался неожиданным. Филипп начал ощущать невероятную злость. Это был совершенно новый опыт. Он стал внутренне разъярен на всякого, кто не мог «отражать» его, будь

От ант. retreat —уединение, убежище, пристанище, приют. Обозначает выездные занятия духовными дисциплинами и распространенные ныне многодневные эзотерические семинары в специально арендованных, как правило, загородных, помещениях. Термин вошел в обиход из буддизма, где это понятие означает «выполнение практики уединения по определенным правилам» (прим. пер.)

то экономка, которая убиралась не так чисто, как велел Филипп, или друг, общавшийся с бывшим любовником Филиппа, несмотря на то, что знал, как расстроен был последний разрывом отношений. Он никогда не отыгрывал свою ярость вовне, но она ощущалась столь мощно, что почти затопляла его.

Было более чем понятно, что марихуана позволяла ему диссоциировать свой глубоко укорененный гнев. Кроме того, Филипп бросил курить сигареты, после того как двадцать лет выкуривал по две пачки в день. У него развилась язва, и курение вызывало болезненные раздражения, так что он много раз пробовал бросить курить, но на этот раз, похоже, добился успеха. Хотя сигареты действовали не так сильно, как марихуана, было понятно, что и курение позволяло ему диссоциирвать его интенсивный гнев на то, что другие люди его *не видят.* В согласии с паттернами, которые разворачиваются по мере того, как комплекс слияния становится переходом к новой самости (как мы наблюдали в случаях Наоми, Джеральда и других), мощный уровень гнева и нарциссизма вошел в сознательную жизнь Филиппа.

Часто важные перемены в процессе индивидуации подталкиваются внешними событиями, что оказалось верным и в случае Филиппа. Его мать тяжело заболела, и когда он говорил с ней по телефону (она жила в Европе), она начала по-иному слушать его. По его настоянию она стала заниматься медитацией, и Филипп почувствовал, что ее депрессивность снизилась. Она сильно тревожилась по поводу своей болезни, и Филипп рассказывал о том, что чувствует ее боль как свою. Ее страхи, говорил он, проникали прямо в него, как будто бы между ними двумя не было различия вовсе. Он расстроился от этого, но нашел, что это интересно. Никогда ранее Филипп не чувствовал, насколько он был идентифицирован с матерью.

Сейчас мы поняли, что Филипп жил в двух весьма раздельных состояниях. С одной стороны, он полностью идентифицировался с материнской тревогой и печалью. Ее печаль была особенно невыносимой, это он помнил еще из детства. С другой стороны, он мог то и дело разъяриться, набрасываясь на всякого, кто не точно воспроизводил то, что он сказал или в чем нуждался, будь то водитель такси или друг.

В то время я решил интерпретировать это как ярость Филиппа на мать за ее насилие над ним и редкое, если оно вооб-

ще было, отзеркаливание его. В большинстве его воспоминаний она оставляла его ради ее собственной активной социальной жизни. Припадки ярости, которые он испытывал в детстве, хотя еще и не полностью возродились в памяти, стали сейчас более осмысленными для него, как будто формировался миф о его детстве, наделенный смыслом. Метафора о том, что его «не видят» или «не отражают» была полезна для Филиппа, и он мог увидеть, как этот нарциссический ущерб приводит к его взрывному гневу. Так он смог начать чувствовать, как оба состояния — интенсивная идентификация и переполняющая, дистанцированная ярость — были активны в его отношениях с матерью.

Чтобы помочь Филиппу получить более ясное ощущение оппозиции его комплекса слияния, я показал ему фигуру «утки-кролика». Он мог ощущать полную идентификацию или абсолютную ярость, но не мог удержать оба этих состояния одновременно. Они образовывали уровень несовместимых, истинных противоречий. Это была область безумия, которую пытались подавить суррогатные кожи пассивной фантазии и другие способы диссоциации, такие как курение и употребление марихуаны.

По мере того, как его комплекс слияния становился более сознательным, Филипп начал по-другому воспринимать мать. С одной стороны, он видел и чувствовал ее безумие в постоянном противоречии ее самой себе и в конфликте анти-миров. Он был свидетелем ее депрессии и тревоги. С другой стороны, он чувствовал и ее любовь к нему, и свою любовь к ней. Эти оппозиции не были расщеплены: он мог чувствовать и то, и другое одновременно и, таким образом, они не были частью сумасшедшего мира, требовавшими радикальной защиты. Это были два аспекта его матери и его реакции.

В каком-то смысле впервые начали формироваться целостные объектные отношения. Филипп также в большей степени переживал безумную структуру, прикрываемую комплексом слияния, и эти переживания, особенно ощущения страха, тревоги и ограниченности перед лицом его безумия были жизненно важными факторами его исцеления. Тем временем, живопись Филиппа становилась все лучше как по качеству, так и по количеству. Он еще не совсем оправился, но было ясно, что позитивный целительный процесс уже проявляется.

Сон его продемонстрировал нечто важное для этого процесса. Филипп видел во сне мужчину, которым в реальной жизни восхищался. Этот человек открыто выражал свои мысли, мог пережить отвержение, когда его взгляды оказывались «политически некорректными», однако продолжал работать и никогда не переставал действовать в соответствии со своими убеждениями. Во сне этот человек оказался гораздо моложе, чем он был в реальности, но обладал длинными, прекрасными белыми волосами, как будто одновременно был стариком.

Этот сон иллюстрирует образование позитивной структуры самости, которая могла стать новым психическим контейнером. Душевная жизнь хорошо подвергается трансформации, только если старое и новое, в мифе изображаемое как мудрый старец и ребенок, находятся в гармонии. Тогда у человека появляется ощущение его собственной истории, знания и опыта наряду с новыми, творческими идеями. И то, и другое существует вместе стабильно, не аннулируя ничего из того, что мыслилось или во что верилось раньше, а старое не разрушает ничего нового. Подобная гармония обладает мощным контейнирующим влиянием, поскольку ведет также к гармонии противоположностей, таких, как разум и тело — именно этого не хватает в комплексе слияния на уровне мышления. Тогда творческие идеи могут проявляться в пространстве и времени. Более глубокие уровни несовместимых противоположностей все еще имеют влияние, работая против этой гармонии, но больше не отрицая ее полностью.

Филипп начал испытывать чувство радости. Он знал ее и раньше на краткие мгновения, но сейчас она присутствовала в большей степени, и было прекрасно это видеть. Хотя занятия живописью все еще были крайне затруднены, а выполнение заказов откладывалось годами, потому что он не мог писать настолько долго, насколько требовалось — все же его способность писать долгое время начала возвращаться к нему, и это началось с приезда к нему сестры. Когда она была с ним, он мог писать лучше; более того, она заложила важный ритуал. Филипп должен был поставить таймер и писать в течение сорока пяти минут. Затем другие часы отмеряли пятнадцать минут на отдых. Этот ритуал и присутствие его сестры позволяли ему писать почти целый день.

Его сестра начала появляться в снах как положительная женская фигура, она вела его в гору или подбадривала его пройти по трудно-

му пути, а не избрать соблазнительную легкую тропу. В таких снах его сестра часто противостояла матери, которая хотела, чтобы он выбрал путь меньшего сопротивления и «вернулся в сад».

На фоне этого развития творчество Филиппа сделало скачок вперед. Он начал видеть мандалу мысленным взором и в сновидениях. Никогда раньше у него не было подобного опыта, и вместе с ним открылся поток творческой энергии, побудив Филиппа вылепить образ мандалы и ощутить, что содержание его живописных работ стало глубже.

Этот взрыв энергии, возможно, стал знаком того, что придет позже, но вскоре уменьшился. Хотя живопись стала даваться легче, чем до приезда сестры, он все еще выдерживал лишь три часа у мольберта в день. Такие прогрессивные и регрессивные периоды всегда являются частью продвижения через комплекс слияния и прочь от его контроля.

* * *

Комплекс слияния может контролировать человека столь мощно, что часто никакого количества внутренних образов или нуминозности самой по себе недостаточно, чтобы переломить его смертельную хватку. Человеку нужны также внешние отношения, «объектные отношения», в которых он будет чувствовать себя увиденным и желанным. Похоже, что все страдания Филиппа были частью его индивидуации, и, несомненно, его творческие способности углубились. Однако способность воплощать их стала более стабильной и прочной, лишь когда его пригласили выставиться в одной из самых престижных в мире галерей. Эти новые «объектные отношения» позволили течь его энергиям[100]. Филипп, наконец, смог пережить в реальном пространстве и времени возрождение своей творческой жизни, и на уровне, много превосходящем все, чего он достигал ранее.

Впрочем, никогда не стоит ждать чудесных исцелений или великих успехов в аналитической работе. Эти упования могут работать против таинства жизни— хотя Филиппу с головой хватило его доли в этом таинстве, и он с радостью успокоился бы в отношениях, которые несли бы ему комфорт и сопричастность и закончили бы его адское одиночество.

Радость Филиппа никогда не покидала его, но его одиночество было ужасно болезненным. Временами он все еще находил «ле-

карство» в марихуане и безопасность в фантазии, поскольку часто ему слишком тяжело было выносить его комплекс слияния.

После того, как ослабла мертвая хватка в отношении живописи, комплекс продемонстрировал свою меркурианскую природу и передвинулся на отношения, проявляясь, как характерная тяга к другому наряду с равно сильным страхом быть отвергнутым, что вместе делало Филиппа пассивным и парализованным. Все больше картин было закончено и продано, все больше приходило заказов на скульптуры. Но его мучения не прекращались. Он мог полностью согласиться, но не утешиться старинным пассажем о том, что одиночество — принцип индивидуации. Однако ему хватало веры в то, что он находится в процессе индивидуации, и что у него своя судьба, которой он должен следовать.

* * *

Редко когда можно предсказать перемены. Возможно, лучшее, что мы можем сделать, это, так сказать, накрыть на стол, приготовить все необходимые ингредиенты и ждать, пока самость не появится своим собственным вневременным способом. В течение всех этих лет мы обнаруживали и исследовали ключевые аспекты комплекса слияния Филиппа — мучения оппозиции слияния-дистанцирования; крайний нарциссизм, ярость и страх; чрезмерные и потаенные фантазии; безумие и поврежденное инкорпорированным материнским сумасшествием тонкое тело; формирование суррогатных кож; уничижающие состояния презрения к самому себе, стыда и резкой потери энергии.

Одного существенного компонента недоставало: хтонического измерения. Хтоническим является то, что «принадлежит или относится к подземному миру», как хтонические божества наподобие греческого Аида или Дионисия. Психологически это относится к особенно сильным аспектам человеческой тени, без которой способность желать, «Я хочу» как состояние, не всегда санкционированное духовными или коллективными ценностями, редко появляется в жизни человека. А когда оно появляется, то Проявляется в компульсивных, безумных формах, которые обычно деструктивны, а не созидательны, в своей ломке границ. Однако без хтонического измерения в качестве ощутимого «сотоварища»[101] это редко хватает силы отпустить в бессознательное душу, захваченную в ловушку (часто это принимает образ ре-

бенка, охваченного ужасом и глубокой инерцией) и, таким образом, положить конец чарам, от которых душа страдает, но одновременно и оказывает влияние на всю личность. (Существенная роль хтонического измерения в разрешении комплекса слияния будет видна в следующей главе, особенно в анализе «Гамлета», поскольку Гамлету недостает хтонического измерения, заметного в фигуре его «противоположности», в дяде Клавдии).

Я уже отмечал, что аналитик должен подчас задействовать хтоническое измерение — путем намеренного «освоения» поля и встречи с колебаниями безумия (Глава вторая). Намеренно проникая в поле, аналитик ломает инцестуозный барьер на вступление в бессознательное. Как таковое, его действие может обуздывать не только сопротивление анализируемого покинуть «безопасную территорию» знакомого поведения и мыслей, но также и силу табу[102].

Филипп вступил в еще один цикл употребления марихуаны, теперь уже на необычно долгий промежуток времени. Однако внутри него назревало нечто, что ощущалось нами обоими как новое. Такие перемены трудно описать, поскольку пока продолжалось употребление наркотиков, хотя и спорадическое, можно было вполне задаться вопросом, а насколько глубока трансформация? Однако разница просматривалась на ощупь, это было что-то, похожее на духовное изменение, в котором он принимал свое состояние, но не так уж идентифицировался с ним. Кроме того, намерение Филиппа и дальше углублять свою медитативную практику все возрастало. Его вера в то, что энергия для занятий живописью вернется к нему в более полной мере, тоже приобрела большую четкость и решимость, и он выказывал поразительную свободу от беспокойства по поводу утраты самого ценного в жизни.

После пятимесячного периода, во время которого Филипп не запоминал снов, ему приснилось:

> «Я вхожу в ваш дом. Он белый, одноэтажный, окруженный садами. «Можно мне погостить здесь?» — спрашиваю я вас, и вы говорите: «Конечно, но мне надо уехать на несколько недель». По дороге к машине вы даете мне бутылку красного вина. Затем приходят трое мужчин. Они как будто знают меня. Это молодые хулиганы. Я не хочу, чтобы они были там, но они намереваются остаться. Они говорят, мы можем вместе распить вино».

Вхождение в мой дом во сне и жизнь в нем без меня, по-видимому, означала, что Филипп смог уже справиться со своей независимостью. Кроме того, он мог «вобрать» хтонические энергии, представленные «хулиганами» — его теневой стороной, от которой он отрекся, и которая столь сильно отличалась от его достойной и высококультурной природы.

Этот сон стал кульминацией процесса, посредством которого индивидуация Филиппа кристаллизовалась, а его желание и способность писать вернулись к нему. В течение десяти лет он был не в состоянии справиться с длительным усилием, которого требовала его живопись. В течение этого времени он рад был любым посетителям или телефонным звонкам — чему угодно, лишь бы не ужас холста! Но не теперь. Филипп избегал любого вмешательства в свою сосредоточенность. Сейчас он мог писать по двенадцать-четырнадцать часов день с большой интенсивностью. Более того, творческие перемены, которые долго зрели внутри него, и.были доступны лишь нечасто, сейчас оказались достижимыми. Невиданная дотоле сила явно появилась с теми фигурами из сновидения, которые тоже хотели вина, хмельной страсти творчества. Филипп писал лучше, чем когда бы то ни было.

* * *

Есть прекрасный текст из египетских пирамид, относящийся к 2500 году до РХ, который описывает появление души из хаоса и **небытия:**

> **Я та душа с ликом простертым**
> **Что тянет голову вперед, себя освобождая, уносит себя Когда делание того, что должно было быть сделано, все еще пребывало в смятении,**
> **Когда делание и повеление того, что должно было быть сделано, еще пребывало во сне**
> **Я сотворила и я повелела ему, тому, кто повелевает благом**
> **Губы мои Друзья-Близнецы Я — великое Слово**
> **Я искупитель — и буду искуплена, и буду искуплена**
> **Ото зла[103].**

Это магическое заклинание, которому четыре с половиною тысяч лет, некая разновидность самогипноза, настраивающая на' верную позицию идентификации с духом-Творцом перед лицом власти хаоса. Современная психология будет описывать эту пустоту, бездну или хаос как психоз, но египетская и другие древние культуры знали, что это великая тайна и обычно обозначали ее как негативную сторону Великой Богини. Более того, современные подходы, особенно когда речь идет о раннем младенчестве, склоняются к тому, чтобы видеть источник упорядочения хаоса в материнской способности к воображению или, как это часто называется, в материнских мечтаниях Древние, до-научные традиции тоже считали, что источник порядка, едва ли не в первую очередь, исходит от собственных врожденных ресурсов субъекта.

Таким образом, комплекс слияния был ритуалом перехода через психотическую тревогу прошлого Филиппа, и, возможно, коллективного прошлого тоже, поскольку мы никогда не знаем, насколько «личное» или «архетипическое», в самом деле, это путешествие к новому чувству самости. Обновление творческой жизни Филиппа было архетипическим, акаузальным процессом, сочетавшимся с формированием объектных отношений. Его глубокая погруженность в «темную ночь души», в конце концов, продемонстрировала стабильное изменение, «осветление» и обновление. Принимая во внимание его страдания, это казалось ничем иным, как чудом — которое, как Филипп знал, никогда бы не произошло без процесса, который он перенес, и в котором он столь сильно углубил свою веру, сознание и духовную практику.

12. По ту сторону самости

Обращая свое внимание на более широкий культурный контекст, мы должны вспомнить, что комплекс слияния проявляется из поля, лежащего в его основе. Подобно частице в физике, комплекс слияния является активизированной точкой поля слияния, в котором содержится как фузионная тяга к недифференцированному состоянию единичности, так и одновременный импульс к сепарации и дифференциации качества парности.

Поле слияния активизируется, когда культура больше не адаптирована должным образом к коллективным потребностям и, стало быть, должна переменить свои ведущие ценности и сознание. Необходимым переменам обычно противостоят существующие власти — символически эта оппозиция часто принимает форму «старого короля» — и в результате комплекс слияния оказывается широко, распространенным среди представителей культуры. Всякий раз, когда индивидуация предъявляет новые требования к сознанию и к новым отношениям с самостью, комплекс слияния вновь поднимает голову из активизированного фузионного поля.

Для того, чтобы дальше рассматривать вопрос самости и ее перехода через комплекс слияния, давайте сначала вернемся к тем историческим временам, когда самости не существовало[104]. Ибо такие времена не только были, но и, по историческим меркам, являются на удивление недавними.

Первые шевеления самости отмечаются в ренессансной алхимии, стремившейся создать ляпис *(lapis)*, «камень мудрецов», стабильную связь с трансцендентной, нуминозной реальностью. Ляпис создавался из «первичной материи», и природа это-

го вещества была великой тайной, просто потому, что ее трудно описать. Открытие Юнга о том, что миф об Аттисе и Кибеле и был первичной материей (prima materia), является одним из его величайших прозрений в постижении алхимической мысли[105].

Алхимики говорили, что, чтобы произвести золото, нужно золото; и с помощью духовного золота озарения, порождающего «подлинное воображение» (различая его от намеренных фантазий, или «ложного воображения»), они так взаимодействовали со своими «субстанциями» (а внутренне — с ошеломляющей природой динамики Аттиса-Кибелы, включая ее безумие), что могло быть сотворено нечто новое, *ляпис.* Веря в то, что воображение было частью процесса трансформации, они изучали субстанции в своей реторте, или сосуде, и переживали спонтанные видения процесса, время от времени погружаясь в весьма хаотичные состояния, известные как *нигредо (nigredo).* Этот столь далекий от современного научного подхода целеустремленный поиск стабильной связи с нуминозной реальностью был глубоко и намеренно субъективным продуктом алхимического воображения как духовного огня, неотрывной части опуса трансформации субстанций, как физических, так и психических.

Шекспир творил в период расцвета Ренессансной алхимии, и его произведения отражают те же самые бессознательные стремления его времени[106]. Манифестация «само-сознающего» индивидуума, одного из аспектов *ляписа,* а также мучения и страдания, сопровождающие ее, можно увидеть в его шедевре, в «Гамлете». Литературный критик Гарольд Блюм предполагает, что Гамлет был «первичным истоком романтического самосознания»[107]. Исследователь Шекспира Марджори Гарбер называет Гамлета «зеркалом, которое писатели, философы и критики последующих времен выставляют перед человеческой природой»[108] и описывает его историю как «конфронтацию с сознанием»[109]. Борьба Гамлета всегда с нами, хотя мы можем избегать ее, если поступаем автоматически, в соответствии с коллективными стандартами, а не признаем, подобно Колриджу в его знаменитом замечании, что «У меня у самого привкус Гамлета, если я могу позволить себе так выразиться»[110].

Неугасающий интерес к шедевру Шекспира, преодолевающий века и национальности, несомненно, указывает на существование вечного, архетипического паттерна в этой пьесе. Воз-

можно, благодаря совершенному изображению Шекспиром этой архетипической борьбы только к Библии написано на английском языке больше комментариев, чем к *«Гамлету».* На протяжении истории *«Гамлет»* породил самые непостижимо различные прочтения.[111] Я решил добавить еще одно: я предполагаю, что архетипический паттерн в *«Гамлете»*— это история о новой структуре самости, проявляющейся в мучениях, порожденных комплексом слияния.

* * *

По мере того, как новая форма сознания пытается всплыть на поверхность нашей коллективной психики, ей противостоит тирания не менее безжалостная, чем это было в коллективном мире «Гамлета». Эксперт по Шекспиру Майкл Нейл в своем эссе *«Гамлет: современный взгляд»* поясняет:

> «Монархия королевы Елизаветы I поддерживалась интенсивной сетью шпионов и информаторов. И в самом деле, на одном из портретов Елизавета изображена в костюме, аллегорически расшитом глазами и ушами... Позади столь тщательно возводимой королем Клавдием (дядей Гамлета, убийцей его отца) публичного фарса с показным теплом, великодушием и видимостью открытого правления, жизни королевских субъектов подвержены нещадным дознаниям...За всеми подслушивают[112]».

Задача Гамлета лежит в том, чтобы смотреть сквозь маску доброжелательства и заботы его дяди и прожить свое героическое путешествие, пока властвует негативный архетипический образ Темной Богини (глаз был самой ранней формой Богини-матери, которая, как в древнеегипетском мифе, разрушала все, что видела[113]). Позитивной женственности в помощь ему немного; безжалостный нарциссизм Гамлета и его желание разъединенности вносят свой вклад в гибель Офелии, тогда как его глубоко инцестуозная спутанность с матерью, Гертрудой, доминирует в его отношениях с женственным.

Проблема интеграции женских качеств — позитивных ценностей близости, нерационального или лунного взгляда и Эроса; а также негативных или теневых качеств, таких, как деструктивное видение и угрозы покинутости — центральна для тех трудностей, что сопряжены с проявлением самости, а если

говорить в алхимических терминах эпохи Ренессанса — *ляписа.* В этом часто видят и центральную тему «Гамлета». «Женское сексуальное желание есть, по мнению Гамлета, и, стало быть, по мнению множества влиятельных критиков пьесы, нечто выходящее из-под контроля. Оно ведет к браку или сумасшествию — к безумным песням Офелии, столь тревожно эротичным...»[114]. Но средоточие трудностей Гамлета с женственным во фрейдовском понимании и его неспособности к действию лежит, если следовать Эрнсту Джонсу, не в конфликте, основывающемся на латентном желании обладать матерью[115]. Во фрейдистских терминах конфликт этот «до-эдиповый»; он лежит в архетипической драме Аттиса и Кибелы. Дилемма Гамлета гораздо глубже и более универсальна, чем его эдипов комплекс.

Гамлет — это герой, который пытается зародить новое сознание, и его путешествие во многом похоже на историю Аттиса и его слияние с Кибелой, тогда как смерть Офелии совпадает со структурой смерти нимфы Сагаритис. И если миф об Аттисе-Кибеле с его тремя персонажами показывает структуру «отсутствующего четвертого»[116], то Шекспир четвертого добавил, введя злого Клавдия, убившего благого короля, отца Гамлета. Шекспир понимал, что этот темный, хтонический Клавдий — «противоположность Гамлета»[117], и есть отец в его воплощенной, хтонической роли, тот, кто необходим для успешного прохождения через комплекс слияния. Если проводить параллель дальше, то безумие Гамлета, столь по-разному понимаемое комментаторами на протяжении веков — то как ухищрение, то как что-то неподдельное[118] — тоже можно рассмотреть как аналог безумия Аттиса.

Знаком ли был Шекспир с мифом об Аттисе и Кибеле, изложенным в «Фастах» Овидия? По крайней мере, он знал овидиевы «Метаморфозы», где он мог прочесть миф о Венере и Адонисе, историю о сыне-любовнике, об ужасной гибели сына от дикого вепря, посвященного богине. По-видимому, Шекспир особенно тщательно работал над своей поэмой «Венера и Адонис»[119], преданием, столь много общего имевшим с историей об Аттисе и Кибеле. Он также был знаком и с «Энеидой»[120] Вергилия, в которой Кибела помогала Энею, одному из *галлов* — тех последователей культа Кибелы, кто был кастрирован и через это обрел ее покровительство.

Утверждается, что «Гамлет» восходит к утраченной драме об отмщении — «Испанской трагедии»Томаса Кида[121], но эта возможная атрибуция не должна замещать равно значимый «источник» — собственное воображение и бессознательную психику самого Шекспира. Каковы бы ни были источники Гамлета, Шекспир тщательно переработал любые предшествующие формы. Особенно подчеркивая «спутанную внутреннюю жизнь героя»,[122] драматург продемонстрировал тему наличия этого внутреннего мира и самосознания, которое более полно разовьется в семнадцатом веке.

Нейл пишет:

> «Гамлет обосновывает свою претензию на целостность концепцией о том, что подлинное чувство никогда не может быть выражено: только «то,... что ускользает от внимания» может быть лишено привкуса лицемерия, «актерства». Словно бы в этом мире безжалостного наблюдения самость может выжить только как рьяно охраняемый секрет, нечто, ценимое за сам факт скрытости и непроницаемости»[123].

Внутренний мир Гамлета остается приватным; он так и не вступает в реальность пространства-времени, но живет лишь в его монологах. Нейл продолжает:

> «Монолог— это царство нон-коммуникации, тюрьма и крепость, в которой говорящий безрезультатно бьется головой о стены своей клетки. Так, в монологе в конце второго акта он упрекает сам себя за безмолвие — немую бездейственность «ротозея», который, в отличие от актера «ничего сказать не в силах» — и в то же самое время высмеивает себя в потоке пустых речей...» (II, ii, 545-546)[124]

Эта проблема, столь похожая на фантазию, как компенсация невозможности воплотить свое видение или понимание в реальном мире, во всем объеме проявляется, как мы во многом уже продемонстрировали, у тех, кто находится под воздействием комплекса слияния. Сознание Гамлета особенно обостряется в этом «промежуточном мире», и, что типично для комплекса слияния, он не может ни действовать, ни бездействовать. В знаменитом монологе «Быть или не быть» каждое движение, будь то навстречу бытию или навстречу деланию, встречается

со своей противоположностью, что «сбивает» любое осознание или рефлексию Гамлета, которые у него появляются.

Быть или не быть, — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть, -
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бренный шум,
Вот что сбивает нас... (III, 1, 58-70)

Гамлет наделен сознанием и пониманием человека «благородного разумом... похожим на некоего бога!»(II, ii, 293-296), но не может воплотить это в действии. Он не может оставаться со своим пониманием и верить ему — к примеру, столкнувшись с призраком своего отца, рассказавшим ему правду об убийстве, он постоянно спрашивает себя, верно ли то, о чем он узнал:

<...Дух, представший мне, Быть
может, был и дьявол... и возможно, Что,
так как я расслаблен и печален, -А над
такой душой он очень мощен, -Меня он в
гибель вводит. Мне нужна Верней опора.....»
(II, ii, 575-581)

Такие вопросы к самому себе кажутся не лишенными мудрости. Однако после пьесы внутри пьесы, которая точно доказывает вину дяди — по крайней мере, любому, наделенному *хтонической осознанностью,* тому, чье тело ведает правду — Гамлет вновь задается вопросами, сомневается в себе. Он слит с внутренними фантазиями, которые всегда приносят сомнения, но так же не способен ни на то, чтобы оставаться с ними — в

*** Здесь и далее цитаты из «Гамлета» приводятся в переводах М.Лозинского (прим.пер.)**

этом случае ему пришлось бы выстрадать и пережить свои глубокие инцестуозные желания, направленные на мать, Гертруду, — ни на то, чтобы расстаться с ними и действовать — в этом случае ему пришлось бы конфронтировать с Клавдием. То же самое, что мы находим и в комплексе слияния: Гамлет не способен сосредоточиться на своем бессознательном и исследовать его, и не способен сепарироваться от него.

Чего недостает Гамлету? Что позволило бы его великолепному потенциалу реализоваться? Как мы уже замечали, Шекспир сам нам об этом говорит, когда называет Клавдия противоположностью Гамлета (V, ii, 60-62). Клавдий действует. Он убивает того, кто встает на его пути, а затем действует, чтобы избавиться от Гамлета. Без хтонической силы Гамлет томится в комплексе слияния, а его невероятное новое сознание неспособно жить в актуальности. Таким образом, «Гамлет» во многом — предание о мужчине, терпящем неудачу в действии, потому что ему недостает «тьмы» для свершения поступка. Как и древний вечно живой миф об Аттисе и Кибеле, шедевр Шекспира демонстрирует необходимость этой тьмы в процессе актуализации[125].

Гамлет пребывает в такой же изоляции, как и любой, погруженный в комплекс слияния. «Он отделен от тех, кто его окружает, доступом к ...собственному дару слова: с ним он может «замкнуться в ореховой скорлупе и считать себя царем / бесконечного пространства[126]» (И, ii, 248-249). Внутреннее пространство Гамлета — изолированное пространство комплекса слияния, и его метафора «ореховой скорлупы» — это «суррогатная кожа», подминающая под себя, как мы с избытком уже видели, необходимость в контейнировании комплекса слияния[127].

Его внутренний мир еще больше спрятан внутри его безумия. Мир, в котором существовал «Гамлет» — двор Клавдия и Гертруды, олицетворявший коллективное сознание того времени — был настолько вероломен и опасен, что новое понимание, символизируемое Гамлетом, могло оставаться лишь потенциальным.

Что типично для комплекса слияния,

> «Гамлет показывает свою способность и к инстинктивному насилию и к хладнокровной расчетливости, но в своем поведении он чисто реактивен. Другими словами, он кажется странным

образом парализованным собственным успехом— состояние, отраженное в сцене молитвы (III, iii.73-96), в которой он стоит позади коленопреклоненного Клавдия с обнаженным мечом, «безразличный к своей воле и причине», словно застывший мститель»[128].

В конце всем заправляет катастрофа: Гамлет, символ потенциально осознающего себя мужчины, умирает, как и все основные действующие лица пьесы. Переход к новой самости через комплекс слияния не удается, терпя крушение из-за безумия, ярости, фантазии и неспособности воплощать в действие то, что, как известно, является правдой. Темные, хтонические силы, которые были бы ассимилированы в этом действии, лишь превращаются в негативные. Почти две сотни лет должны пройти до того, как самосознание, олицетворенное Гамлетом, воплотится в существование в пространстве и времени.

* * *

«Само-сознающая» личность как общий, культурно признанный факт, замешивалась в семнадцатом столетии. Историк идей Ланселот Лоу Уайт говорит нам: «В английском языке «сознательный» (conscious) в значении «внутренне чувствительный или понимающий» появляется впервые в 1678, а «самосознание» или «осознанность собственных мыслей» в 1690»[129]. Рационально-перспективное понимание родилось из магических и мифологических форм сознания, в которых осознавание индивидуума было, по сути, групповым. Поэтому с рождением нового понимания осознающий себя человек тоже только начал появляться. Однако понятие индивидуальноой самости как идеала, имеющего коллективный резонанс, не укоренилось вплоть до конца восемнадцатого столетия.[130]

Что удивительно в этом развитии, так это не только позднее появление индивидуальной самосознающей личности как цели, которой нужно достичь и как ценности, не требующей доказательств, но и форма, которую этот процесс приобрел. Например, историк Дрор Уорман в «Изготовлении современной самости» остроумно размышляет о том факте, что примерно до 1780 года понятие о женском и «женской власти» отражалось в популярных образах улья и пчелиной матки. Можно обнаружить такие метафоры, как «блистательная правительница» и «воинс-

твенная королева» или «дама-амазонка» (например, в трактате о пчелах Джозефа Уордера 1713 года, который автор посвятил королеве Анне). Книга Уордера называлась *«Истинная амазонка»,* и созданный им образ пчелы олицетворял популярную для почти всего восемнадцатого столетия мысль. Противопоставляя немощных трутней воинственным амазонкам в обществе улья, Уордер отразил в своем образе символизм принятых на ту пору идей о королеве как о «сильной и твердой правительнице, требующей абсолютной и непоколебимой преданности... воинственной Дамы во главе женского государства»[131].

К концу восемнадцатого века популярные образы изменились, указывая на изменение образов самости в бессознательном. О королеве больше не писали как об амазонке или как о воинственной даме; вместо того она превратилась в «мать для своего народа»[132], которая ценилась только за ее яйца. Трутни

> «[тоже] стали предметом более творческого преображения образов, превратившись из изнеженных дегенератов, достойных своей позорной судьбы и не имеющих пола,... в жертвующих собой альтруистов, прячущих свою подлинную мужественность для общего блага общины... и в недооцененное миниатюрное изображение заботливого отцовства»[133].

Когда-то яростная, правящая амазонская королева была сведена к крайне мирному существованию без жала и без военной доблести[134] — и полнота феминной природы была утрачена для проявляющейся сознательной самости. Подобная радикальная смена образности была убедительной метафорой коллективных установок по отношению к женской власти, изменившихся ближе к концу восемнадцатого столетия. К 1780-м гг. женщина уже больше не признавалась имеющей «противоположный пол» потенциальной силой, воинственной и могущественной; вместо того она полностью определялась материнскими обязанностями, поскольку, как мы будем обсуждать ниже, возникающее сознание того времени не могло интегрировать полный спектр феминных энергий.

Еще один замечательный пример культурных изменений в конце восемнадцатого века, породивший самоосознающую личность, можно увидеть в актерском искусстве. Уорман объясняет, что до той поры играть означало становиться персона-

жем. Никоим образом это не был вопрос о расщеплении сознания между Я и другим; актер должен был полностью *заменить* собственную идентичность тем персонажем, которого он играл. В эссе 1743 года мы читаем, что хороший актер «настолько становится той *личностью,* которую он представляет, что мы и думать перестаем о *театре,* а он для *нас* и *для себя самого становится* тем, кем другой актер может только *казаться»*[135].

Хороший актер теряет себя в своих ролях. Один комментатор сравнивал хорошего актера с «жрицей Дельфийского бога, которая, как только восходила на священный треножник, становилась одержимой, и ликом и манерами становилась не собою, но священным оракулом»[136].

«Таинственный» процесс метаморфоз актера стал источником беспокойств в конце 1700-х гг., когда возникли вопросы, действительно ли актер становится персонажем, которого играет, путем «замещения идентичности» или вместо того имеет место «расщепление личности». По мере приближения последних десятилетий века стали говорить, что актер не «замещает», а лишь «до определенной степени» принимает идентичность персонажа, которого играет[137]. Происходил решающий поворот к объективности, и акт «замещения» резко упал в цене.

Несмотря на то, что на протяжении истории встречались фигуры, обладавшие индивидуальностью, например, Александр Македонский или египетский фараон Тутанхамон, никогда ранее в истории не было времени, когда эта индивидуальность резонировала с коллективным сознанием и становилась бы целью для каждого[138]. Появляющаяся структура самости, формирующая основу такой индивидуальности, сильно увеличила ценность сепарации по сравнению со слиянием, и редуцировала женское до материнских функций. Почему же сознательное Я пошло по такому пути развития?

Для того, чтобы индивидуальная личность проявилась полностью, как это случилось к концу восемнадцатого столетия, человеческое сознание должно было пройти через испытания комплекса слияния. Должно было произойти развитие в сторону рационального эго как носителя идентичности и в сторону обретения способности дифференцировать субъект и объект, в отличие от слияния, прежде чем мог фактически выкристаллизоваться, а не оставаться фантастической и ускользающей це-

лью, волшебный алхимический процесс, в котором оппозиции соединяются и проявляются в новых формах порядка. Героическая установка, с помощью которой из беспорядка создается порядок, и существует субъект-объектное сознание, сначала должна обрести устойчивость, прежде чем эго, способное выстрадать и оставить героическую власть ментального творения, сможет, как в нашу эпоху, вновь вернуться к задаче работы над prima materia мифа об Аттисе и Кибеле.

То, что выживает в переходе через комплекс слияния, редко или никогда не достигает целостности алхимического представления. Сложности и темноты процесса, посредством которого алхимики Ренессанса искали качественных изменений «материи» (психической и физической), проходящей трансформацию (особенно через намеренное погружение алхимика в его эксперимент, что стимулировало трансформирующую силу воображения), оказались несовместимыми с рационально-перспективным пониманием, которое только-только кристаллизовалось.[139] Таким образом, в угоду потребности в развитии рационально-перспективной формы сознания, глубинные процессы, связанные с мифом об Аттисе и Кибеле и с формированием в них структуры самости, символизируемой *ляписом* — процессы, включающие в себя феминность, хаос и амбивалентность алхимического бога Меркурия[140] — были по большей части исключены из сознательной мысли и радикальным образом заменены на знаменитую максиму Декарта: «Мыслю, стало быть, существую».

То, что утвердилось в конце концов, было лишь фрагментом структуры самости, предвещенной *ляписом.* Вместо того, чтобы вобрать в себя воплощенные хтонические формы как маскулинного, так и феминного существа, в сочетании причинного и акаузального подходов к дешифровке значения и со способностью самообновляться через взаимодействие порядка и смуты в пространстве, за пределами трехмерности, самость, которая *пережила* переход через комплекс слияния, оказалась полностью рациональной, обособленной, лишенной воплощения и пространственно находящейся «внутри» человека.

Ляпис так и не был сотворен, насколько нам это известно, так же как и золото не было создано из свинца. *Ляпис* был творческой фантазией, во многом подобной творческому импульсу, который, когда, наконец, получает жизнь в пространстве и времени, оказы-

вается лишь малым отражением большего образа. В этом переходе через комплекс слияния алхимическая *prima materia* поддалась эго с его рационально-дискурсивным сознанием, отчуждением феминного по причине его хрупкости перед лицом фузионных полей и отрицанием своей собственной темной, беспорядочной тени. Это отрицание и подавление были необходимы для того, чтобы эго возникло как стабильная сущность.

Но *ляпис* — нечто гораздо большее, чем эго, как центр сознания. Что же произошло с гораздо более глубоким чувством самости, внутренней реальностью, известной как дух-наставник? Состоялось ли ее прибытие? Есть ли хоть какой-нибудь коллективный резонанс?

В алхимической фантазии эта самость обладала бы телом и инстинктивной жизнью в той же степени, как и духовной. И самость, сотворенная как *ляпис,* существовала бы в виде стабильного центра посреди всех волнений соматическо-эмоциональной жизни.

Я думаю, что мы находимся в той точке истории, когда некоторые люди или уже обладают осознанием подобной самости, или знают, что они на пути к ней. Идея Юнга о процессе индивидуации, в котором центр гравитации психической жизни сдвигается от эго к самости — это лучший пример того, как эта тенденция проявляется в человеческой психике. Обычно воплощение этого процесса — редкость, поскольку он наталкивается на комплекс слияния и сложности в сохранении осознанной внутренней самости внутри фузионной тяги к телу и инстинктивным процессам — как собственным, так и чужим. Взаимное поле как контейнер и средство взаимодействия при сохранении отдельных идентичностей может быть способом размышления о более полной реализации аспектов *ляписа* в том виде, в каком он может существовать в наше историческое время.

Так же как отдельный индивидуум— относительно недавняя возможность для человечества, но предвестники его наблюдались даже тысячи лет назад, так и индивидуум, сознательно центрированный в самости, не являющейся ни внутренней, ни внешней, сегодня существует, но еще не имеет коллективного резонанса. Если что и есть, так это противоположное движение к фундаментализму и образам богов предыдущего тысячелетия; Как алхимики, которые верили, что создание *ляписа* сначала

требует нуминозного переживания Бога, возможно, и ныне человечество возвращается к нуминозному в форме фундаментализма, прежде чем сотворение самости сможет стать более широкой возможностью.

Чтобы центрироваться в самости, нужно пережить сепарацию от других и от потребности к слиянию. Это движение всегда сопряжено с тревогой оставленности или со страхами зависти. Возможно, мы сегодня находимся на этой стадии, на пути индивидуации. Но когда движение уже запущено, целый ряд алхимических фантазий о взаимных полях, темные, смутные процессы, тело и глубокие мистерии отношений начинают становиться чем-то большим, чем просто абстракциями. Скорее, они становятся видениями, которые мы стремимся реализовать.

* * *

Теперь рациональное эго существует как коллективный факт, больше это не царство нескольких выдающихся личностей, но факт нашей западной цивилизации — да и восточной цивилизации тоже — образ жизни, изучаемый и моделируемый повсюду. Сильные и слабые эго существуют во всем спектре вариантов, но сознание, которое разделяет мир на части, пренебрегает одними ради других и, начиная с Декарта, создает науку, отделенную от любого божественного соотнесения или цели, и поныне отстаивает свои, позиции. Его мощь, столь навязчиво заметная в быстрой экспансии технологий, плодящих еще большее количество технологий, в течение долгого времени была разрушающей душу теневой стороной, и, возможно, именно поэтому в наше время переоценки всех форм сознания и знания, возможность объективности, отношения между культурой и наукой, мужчинами и женщинами, и сама структура сознания, эго, самости — все это находится в процессе изменения. Как появление рационально-дискурсивного сознания и связанного с ним чувства идентичности было историей Гамлета, так, мы надеемся, те же муки инициируют появление новой самости и сопутствующего ей нашего собственного сознания,

В этом контексте замечание Юнга о том, что: «Я давно считал, что наша духовная ситуация сейчас находится под влиянием наплыва восточного духа... аналогично духовным переменам, наблюдавшимся в Риме в первом веке нашей эры, по мере

того как культ Аттиса и Кибелы распространялся по всей Римской Империи», [141] — особенно убедительно. Прошло две тысячи лет с тех пор, как Кибела была ввезена в Рим по велению оракула, и четыреста лет с поры Гамлета и алхимии Ренессанса, но только сейчас человечество может оказаться готовым для великих испытаний, к которым пытались обратиться эти более ранние исторические эпохи. Ставки на успех или неудачу не могут быть выше.

Возможно, конец правления власти «знаний» и решения проблем рационально-дискурсивными средствами был предопределен событиями 11 сентября 2001 года. Архетипический уровень, хотя и способен травматизировать индивида, как в этой катастрофе, может оказаться способом создания общей основы человеческого опыта, чувства сродства.

Когда-то давно, в 60-е годы, поэт Ален Гинзберг принял участие в демонстрации против мадам Нху, вьетнамской «Драконовой Леди». Транспарант, который он нес, гласил: «Мадам Нху и Хо Ши Мин — в одной кровавой лодке». После 11 сентября на некоторое время все мы оказались в той же «кровавой лодке», что и остальная часть страдающего, травмированного человечества. Джордж Буш и Осама бен Ладен — в одной кровавой лодке. Мы все в этой лодке, и доподлинно узнать и прочувствовать эту мистерию значит принести в жертву идентификацию с сепарационным, агрессивным импульсом, который всегда найдет внешнего врага для нападения. Это чувство сродства было даром темной стороны Бога, феминной, темной нуминозности. Таково было ощущение многих людей 11 сентября.

И этот дар был быстро промотан. Вместо того, чтобы дать себе время отрефлексировать и выстрадать это, Америка ринулась вперед. Доминировал дух нападения и возмездия, и проявилось это позднее в образах президента, заявляющего о победе с взлетно-посадочной палубы авианосца или позирующего на фоне партизанских атак на наши войска в Ираке, дразнящего врага подростковым лозунгом «Заведи их!». Возможность коллективно почувствовать себя в одной «кровавой лодке» и шанс на причащение страдающему миру, были утрачены. Мы атаковали. Мы нашли врага. Дух регресса к старым героическим

*** Madame Nhu and Ho Chi Minh are in the same boat of meat (англ.)**

формам— точно противоположен способности переживать и претерпевать ограничения.

Иногда я задаюсь вопросом: может быть, те семь минут, в течение которых Джордж Буш ничего не делал, но тихо сидел с книгой на коленях, читая вместе с маленькой девочкой, не отвечая референту, только что известившему его об атаках, запомнятся, как момент самых больших возможностей президентства? Был ли он в эти мгновения пойман в ловушку комплекса слияния, не способный ни к действию, ни к бездействию? И после этого средства и власть рационального эго взревели на самых высоких оборотах. Сама возможность высшей, духовной рефлексии и вопросы о человеческих отношениях ушли в небытие, поскольку дух нуминозности был кооптирован влекомыми властью фантазиями о кампании «Шок и ужас».

Незадолго до трагических событий 11 сентября я только что начал обучающий курс занятий по работам Самюэля Беккета, начинавшийся с его романа «Моллой». Это произошло случайно; Беккет всегда был большим источником утешения для меня и для других. Он — мастер алхимического *нигредо* — отчаяния, хаоса или безумия, депрессии, тревоги. А сейчас мы несомненно находимся в переполняющем нас состоянии *нигредо*. Беккет играет с анти-мирами в хаотических, безумных состояниях ума, как мастер дзюдо, плывя вслед за ними, сплетая историю в поисках себя.

Беккет говорил, что его преобразило то, что когда он вернулся в Ирландию после Второй Мировой войны, он увидел свою мать, страдающую от болезни Паркинсона. Ее лицо, сказал он, было похоже на маску, неузнаваемо. И этот шок и трансформация породили великий прорыв его творчества: «Я понял, что все, что я писал прежде, было ложью... все, о чем я знал, тогда как единственная вещь, о которой я мог писать правдиво, была мне незнакома, я не чувствовал ее...»[142].

Наконец, Беккет смог написать то, что по его ощущениям было правдой, после темного видения, в котором он пережил, как он выразился, «насколько я совершенно глуп». Он написал свои величайшие работы с этой темной и ужасающей честностью. Осмелимся ли мы сейчас почувствовать собственную глупость? Как говорит один из персонажей Беккета в «Невыра-

зимом»: «Я не знаю, я никогда не буду знать, в молчании ты не знаешь, ты должен продолжать, я не могу продолжать, я продолжу». Мы пытаемся знать, понимать, искать в жизни смысл, видеть паттерны.., и в этом всем знать, что мы невежественны.

В позиции Беккета можно увидеть анти-героя перед лицом темного лика хаоса. Не власть, но покорность невежеству — сознательная покорность, а не пассивный побег в фантазию — правит страданием Беккета. Эта позиция признает тот факт, что человек должен страдать сознательно, а не надувать себя путем диссоциации или уничтожением предполагаемого источника ужаса. Такие агрессивные героические усилия тоже могут быть необходимыми, но не ценой безумия, полной утраты чувства пределов и не за счет инфляции своих способностей истреблять, а также и выживать.

Если у нас хватит мужества сознательно выстрадать травму терроризма и 11 сентября, увидеть их как зеркало, как наше собственное лицо, а не .диссоциировать наши страхи и тревоги и только кидаться крушить их, и если нам достанет мужества вобрать в себя оппозиции комплекса слияния и быть ограниченными его безумием, тогда мы сможем достичь новой ориентации. Мы можем добиться самости, отличной ото всего, что мы знали, которая может провести нас через ужасающие времена, в которые мы живем. Активная, сознательная защита и сила также необходимы. Но сначала именно из хаоса, невежества и страха, а не из нашей силы, духовной веры и знания родится новое сознание и новый образ Я.

* * *

Когда оживает поле, ассоциирующееся с комплексом слияния, мы часто теряем сами границы, определяющие наше чувство Я. Патология ли это, которая должна быть предотвращена? Или это таинственный и дискретный сдвиг, подчеркивающий направление человеческого развития в нашу эру?

Содержит ли в себе проявляющаяся структура самости нашей эпохи свою собственную тьму — теневую сторону, не сводимую к человеческим действиям, — которая граничит со злом? Включает ли новая самость в себя феминное, и особенно — негативную нуминозность Темной Богини? И будет ли эта самость нести в себе также и то, чего все прежние структуры самости

усердно избегали — хаос, как в греческом *Apeiron?* Возможно, в самости есть все эти качественные изменения: это открыли исследования Юнга по феноменологии появляющейся самости,[143] но, кроме того, новая самость, вероятно, будет парадоксально найдена выходом за пределы самости.

Когда мы встречаемся с комплексом слияния, его поле стремится к аннигиляции различий между субъектом и объектом и редуцирует нашу субъективность к фантому, за который мы цепляемся, лишь все больше и больше теряя контакт с человеком, с которым, как нам кажется, мы должны быть вместе. И можно лишь задаваться вопросом, присутствуют ли в этом взаимодействии намеренность и сознательность, или в состояниях слияния заложена некая тайна, ускользающая от рефлексивного сознания, центрированного на собственной субъективности. В психоаналитически ориентированном мире все, что не есть сознание и его расширение — суть анафема. Сходным образом научный подход к жизни требует принципов, создающих порядок, и высоко ценит упорядочивающий потенциал субъект-объектных отношений.

Однако если субъект-объектное различение и расширение самосознания еще не слишком достижимы, должны ли мы бороться за них подобно мифологическому герою, побеждающему дракона бессознательного и безжалостные состояния слияния? Или мы должны пересмотреть возможные смыслы и цели встречи с комплексом слияния?

Когда речь идет о комплексе слияния, то наряду с трудами Юнга, хотя и совершенно по-иному, для меня важны работы литовского философа, талмудиста и психолога Эммануэля Левинаса. Это особенно касается его размышлений об ограниченности человеческой самости или, в его терминах, этической проблемы утверждения и определения нашего чувства бытия, обеспечения нашего существования, противопоставленного первичной важности рассмотрения духовных истоков другой личности.

Подобный акцент на первичности другого, а не индивидуальной самости, а на самом деле — этический императив бытия для другого — вот что характеризует труд жизни Левинаса. Он настаивает на исследовании трансцендентных мечтаний на предмет нахождения в Них мотивов власти, базисного интереса к собственному бытию, и на фактически катастрофических результатах этого. Он напоминает нам: «Аушвиц был осущест-

влен цивилизацией трансцендентального идеализма».[144] Юнг шокирует наши идеализированные представления о трансцендентном божестве своим утверждением, что «Богом всегда называется превосходящий все остальное психологический фактор. Стоит ему перестать быть таковым, и он делается просто именем. Мертва его сущность, ушла его сила».[145] Левинас идет дальше:

> «Ситуация, в которой задумываешься о Боге — не момент чуда и не интерес к познанию тайны творения. Первична ли идея о творении? Шок божественного, разрыв имманентного порядка, который я могу вобрать, порядка, который я могу удержать мыслью, порядка, который может стать моим — вот лик другого»[146].

В этике Левинаса отношение к другому, видение Бога в лице другого (которое, несомненно, требует опыта прозрачности как части Гебсеровского аперспективного понимания) становится основной заботой.

Переживания комплекса слияния заставляют нас пересмотреть те способы, которыми исторически мы мыслили о другом. Я обращен лицом к лицу к моей анализируемой и чувствую, что суть моя уничтожается тем, что я ощущаю как безумие невозможных требований полностью существовать *для нее,* полностью забыть о своих чувствах, сознании и знаниях, полностью убрать в сторону свою самость. Но разве исцеление происходит не от взаимодействия самости аналитика с отсутствующей или беспорядочной самостью анализируемого?[147] Левинас категорически сказал бы — нет. И переживания комплекса слияния заставляют меня задаться вопросом, а не есть ли его мудрость большее мерило.

Поля, связанные с комплексом слияния, испытывая само чувство существования аналитика, создают такие болезненные условия, что зачастую задаешься вопросом, возможно ли сохранение хоть какого-либо подобия связи, или же коварность деструкции здесь столь велика (время от времени задумываешься даже о категории зла), что лучше закончить терапию? Имею ли я право это сделать? Имею ли я право сказать, что я не могу идти дальше, потому что не могу продолжать функционировать как аналитик? Это значит, что если я теряю чувство достаточного присутствия

Я, если мне не удается существовать, обеспечивая хоть минимальную степень рефлексии, а не отыгрывая вовне свои чувства, то есть ли у меня этическое право закончить терапию?[148]

Эти темы, встречающиеся на протяжении книги — к примеру, когда Наоми настаивала на том, чтобы я лишь повторял все, что она скажет, а я был нетерпим к этому требованию; и то уничижение, с которым я постоянно встречался в работе с ней; и множество приведенных мною примеров супружеского взаимодействия или взаимодействия «аналитик- анализируемый», когда балом правили невероятная боль и отсутствие коммуникации, и то один, то другой участник ничего уже больше не хотел, как только убраться подальше от липкости этой встречи — все это отражения неудач или почти что неудач связанности с другим, когда верх берет неистовый поиск себя.

Мартин Бубер говорил, что зло порождается всякий раз, когда упускается возможность для связи Я-Ты. Отвращение перед лицом уничижительных полей комплекса слияния стремится отрицать саму возможность Я-Ты соединения, в то время как подчинение полю и видение комплекса слияния не продуктом «другого лица» и не собственным порождением, но полевым качеством, под воздействием которого находятся оба и которое создает их взаимодействие, может обернуть уничижение в состояние союза, в *наше* уничижение. Даже то, что на первый взгляд может показаться полным отсутствием Я-Ты, отсутствием того, что ренессансные алхимики называли *конъюнкцией (coniunctio),* может обернуться святостью состояния союза между людьми. Так что же, ускользаем ли мы ото зла или фактически создаем его, замыкаясь в себе и испытывая отвращение к другому, не сумев зайти глубже, чем *слизь* уничижения и безумия?

Никто не бросает нам большего вызова, чем Левинас, в вопросе о том, до каких пределов мы позволяем себе погружаться в поле комплекса слияния. На самом деле, его примеры того, с чем нужно встретиться, часто отражают мучения комплекса слияния и полей слияния настолько глубоко, что я задаюсь вопросом, не формулировал ли он свои идеи, особенно в самой важной своей работе — *«Иначе чем Бытие»* — как раз исходя из тех же переживаний и после встречи с безумием. Он пишет: «Душа — это другой во мне. Психика, одна-для-другого, может быть одержимостью или психозом; душа— это уже семя глу-

поста»[149]. Фраза «семя глупости», которую Левинас употребляет на протяжении всей книги, говоря о психике, возможно, эвфемизм сумасшествия/психоза[150].

Требования, которые Левинас предъявляет к себе и другим, кажутся сумасшедшими. В одном из интервью Левинас говорит: «Другой проходит прежде меня; я для другого, а то, в чем другой видит обязанности по отношению ко мне, это его дело, не мое!» Интервьюирующая .восклицает: «Но это же безумное требование!», на что Левинас отвечает: «Безумное, да...»[151]

Я уклонялся от полей комплекса слияния, потому что иначе не мог. Я чувствовал опасность полной потери себя и фузионной тяги к анализируемому. Я не доверял другому. Левинас настаивал бы на том, что отсутствие доверия было этической неудачей, и, вполне возможно, так оно и было. Его вызов преследует меня, когда я смотрю на много десятков лет аналитической работы, в том числе на «сложные» случаи, которые, хотя их и было немного, привели меня на грань того, что я мог выносить. Он требует мужественного акта, опирающегося на веру в то, что «Мир с другим превосходит знания, а межличностные отношения первичны».[152] Этика, сказал бы он, это не зрелищный спорт. Скорее, это означает «опыт встречи с требованием, которому я не могу полностью отвечать, но которого не могу избежать».[153]

Колин Дэвис, толкуя работы Левинаса, говорит нам, что *«Иначе чем Бытие»* — причудливый и сложный текст».[154] Проза Левинаса настолько сложна и наполнена новыми терминами и разбивкой [по слогам] старых, что и сам автор называет эту работу странной. И в самом деле, Саймон Критчли, главная фигура Левинасовских штудий, утверждает: .«Еще не было сделано ни одной попытки оценить по достоинству странность *[«Иначе чем Бытие»]».*[155] Такие определения — причудливый, странный — знакомы нам из попыток расшифровать бессмысленность психотических состояний. Юнг однажды настаивал на том, что проза Гегеля настолько глубокомысленна, что патологична. Что бы он сказал о Левинасе?

И все же я вижу, что автор внедряется в то, что может показаться психотическим, потому что пытается описать уровень отношений, которые с любой рационально-дискурсивной точки зрения (заботящейся о субъект-объектной дифференциации или зависящей от внутреннего бытия, ориентира, который мы

называем самостью) уничтожают чувство Я и идентичности, но все же обладают возможным смыслом. Я читаю Левинаса, чувствуя, что автор будто погружен в глубины тех переживаний, которые испытывает человек, если комплекс слияния организует или дезорганизует четырехмерное пространство— пространство, подвластное восприятию двух людей и способное объять двоих.

Для Левинаса

> «*Субъект* есть [нечто] подчиненное, как было всегда, а форма, которую принимает его подчинение— это восприимчивость или чувствительность. Восприимчивость есть то, что Левинас называет «способом» своего подчинения. Это чувствительная уязвимость или пассивность по отношению к другому, которая имеет место быть «на поверхности кожи, на крае нервов».[156]

Всю главную феноменологическую суть *«Иначе чем Бытие»* можно увидеть в том, что Левинас называет «замещением»:

> «Для меня понятие замещения связано с понятием ответственности. Заместить собой не значит поставить себя на место другого человека, чтобы почувствовать то, что чувствует он; это не значит стать другим и, если тот нуждается и пребывает в отчаянии, не означает мужества, необходимого для такого испытания. Скорее, замещение приносит с собой успокоение посредством ассоциации себя с сущностной слабостью и конечностью другого. Это означает умение выдержать его перевес, жертвуя интересностью и благодушием бытия, которое тогда оборачивается ответственностью за другого».[157]

Какой долгий путь мы проделали от «замещения» середины восемнадцатого века, в котором стать другим было высшей доблестью. В промежутке между тем временем и современностью динамика комплекса слияния потребовала от нас отвергнуть подобное возможное состояние слияния с объектом, чтобы смогло развиться рациональное эго. С Левинасом появилось совершенно новое понятие замещения, требующее предварительного условия — самости, которая может быть принесена в жертву. Это кажется мне ключевым способом мышления и чувствования при встрече с интенсивными фузионными требованиями сферы комплекса слияния.

Вступая в эту сферу, мы сильно выигрываем от понимания Левинасом «решительного различения между «Высказываемым» и «Высказанным», которое пронизывает все текстуальные и тематические, аспекты *«Иначе чем Бытие»».*[156]

Отдавать предпочтение Высказанному — значит терпеть неудачу в признании другого различительного измерения языка, которое Левинас называет Высказываемым: «в своей основе, хотя и не полностью представленное этим, каждый акт произнесения является ситуацией, структурой или событием, в котором я предстаю перед другим как говорящий или как воспринимающий дискурс».[159]

> **«Высказанное предполагает Высказываемое [которое] не предшествует Высказанному хронологически, но имеет над ним приоритет... Высказанное легче всего анализировать, потому что оно содержит темы, идеи или наблюдения, которые мы намеренно сообщаем друг другу... Высказываемое более неуловимо, потому что его смысл не может быть герметически замкнут в Высказанном...»**[160]

«Высказываемое и Высказанное» заметно присутствуют в коммуникациях посредством поля, ассоциируемого с комплексом слияния. Один аналитик рассказывал, что девять из десяти раз один и тот же анализируемый начинал сессию словами: «Я опоздал или пришел вовремя?». Аналитик лишь тихо дивился происходящему, не зная, что с этим делать, так что просто оставлял все, как было, и сессия направлялась на обсуждение проблем анализируемого в браке. Так и на супервизии, представляя случай, аналитик сразу же перешел к «реальным вопросам», но когда я вернул его к этим непонятным мгновениям, он смог отметить, что в них чувствовалась странность и дискомфорт.

Когда же я попросил его продолжить вспоминать эти мгновения, которые, как оказалось, остро врезались в его память, он смог почувствовать, что воспринимает две стороны своего анализируемого. Словно бы маленький ребенок и взрослый присутствовали одновременно, причудливо слитые воедино в один образ, «ребенок-взрослый» — не взрослый с качествами, напоминавшими детские, и не ребенок, похожий на взрослого, но как сплав не без шва.

Детская часть несет в себе измерение слияния, взрослая — его отрицание. Ребенок предает взрослого, «изгоняя его» с его властной позиции. Аналитик предает детскую и взрослую части анализируемого в своем с ним сговоре игнорировать переживание ускользающего безумия, поскольку он боится «липкости» причудливого объекта «ребенка-взрослого», который прорывается на мгновение, а затем прячется. И я нахожусь на грани предательства детско-взрослых частей этого аналитика, поскольку они присутствуют не в качестве комплементарно соединяющихся молодого и старого, но наподобие того состояния, которое он пытается выбросить из головы в работе с анализируемым, словно два спаянные друг с другом объекта с видимым швом. Причудливость видна мне, пока он говорит об этом, анализируемом, подталкивая меня к тому, чтобы подыграть его потребности выбросить из головы странный способ анализируемого спрашивать его девять раз из десяти: «Я опоздал или пришел вовремя?» Предательством было бы услышать только Высказанное.

Что касается Высказываемого, то здесь есть и большее. Послание, передаваемое аналитику в странные моменты начала, таково: «Правильно ли то, что Вы и я — абсолютно едины, так что Вы всегда знаете, где я?» — и, одновременно — «Никакой глубины в моем вопросе нет». Налицо «невозможные» оппозиции комплекса слияния — полная сплавка и полная разъединенность. И это все часть Высказываемого (его суть всегда растет и в высшей степени непостижима), Высказываемого, сопутствующего Высказанному, простому вопросу: «Я опоздал или пришел вовремя?».

О Высказываемом никогда нельзя «спросить»; его нужно воспринять, ощутить. Оно не появится в записях аналитической сессии. В трехмерном мире рационального дискурса существует лишь Высказанное. Но пока вы не проживаете созданное поле и присущую ему уничижительность, и не позволяете своему нутру перестать быть вашей точкой отсчета, вы остаетесь подобными путешественнику в лесу, который уткнулся в карту, чтобы не потеряться, и едва замечает красоту, опасность и удивительные неожиданности окружающего.

Поля, ассоциируемые с комплексом слияния — *суть здесь,* и они могут быть невыносимыми в своем безразличии к смыслу, к нашему комфорту, к нашему выживанию.[161] Сдвинуть что-то, «что есть» — это как найти интерпретацию состояния души

анализируемого. Замечательно предписание Левинаса — подчиниться другому и полю. Естественно, его обвиняли в мазохизме.

В основном, я читаю Левинаса не только потому, что нахожу у него способ быть с моими анализируемыми, и не как этический кодекс которому надо следовать. Скорее, я думаю о его работе на более символическом уровне, наполняя все, что я делаю или чувствую, требованием «быть для другого», при самом презренном состоянии другого. Учение Левинаса часто позволяет мне также вытолкнуть себя из автоматических реакций на психотические поля комплекса слияния, и вместо того осмелиться стать их субъектом, что, возможно, и есть в наши дни воссозданием древней мудрости очищающего безумия культа римской Кибелы.[162]

Послание «бытия для другого» может эхом отозваться в нас посреди полей комплекса слияния, противостоя безумной, нарциссической потребности власти, знания и полной безопасности Я, не изменяемого отношениями с другим. Но все же формирование индивидуальной самости, как в случае алхимического *ляписа,* не может быть отнесено к этической необходимости «бытия для другого». Процесс инкарнации самости — архетипическая сила, которую нельзя отрицать.

Самость, пребывающая на горизонте индивидуального и культурного понимания, вбирает в себя свой собственный хаос, тело и феминные формы нуминозности.[163] Обладая индивидуальной природой, самость живет также в поле отношений, и становится известной через этическое требование быть для другого;[164] В любом случае — как индивидуальная самость или как разделенное качество поля отношений — комплекс слияния станет переходом, через который самость сдвинется от лишь потенциальной к актуальной реальности.

Приложение А
Различные породы: с точки зрения теории развития и с точки зрения имагинативного поля

Я признателен многим авторам, уже обращавшимся к разным граням того материала, который я представил в этой книге; все они делали это со своей собственной позиции и отношением к психике, которые зачастую отличаются от моих. К примеру, такие понятия, с которыми некоторые читатели уже знакомы, как процесс развития, или объектные отношения, или самость, или индивидуация, или комплексы, или концепция поля, передающего информацию и энергию между людьми, настолько уже нагружены метапсихологией различных «школ мысли», что, на мой взгляд, любой аналитик, опирающийся на них, как если бы экуменический подход был возможен, рискует исказить, как свой собственный текст, так и приведенные цитаты. Имея это в виду, я постараюсь сравнить мой подход и теорию развития и пояснить различия между ними, а также указать на пользу от применения их обоих в совокупности в аналитической работе.

Во многом подобно ученому, упорядочивающему природу с помощью принципов и теорий, модель развития устанавливает серию фаз, в которые вступает проявляющееся это и которые оно должно пройти на пути достижения зрелости. Это обычно видится, как способность любить и работать адаптивным образом, без искажений от чрезмерных нарциссических потребностей, всемогущей и всеведающей инфляции эго или компульсивных желаний видеть других или как абсолютно «хороших», или как абсолютно «плохих». Кроме того, зрелость может означать адаптацию к внутреннему миру и его требованиям, например, способность творить или изменяться. Устанавливаются различные стадии развития, которые, соответственно, отличаются у разных школ мысли, а нормальностью считается успешное прохождение

различных уровней, тоща как патологические черты понимаются как неудачи в развитии, фиксация на ранних стадиях.

Такой подход с точки зрения развития предлагает нам карту психической жизни, которая может быть очень эффективной в диагнозе и планировании терапии. Это может помочь аналитику организовать свои спутанные мысли и даже использовать эти переживания в качестве источника информации о процессе анализируемого.

Однако у такого подхода есть свои ограничения, и особенно они касаются акцента на причинность — т.е. неудача в прохождении вперед и через определенную фазу развития будет рассматриваться как *результат* отсутствия материнской близости или конституционального избытка зависти, или как неудача со стороны материнского объекта успешно переработать агрессию младенца, может быть, выражающаяся в превращении из эмпатичной матери в реактивную. Но как мы можем действительно знать, что один человек *вызывает* определенную реакцию другого? Все, что мы можем знать, — это что два человека, как в диаде мать-ребенок, разделяют поле, наполненное содержанием, таким, как эмоции или фантазии или бессмысленные : черепки психосоматической жизни. Можно сделать вывод, что такие содержания существуют в психике одного или другого, но если воспринимать их как манифестацию поля через акаузальную, синхронистическую форму порядка, меняется тональность взаимодействия— от попыток упорядочивания беспорядка к задействованности полем и *его* порядком (см.Приложение Б). Таинство, чудо заменяют знание (часто — защитного порядка). Таким образом, теория не навязывается опыту, как при подходе с точки зрения причинности и развития; нет — медитация о поле вскрывает его суть.

Модель развития уклоняется также в сторону веры в то, что расширение сознания путем интерпретации (сделанной аналитиком) является целью аналитических устремлений. Однако до-научная, алхимическая позиция вместо этого фокусируется на *переживании* поля или промежуточного мира между двумя людьми и на изменениях, происходящих в результате такого опыта. Вместо того, чтобы верить, что человеческое Я — это ядерная структура, которая эволюционирует в процессе правильных отношений, подобно желудю, который может вырасти

в дерево, до-научный подход настаивает, что переживание поля, позволение себе быть затронутым им, испытать его воздействие, облегчает *инкарнацию* духовной реальности, движение от нуминозного Другого к воплощенной жизни.

Клинические вопросы, относящиеся к состояниям, подобным аутичным, были рассмотрены психоаналитиком Томасом Огденом и нео-кляйнианским аналитиком Юдифью Митрани, и могут относиться к тому же самому материалу, который я исследовал с помощью линз комплекса слияния. Например, важная метафора, которая появляется в литературе об аутично-подобных структурах, это то, что при нормальном развитии формируется контейнирующая *ткань* появляющейся самости[165]. Когда же диада мать-ребенок не способна функционировать таким образом, что это обеспечивало бы целительный сенсорный опыт, то в ткани проявляющейся самости возникают дыры. Стало быть, телесная обособленность становится источником невыносимой тревоги и паники, приводящей к агонии сознания[166]. Аутичная раковина — включающая в себя определенные, но не все аспекты личности— формируется как «замещающая ткань» для защиты личности от переполняющей тревоги психотического процесса.

В работе «Аутистические преграды у невротических пациентов» кляйнианский аналитик Франсиз Тастин, пионер исследований по аутизму, замечает, что «утрата внутреннего чувства существования — вот что самое ужасное для аутичного ребенка. Массивные тактильные ощущения предохраняют от переживания угрожающих вещей» (Frances Tustin, 1986. p. 142). Она цитирует также рассказ мадам Кокель о случае пациента по имени Стив: «С тех пор как уехала его мама, пространство между Стивом и мной, похоже, оказалось закупоренным. Я чувствовала его недоступность для меня, словно он завернут в какой-то сырой мир из своих собственных выделений» (в Tustin, 1986, p.143). Подобные характерные метафоры существенно важны для описания промежуточного мира тонкого тела, что отмечал также и Юнг (см. главу третью, примечание 48).

Однако мой подход отличается от теорий развития тем, что я не сосредотачиваюсь главным образом на историческо-каузальной модели жизни анализируемого. Вместо того я ввожу понятие комплекса, который может проявиться на любой стадии жизни (разумеется, комплекс слияния является центральным в

младенчестве и на последующих стадиях развития), чтобы более эффективно понять страдания анализируемого и цель этих страданий, и чтобы стимулировать перемены. То есть, *восприятие,* появляющееся из переживания взаимного поля, есть, как я считаю, более полезный путь встретить и контейнировать чрезвычайно сложные переживания близких к аутистическим состояний, с которыми мы встречаемся в клинической практике, и позволить самости анализируемого возникнуть по мере течения процесса индивидуации— так, чтобы этому меньше мешал прошлый травматичный опыт.

Основная разница наших подходов лежит в том, как я пытаюсь воспринимать одновременность состояния слияния *и* полного отсутствия эмпатии. Что сильнее всего отличает мой подход от того, что нас учат воспринимать модели развития, так это способность одновременно ухватить эти «истинные противоречия», а не способность познать инкапсуляцию, похожую на аутизм, или состояние слияния с объектами (часто неодушевленными).

Как предполагается во многих из описанных в этой книге случаях, я верю, что теория комплекса слияния может оживить подход с точки зрения развития, если использовать их вместе. К примеру, понятие Огдена о «позиции, смежной с аутичной» — это понятие, в котором переживание поверхностей, соприкасающихся друг с другом, является первым средством, с помощью которого создаются связи и достигается организация[167]. Но как «соприкасающиеся поверхности» воспроизводятся у взрослого человека в аналитическом процессе? Если мыслить в терминах тонкого тела или соматического бессознательного (см. главу третью) и понимать, что эта «промежуточная» область соединяется с физическим телом, тогда способность взаимодействовать с полем тонкого тела путем видения его открывается навстречу целительному соприкосновению, редко достигаемому путем интерпретации. Я думаю, что мощь подхода тонкого тела была особенно эффективной для Наоми и Джеральда, хотя и сыграла свою роль в каждом из описанных в этой книге случаев.

Также, понятие «смежной с аутичной» позиции, как мне кажется, форсирует смещение аутистично-подобной образности в сосредоточенное на теле состояние «клейкой идентификации» с объектами. Я нахожу, что основная динамика — ментальная и соматическая — проявляется в невозможной логике А=-А, оли-

цетворяя такие условия, в которых можно увидеть ментальное состояние между двумя людьми и его фундаментальную разъединенность, или же соматическое состояние и различные составляющие его привязанности, но не то и другое вместе — по крайней мере, в нормальном, рациональном модусе восприятия. И детально исследовав это в случае Кайла (глава третья), я понял, что эта логика является качеством поля, что и стало основным рычагом исцеления во всем представленном мною клиническом материале.

Нет никаких сомнений в том, что изначальные «объектные отношения» — сначала между младенцем и матерью — существенны для нейтрализации психотических энергий, угрожающих существованию[168]. Однако подход с точки зрения развития слишком сильно подчеркивает, что объектные отношения — суть «соль и вершина» всего, и не может признать замечательных восстановительных и контейнирующих качеств архетипических процессов. Его адвокаты время от времени ссылаются на эндогенные целительные процессы, но они все равно остаются каким-то неуточненным скрытым параметром. В случаях Филиппа и Наоми — это два случая, наилучшим образом иллюстрирующие важность объектных отношений — архетипические целительные процессы были также вполне очевидными.

Но если мы вслед за Юнгом верим, что нуминозное исцеляет, тогда имеет смысл рассматривать теории развития, не упуская из виду до-научные подходы и архетипы. Давайте рассмотрим идею Тастин о том, что аутизм— это двустадийный процесс. Сначала ребенок (возможно, в качестве внутриутробного переживания) связывается в «клейкой идентификации» с матерью в попытке найти безопасность от переполняющей его тревоги; но эти узы невыносимы, потому что младенец лишь встречается с еще большей тревогой в форме преследующих его обломков эмоциональной и сенсорной жизни, которые лишены смысла. Затем, чтобы уравновесить это, наступает вторая стадия — изоляция. Я думаю, что этот двух-фазовый процесс, который в той или иной степени, возможно, существует у каждого в ранних переживаниях, связанных с матерью, проявляется в своих крайних вариантах в более поздней жизни как расщепление на разум и тело, в котором фузионная тяга к телу другого существует одновременно с состоянием отсутствия общения, родственным

аутичной изоляции; и то, и другое действует посредством взаимодействия оппозиций по типу «утка-кролик» (см.главу первую).

То, как мы думаем об изначальной и патологической «клейкой идентификации» связано с тем, как мы представляем себе первый объект ребенка. Является ли первым объектом мать? В этом случае, должно быть постулировано некое токсичное качество матери, например, серьезная депрессия матери во время беременности, или токсичное качество диады мать-младенец, или неврологический фактор, создающий серьезные формы дистресса, так, что ребенок изо всей силы цепляется за мать в поисках безопасности, которая не наступает.

Однако есть еще один способ думать о крайних уровнях тревоги, которые, похоже, сопровождают сепарацию у людей с сильными, подобными аутичным, проявлениями. Что если первым объектом была архетипическая энергия — назовем ее любовью, светом, звуком или любым другим именем для невыразимого первого присутствия? Тогда мы должны признать, что сепарация от этого объекта и вхождение в жизнь в пространстве и во времени создает чрезвычайный беспорядок. Этот парадокс порядка-беспорядка крайне важен, он доминирует при рождении и настолько существенен для человеческого опыта, что его можно найти в мифологии любой культуры.

Многие мифы воспроизводят общую последовательность чередующихся событий порядка и беспорядка: или создатель или герой творит некую форму высококачественной энергии, часто в процессе медитации и сотворения порядка, как в индийском мифе о боге Праджапати, создавшем бесконечный свет; или, как в полинезийском мифе, где герой крадет такую энергию в форме семени у богов, или в виде огня, как в истории о Прометее. Затем следует атака беспорядка, пытающегося разрушить героя или бога или, по крайней мере, выкрасть обратно его приз. Создание порядка или привнесение энергии высшего порядка в низшую, такую как система в пространстве и времени, всегда приводит к порождению беспорядка в этой системе.

В менее архетипической форме сам акт того, что человек становится сознательным по-другому, например, соединяясь с чувствами, как никогда до того не делал, а затем вынужденный жить жизнью в контексте старых паттернов и старой рутины,

структурно есть то же самое, что и привнесение новой формы порядка (нового осознавания) в другую систему с прежде существовавшими формами порядка и энергии, и в результате тоже создается беспорядок. Вот одна из причин того, почему начало творческой работы может идти рука об руку с чрезвычайной тревогой и даже кошмарами.

Миф говорит нам о способах, которыми герой или бог справляется с возникшим беспорядком. Например, он может пожертвовать собой и создать мир из своих частей, так что он не будет пожран смертью. Альтернативно, он может утратить некоторую часть ценной субстанции, которую он пытается принести человечеству, т.е. привести к воплощению в пространстве и времени, но также сохранить и передать некоторую ее часть. Можно увидеть этот паттерн в творческих проблемах, когда человек не может вынести, что его (или ее) творение — лишь частица того большого образа, который вдохновил на создание этого произведения.

Наука предлагает иную производную парадокса о порядке-беспорядке. Закон увеличения энтропии, второй закон термодинамики, являлся кардинальным принципом науки, начиная с девятнадцатого столетия. Многочисленные ученые заявляли о его особом месте среди всех научных законов. Закон утверждает, что в закрытой системе, т.е. такой, в которой не происходит обмен энергией, порядок энергетической величины системы всегда уменьшается или, в лучшем случае, остается неизменным. Мера нарушения или снижения величины энергии, необходимой для совершения работы, называется энтропией. Энтропия не может снижаться.

Стало быть, если добавить порядок в систему— научным термином для этого в теории информации является «негэнтропия» — то нарушение, энтропия, должно тоже увеличиться настолько, что не будет конечного снижения энтропии. Если мы возьмем изолированную систему, скажем, в случае отщепленного психического качества, такого, как сильный комплекс или как несколько связанных между собою систем, как двое людей — тогда энтропия системы в целом не может снизиться. Стало быть, увеличение порядка в такой системе должно привести к нарушенному, беспорядочному формированию.

Является ли ранняя жизнь младенца как-то связанной с источниками негэнтропии, энергии очень высокого уровня?

Ребенок может знать и переживать трансперсональное измерение жизни посредством духа или тела до встречи с матерью как с первым объектом. Например, возможно, внутриутробные переживания младенца включали в себя энергии и частоты на квантовом уровне, восприятие которых стало притуплённым или структурированным в пространстве и времени. На квантовом уровне, подобно электрону, который нельзя локализовать, пока не измеришь, возможно и сознание бесконечно широко, пока внезапно не оказывается ограниченным, вступая в пределы пространства и времени. Трансперсональное измерение, характеризующееся высоким уровнем энергии, нуминозностью, может быть задействовано в младенческом опыте жизни в пространстве и времени, и это переживание находится под властью парадокса порядка-беспорядка.

О таких убеждениях нельзя судить посредством научных наблюдений. Люди, встречавшиеся с нуминозным, и измененные этим духовным переживанием, могут сосредоточиться на своем озарении даже годы спустя после того, как оно произошло, и могут сосредоточиться на поле, ощущаемом при плаче младенца. И может произойти передача, так что младенец начнет улыбаться. Правда ли это или полная чепуха? Никогда нельзя убедить рационального ученого в таких переживаниях. И любое, что ощущается как нуминозное, в целом будет сведено к некоему преходящему, незначительному и временному событию, в лучшем случае.

Для меня подход с точки зрения развития необходим. Он действует как изначальное или пограничное условие, что уравнение в математике должно выполняться, иначе «решения» будут лишь общими. В психологии наши размышления о процессе развития и его стадиях фокусируются на особенностях человека и помогают открыть историю ранней травмы — то, что нуминозные переживания часто не сильно затрагивают. Однако нуминозное, даже в сфере травмы, может затем предложить чувство смысла и цели, в чем часто терпят неудачу модели развития. Сочетания общего поля между аналитиком и анализируемым и размышлений о развитии соединяют вместе вневременное поле опыта с временным; и из этого сочетания может возникнуть образ или восприятие исторического события.[169]

Приложение Б
Комплекс слияния и поле: «Руководство для озадаченных»

Поля функционируют в пространстве человеческого тела, например, соединяя сознательные и бессознательные процессы; а также простираются из тела вовне, воздействуя на других людей и даже на материальные объекты. Когда взаимодействуют два человека, взаимодействуют их поля, формируя «интерактивное поле». Поскольку два человека создают свое собственное особое поле, нам нужно считать это поле *их* полем, наделяя его личностной характеристикой. Однако концепция поля есть нечто гораздо большее, нежели сплав субъективных психических состояний каждого человека. Нет, здесь, как и в физике, поле подчиняется собственным законам: специфичное поле, возникающее между двумя людьми, характеризуется общей динамикой. Архетипическая, а не личностно-субъективная динамика управляет его свойствами. Например, важный паттерн, широко распространенный, в алхимической мысли (являющейся источником информации о качественных формах, которые поле способно принимать) утверждает, что за союзом противоположностей следует неупорядоченность, известная как *нигредо (nigredo),* и что эта последовательность направлена на определенную цель. В алхимическом мышлении этот паттерн не случаен, а, скорее, является синхронистическим событием, которое *происходит* и регистрируется как важное вследствие смысла, порожденного совпадением. Сходным образом комплекс слияния можно понять как одну из многих моделей, манифестируемых полем. Альтернативный способ мышления —сосредоточиться первым делом на комплексе, генерирующем поле, во многом подобно тому, как электрический заряд порождает магнитное поле. Оба подхода могут быть полезными.

Такие полевые свойства выходят на свет, когда мы *внимательны к ним,* другими словами, когда мы наблюдаем их воображаемым взором. То, что мы «видим» в поле, пробуждает к жизни латентные полевые качества (по аналогии с тем, что говорил Юнг: вы вытаскиваете наружу то, что видите в человеке). Например, аналитик, обладающий спектром переживаний, включающих в себя нуминозное измерение психики, может воспринять это в течение терапевтической сессии, возможно, как ощущение *«света»* в поле и анализируемом. Аналитик, подобный Фрейду, который говорил, что ему неведомо это «океаническое переживание», увидит это по-другому. Он или она может воспринять совсем иную динамику анализируемого, например, совокупность защит. Каждый из этих аналитиков будет иметь тенденцию пробудить к жизни иное качество поляг В этом смысле сознание человека и поведение его воздействуют на поле, что время от времени приводит к изменениям в архетипическом процессе и, стало быть, в природе поля.

Продолжая этот пример, восприятие нуминозного (термин, найденный Рудольфом Отто для разнообразных переживаний священного) часто будет приводить к большему оживлению поля и к тому, что его присутствие будет ощущаться. Восприятие же защит, таких, как вытеснение и отрицание, будет иметь тенденцию затемнять нуминозность поля и присущую ему архетипическую динамику, поскольку такие восприятия действуют в трехмерной парадигме того, что внутри, и того, что снаружи, тогда, как нуминозное— вне подобных пространственно-временных соображений. Но «взгляд» аналитика может привнести осознание нуминозности анализа, а также оживить поле между ним и анализируемым. Это только один из многочисленных способов, при котором поле достигает осуществления и качества.

Когда мы подходим к взаимодействию между двумя людьми в терминах поля как «третьей области», мы рассматриваем отношения в первую очередь не как внутреннее размышление об ощущениях, чувствах и всякого рода распознавании, но из наблюдений за способами, с помощью которых такая информация структурируется и обретает смысл лежащего в основе поля. Наши ощущения, как в случае аперспективного осознавания Гебсера или в критике Левинасом наших отношений с другим, помогают воспринять то, что находится *там,* по мере того как

объекты становятся прозрачными; таким образом, внешнее достигает духовной реальности, не сводимой к бессознательным проекциям субъекта. Более того, и это самое основное, поле затем может стать субъектом, а мы становимся *его* объектом. Наше переживание поля и его воздействий, таким образом, выходит за пределы контейнирования во «внешнем» или «внутреннем» трехмерном смысле и, подобно алхимическому *vas hermeticum',* несет на себе топологическое сходство с четырехмерной бутылью Кляйна[170].

Чем полезен нам этот подход в наших усилиях помочь людям стать более сознательными по отношению к душевной жизни и таким образом достичь самопознания? Поскольку самопознание манифестируется из поля, подобно тому, как электрический ток является проявлением электромагнитного поля, этот вопрос требует серьезного внимания.

Давайте рассмотрим здесь воображаемый диалог о концепции поля. Воображаемый терапевт, подобный многим знакомым мне реальным терапевтам, вполне способен признавать существование поля, но у него есть важные сомнения в его эффективности. Они возникают, особенно тогда, когда речь идет о вопросе собственной динамики поля. Я назову терапевта Б., а себя самого Н.

Б.: — Когда я задумываюсь о Вашей концепции поля, это не вполне хорошо сочетается с моим опытом. Я знаю, что ВЫ имеете в виду, однако у меня часто бывает так, что я чувствую что-то вместе с анализируемым — например, гнев или тревогу или страх — и обычно я могу отличить, кому принадлежат эти чувства: мне или анализируемому. Анализируемому очень важно знать, что у него или у нее есть эти чувства, как важно знать и мне, когда они главным образом мои. Если же я рассматриваю тревогу или гнев как качество поля, как принадлежащие нам обоим, мне кажется, я теряю жизненно важное терапевтическое преимущество —сознание.

Н.: —Как и все остальное, идея поля может использоваться творчески или как защита. Умение распознавать, о котором

**** герметический сосуд (лат.)***

вы говорите, важно, но, если угодно, постарайтесь подумать об этом следующим образом. Для этой цели мне хотелось бы рассмотреть самую знаменитую алхимическую аксиому, поскольку алхимия — это источник информации о собственных процессах поля. Я говорю о так называемой «Аксиоме Марии», которая звучит следующим образом: «Единица становится Двумя, Двое — Тремя, а из Третьего выйдет Единое как Четвертое[171]».

Вы можете принять изначальную Единицу за хаотичное состояние незнания, которое мы должны чувствовать в начале каждой сессии. Во многом так же, как и в истории творения, из этого хаотического состояния может возникнуть Два. (В случае комплекса слияния мы имеем дело с состояниями между Единицей и Двумя, но при обсуждении поля я сосредоточусь на времени, когда сформировалась парность). Это значит, что вы начали ощущать оппозиции, такие, как субъект/объект или сознание/бессознательное. Хаотическое слияние— между аналитиком и анализируемым и между сознанием и бессознательным — уменьшилось, и возникает напряжение между противоположностями. Теперь из этого состояния парности возникают Трое. Это означает, что некое состояние, тревога или гнев, способно: проявиться в пространственно-временном существовании. И в этот момент у вас есть выбор.

С одной стороны, вы можете начать определять, «чья эмоция» первичнее — Ваша собственная или анализируемого. Это структура интерпретации. Ваши рефлексии, определяющие, «чей аффект присутствует» имплицитно (если не сознательно) следуют динамике «Аксиомы Марии».

Однако представим, что Вы это делаете. Вы могли бы остановиться на Троих. Вы могли выбрать идти дальше. Представьте, что эмоция, которую вы понимаете как присущую Вашему анализируемому, вместо того есть качество поля. Это требует пожертвовать той властью, которую дарует троичность, буквально — властью знать, *чей* это аффект. Вы можете в воображении проецировать данное качество в поле. Это акт сознательной проекции, которая ощущается как выброс проекции в пространство. Как следствие, само поле оживает. Это действие неподдельного незнания — основное при работе с комплексом слияния, в котором каждое вытянутое чувство троичности в качестве интерпретации может подвергнуть опасности стабильность терапевта.

Оживляя поле посредством жертвы, оба человека добиваются возможности пережить разделенное между ними качество—поле и его особую природу. Это может принять различные формы, но основная тема — это что переживание поля как объекта похоже на общее видение, при том, что каждый человек сохраняет свою образность. Переживание поля стремится также к колебанию назад к троичности, так что оба человека могут забрать назад, так сказать, свои содержания, — такие как страх, гнев и проч.

Таким образом, через поле каждое столкновение может обладать качеством, похожим на принцип комплиментарности в физике, где свет может обладать как волновой, так и корпускулярной природой. Психологическая параллель тому— что любое взаимодействие можно рассматривать в терминах проецируемых и интроецируемых содержаний или в качестве поля разделяемых содержаний и энергии. Первое создает различия, а второе — чувство союза.

Б.: Я понимаю это, и я испытывал подобное. Однако меня беспокоит то, что Вы накладываете теорию на опыт, но я не верю, что всегда нужно так делать. Я все еще озабочен тем, что эта идея о поле может быть использована для того, чтобы создать дистанцию между аналитиком и анализируемым, и я не вижу в этом необходимости. Абсолютно точно, что состояния союза, которые вы описываете, — особенны, даже целительны. Однако весь аппарат полей и полевой динамики не совсем укладывается в мой опыт. Например, несколько недель назад у меня было удивительное переживание, связанное с анализируемым. Работая с приснившимся ему сном о маленьком ребенке, я испытал чувство, будто маленький ребенок шевелится во мне, и я упомянул ему об этом. Затем показалось, будто оба ребенка встретились друг с другом, и мы оба заметили изменение в атмосфере, догадываюсь, что вы сказали бы в поле между нами. Это было, словно бы энергия увеличилась, и мы оба были довольны и удивлены.

Я помню, как в своей супервизорской группе я рассказывал об этом как о примере того, насколько успешно мне удалось связать его с его собственным телом и с мудростью тела — путем тщательного прислушивания к своему собственному телу и

позволения телу вести меня. И для анализируемого это был новый и важный опыт.

Вы могли бы сказать, что мы пережили единение или *конъюнкцию (coniunctio),* и что природа полевой динамики была такова, что за этим должно было, видимо, последовать расстройство, нарушение — *нигредо (nigredo).* Когда я увидел его, он был счастлив, помнил прошлую сессию, и я чувствовал сильную связь с ним на протяжении всей сессии. Не было никакого *нигредо.*

Н.: — Это интересно. Я знаю, Вы работаете, передавая свои чувства, вдыхая их. Должно быть, Вы нашли способ обойти нигредо. Однако, скажите-ка мне, видел ли он сны ночью перед встречей с Вами, что я тоже отнес бы к переживанию *конъюнкции?*

В.: — Да, ему снилась его начальница на работе, на которую он очень злится. Он сказал, что ненавидит то, как эта женщина монополизирует их общее время, легко это делает — часа по полтора порою. Мы с ним работали над тем, чтобы он держался за свое с этой женщиной, и он добился успеха.

Н.: — Какова продолжительность ваших встреч?

Б.: — Полтора часа.

Н.:— Я думаю, что *нигредо* вполне живо в нем, но чувства расщеплены и направлены на образ женщины на работе. Вы могли бы привнести это в кабинет и помочь ему увидеть, что там есть, в некотором смысле, двое вас. Мне интересно, воспринимал ли он мать так же.

В.: — Он только начинает видеть себя позитивно. Пока что преждевременно привносить его негативные чувства. Я не вижу, как это может быть сейчас возможно.

Н.: — Может быть, Вы правы. Возможно, Вам достаточно будет лишь знать о них и о скрытом негативном переносе. Однако концепция поля исключительно хороша для работы с этой проблемой. Я могу понять, как разговор о *его* негативных чувствах

к Вам может подорвать работу. Но Вы можете вместе с ним вызвать к жизни природу заряженного поля между вами и его красоту, и объяснить алхимическую образность, показывающую, что темное, неупорядоченное состояние, такое, в котором невозможна никакая связь, обычно следует за этим. Другими словами, Вы описываете природу поля, а не приписываете темные чувства его сновидения его чувствам по отношению к Вам в переносе.

Зная это, Вы сможете затем размышлять о ситуации между вами. Искусство здесь состоит в том, чтобы не терять из виду фундаментальной взаимности и непознаваемости природы поля. Что бы ни приходило в наше сознание, это всегда лишь часть.

Поле — замечательный контейнер для такого материала, тогда как ни внутреннее пространство Вашего анализируемого, ни Ваше собственное внутреннее пространство само по себе неспособно его контейнировать. Пока мы позволяем существовать динамике поля, т.е. привносим ее в существование через видение и указание на присутствие такой динамики, то существует разделяемый двумя контейнер.

Я бы подчеркнул, что *нигредо* не всегда больше относится к анализируемому, чем к Вам. Это оказывается полезным, если Вы верите и переживаете его. *Нигредо* может быть отражением его раннего опыта, а может быть, и Вашего тоже. Эти «содержания» будут появляться на поверхности из поля, когда начнутся колебания между троичностью и четверичностью. В каком-то смысле нужно верить в анализируемого и в себя, и в то, что *отсутствие интерпретаций* в духе теории развития позволит анализируемому обнаружить большую часть своего исторического материала в качестве сопутствующего продукта полевого опыта.

Такой акт *не интерпретирования* будет чувствоваться как жертвование властью. Полевой опыт между Вами и Вашим анализируемым может помочь соединить противоположности, такие как образ прекрасной матери и ведьмы, которые были расщеплены с ранних месяцев и лет жизни. Это соединение ведет к *нигредо,* которое нужно перестрадать вместе, чтобы воплотить нуминозное и создать внутреннюю самость.

При полевом подходе оба человека узнают, что они разделяют бессознательный материал. Если они верны осознанию поля,

они также признают и то, что если один человек оказывается в какое-то время более сознательным, то сдвиг в сторону бессознательного того же самого содержания непременно произойдет в какой-то другой момент.

Психоанализ сегодня находится на том же пороге, как и наука в девятнадцатом веке, когда великий экспериментатор Майкл Фарадэй ввел в нее концепцию поля, разработанную потрясающим теоретиком Джеймсом Клерком Максвеллом. Фарадэй задумался о полях после наблюдений за силовыми линиями, создаваемыми магнитами. Что-то должно было создавать эти паттерны, и это было очевидно, и это что-то совершенно четко было связано с электрическим зарядом объекта в поле. Однако создавал ли заряженный объект поле или само поле было разновидностью тонкой материи, имевшей свои собственные законы? Фарадэй выбрал первое, Максвелл — второе. Его подход оказался судьбоносным для будущего развития науки. Кульминацией его стала идея о квантовом поле и декларация Эйнштейна о том, что все — поле, в которой он имел в виду, что все проявления в этом мире, то, что называется материей, были результатом эманации квантового поля.

Когда Максвелл создал свою концепцию электромагнитного поля, он попытался, вполне в духе времени, соотнести это поле с известными тогда законами механики, такими, как сохранение заряда, инерции, энергии и т.д. Он семь лет бился над этим, используя с присущей ему изобретательностью невероятные механические модели — до тех пор, пока, наконец, не признал, что поле не может быть сведено ни к чему известному науке. Поле было сущностью само по себе, не поддающейся сокращению, тогда как электрические заряды и магнитные силы — и на самом деле все силы (и с квантовыми полями, вся материя) были эффектами поля.

Как и в попытках Максвелла, мыслить отлично от других — нелегко. Но именно это требование, на мой взгляд, стоит перед сегодняшней психотерапией, требование, лишающее эту профессию претензий на научность. Поскольку переживание поля — это всегда тайна встречи с субъективностью, и с открытием, с объективной динамикой поля.

Примечания

[1] Подобные проявления хаотических переживаний на ранней стадии анализа — вовсе не редкость; но этот опыт столь странен и столь труд но поддается рефлексии, что аналитик предпочитает (обычно бессо знательно) выбросить его из головы, сосредоточившись вместо этого на том, чтобы «получше познакомиться с человеком». Или же такие переживания могут быть приписаны пограничной личности, которая, как хорошо известно, характеризуется интенсивными эмоциональны ми и хаотичными проявлениями обычно именно на ранних стадиях анализа. Однако восприятие, переживание и сообщение о существо вании комплекса слияния даже на самой первой сессии может быть вполне уместным и значимым для протекания всего анализа.

[2] Понятие «комплекса» было введено К.Г.Юнгом более ста лет назад, став одним из его самых вдохновенных открытий. Юнг осознал присутствие комплекса во время экспериментов со словесными ассоциациями. До его работы эти эксперименты были направлены на классификацию лингвистической природы ответов субъекта эксперимента. Однако, в отличие от других исследователей того времени, он не упустил из виду те ответы, которые казались нарушениями. Например, нахождение ответного слова занимало гораздо больше времени, чем в среднем, или ответ не был результатом обдумывания, а был, к примеру, бессмысленной рифмой, известной как «промахивающаяся ассоциация». Юнг анализировал эти и другие ответы и обнаружил, что они попадают в разные группы, которые он и назвал «комплексами», отличающиеся свойством нарушать способность субъекта сосредотачиваться и спонтанно давать ассоциацию. Ассоциации с нарушениями, данные в ходе эксперимента, далее дифференцировались на комплексы секса, денег, творчества, матери, отца, религии и т.д. Изменения, такие, как гальванические кожные реакции, изменение частоты сердечных сокращений, дыхания и другие, тоже были отмечены как сопровождающие активизацию комплекса. Работа Юнга со словесными ассоциациями и открытие комплексов снискали ему международное признание и вызвали особый интерес Фрейда. За последующие после первого открытия годы Юнг прояснил природу комплексов. Большим продвижением вперед стало признание того факта, что ассоциации, группирующиеся вокруг комплекса, обладают не только особым «тоном», но и безличным, архетипическим ядром. В то же время ассоциации могут рассматриваться как «личные», т.е. приобретенные в течение жизни, в результате болезненных переживаний, которые были или вытеснены или диссо-

циированы. Количество ассоциаций, сгруппированных в комплексе, стало указанием на силу или энергетический заряд этого комплекса.

Таким образом, если вы проводите ассоциативный эксперимент, и один комплекс обладает большим количеством ассоциаций, чем другой, это доказывает, что он и является «самым сильным комплексом», с наивысшим энергетическим зарядом и способностью нарушить функционирование эго. Юнг понимал также, что именно комплексы — архитекторы наших снов, и что они заставляют нас спотыкаться, проявляясь как «оговорки». Он видел, что комплексы есть у каждого человека. Если констеллируется сильный комплекс он может подавить функционирование эго и даже вести себя наподобие мифического чудовища; поглощая другие комплексы и психическую энергию. Будучи особенно сильным, как, например, у шизофреника, комплекс может доминировать над всей психикой.

3 Обсуждение поля см. в приложении Б

4 См. приложение А

[5] Партридж (Partridge) говорит нам, что "space" [пространство] (от лат. *Spatium)* связано с patere, «открыто лежать... широко, свободно» (Rosen, 2006, p.3) Далее Розен подмечает ранние формы пространства в Платоновском «Тимее», где Создатель моделирует вместилище для «того, чем [объект] станет», описывая это вместилище как «невидимое и бес форменное, всеохватное...» (Ibid, p.10). Таким образом, пространство ("space") в самых ранних формулировках — это невидимое вместилище, в котором процесс может развернуться и быть воспринятым.

[6] Изображение утки-кролика было впервые опубликовано в 1899 американским психологом Джозефом Джастроем (Josepth Jastroy). Джастрой использовал этот образ, чтобы подчеркнуть тот факт, что восприятие не есть просто реакция на стимул, но также и интеллектуальная деятельность. Мы воспринимаем с помощью зрения, но также и мысленным взором.

[7] Впервые Юнг применил термин *«архетип»* в 1919, взяв его из гностических и мистических источников, у писателей, умевших «познавать» такими способами, которые наука и психология времен Юнга могла только осмеивать. Юнг, в первую очередь, воспользовался термином из *Corpus Hermeticum,* серии гностических писаний начала эры, когда о Боге еще говорили как об «архетипическом свете», а также из своего любимого источника — Дионисия Ареопагита: «И если кто-нибудь скажет, что печать не во всех отпечатках видна целиком и одинаково, то этому не печать причина (поскольку она одна и та же во всех случаях): различие особенностей воспринимающего материала создает дефекты в оттисках одной и той же целой печати. Так, если материал окажется мягким, пластичным, гладким и восприимчивым, а не невосприимчивым и жестким, не рыхлым, немятым, получится чистый, ясный и прочный оттиск. Если же какого-то из перечисленных свойств недостанет, это окажется причиной дефекта, неясности и негодности отпечатка и многого другого, что происходит при неудачном соприкосновении».

Подобного рода писания были существенны для Юнга, поскольку здесь он действовал не как рациональный ученый, но как человек, проникающий глубже в сущность видимого, лежащую в царстве невидимого. Так, если человеку снился сон, Юнг настаивал на том, что это лишь фрагмент большей реальности, которую можно познать при помощи техники активного воображения. Более глубокий «свет» сможет воссиять через бессознательную психику. Могут появиться образы, варьирующие в зависимости от личной жизни, и ассоциаций комплекса — дверь в бессознательную психику. И человек сможет почувствовать достаточную степень единства с этими образами, чтобы ощутить в них работу скрытой «печати», архетипа, проявляющегося через свои нуминозные энергии.

Утверждение Юнга о том, что комплекс имеет архетипическое ядро, появилось на свет вследствие экспериментов с воображением. Во время внушающего страх нисхождения в бессознательное в 1912-1916, в годы, последовавшие за его разрывом с Фрейдом, воображение Юнга работало с образами сновидений и фантазий, поднимающимися из его психики, чувствуя — посреди очень «темной ночи» - как в это время раскрывалось некое большее и подлинное ядро его существа. Он сосредоточивался на образах, сотканных из ассоциаций, группирующихся вокруг комплекса, и понижал свое внимание настолько, что мог вступить в «промежуточный» мир между сознанием и бессознательным. При таком намеренном снижении резко сфокусированной, рациональной формы сознания он обнаружил спонтанное проявление более глубокой образности. Эту технику он и назвал «активным воображением».

В отличие от иллюзий, такое воображение может нести в себе глубокую правду. Юнг еще более укрепился во взглядах, знакомясь с работами алхимиков, чье воображение воспламеняло их искусство на психическом уровне. Особенно сильной поддержкой было алхимическое различение подлинного и ложного воображения. Так работа с воображением стала «фирменным знаком» Юнговского подхода к психике.

[8] Быть воплощенным — значит чувствовать конечность существования в форме человеческого тела. Процесс отождествления с собственными мыслями и, следовательно, пребывание «вне тела», а затем умение войти в воплощенное состояние, возвращает человека к собственной подлинной сущности (Юнг комментировал это так — вне тела можно быть чем угодно, подобно газу). Животные в снах часто олицетворяют точку зрения воплощения, и поскольку животные следуют своей подлинной природе и редко становятся невротиками, выбирая дорогу, отрицающую их естество, то воплощенность связывает человека с его (или ее) подлинным Я, особенно — в ощущениях здесь и сейчас.

[9] Розен (Rosen, 2004, p. xiv)

[10] Возможно, мифический Золотой Век — то время, когда переживать все перемены, связанные с комплексом слияния, помогали просвещенные Существа, тогда как во времена Железного Века, или Кали Юги Индийской традиции, проявляется серьезное сопротивление, и

комплекс слияния возникает повсеместно. Нынешние времена часто связывают с Кали Югой.

11 Стайн (Stein, pp. xii-xiii)

[12] Якобсен (Jacobsen, p.3)

[13] Гротштейн (Grotstein, p.257)

[14] см. гл.вторую, гл. третью и приложение Б.

[15] Многие из вас могли читать о не-ординарном восприятии в книгах Карлоса Кастанеды, учениях о том, как можно *видеть,* данных ему его наставником, доном Хуаном. В мифологии индейцев Квакиутль с северо-западного побережья Тихого океана подобная способность к не-ординарному восприятию считается сокровищем, добытым в процессе испытаний при встрече с двуглавым морским чудищем Сисиутлем. Кроме того, мы знакомы с аспектами этой формы восприятия из мистической литературы, как, например, в указании Уильяма Блейка о том, как «глядеть сквозь глаза, а не глазами» или в работе Дениса Клочека, открывшего «Духовное видение». Малькольм Булл разъясняет эту форму видения в своих работах, посвященных Николаю Кузанскому и другим, и ясно растолковывает понятие «истинных противоречий», которое может быть составной частью подобного восприятия. Понятие об имагинальном, введенное Анри Корбеном, лежит в том же поле опыта, и обширный корпус работ К.Г.Юнга постоянно указывает на «сознавание бессознательного» и на мириады присущих ему форм, особенно подчеркивая образ «глаз» или «искр души», распространенный в ренессансной алхимии. Дж.Марвин Шпигельман в своей работе о «взаимном процессе» обращается к феномену поля и к появляющемуся воображению, о котором говорю я, на клиническом материале. Работа Мориса Мерло-Понти о восприятии и понятие аперспективной формы сознания Жана Гебсера являются ключевыми и появятся еще на страницах этой книги.

[16] См. приложение А

[17] Новое сознание, через которые проявляются подобные ощущения, радикально отличается от рационально-дискурсивной формы, которая питает как модели теории развития, так и подходы, рассматривающие психические содержания как находящиеся или «внутри» или «снаружи». Вместо этого сознание, о котором идет речь, фокусируется на *времени* способом, абсолютно отличающимся от понятий прошлого, настоящего и будущего. Жан Гебсер назвал это четырехмерным сознанием, в котором время наделено присутствием и интенсивностью, аперспективным сознанием. В своей магистерской работе «Вечно Сущий Исток» Гебсер не жалеет усилий, чтобы показать, как появляется на свет новая форма сознания, особенно начиная с конца XIX века. Он говорит о *мутации* сознания, о выходе за пределы рационально-дискурсивной формы, сложившейся в Ренессансе в связи с открытием перспективы и приведшей к становлению классической науки.

18 Я знавал ситуации, в которых человек оказывался в подвешенном состоянии между двумя противоположностями — слиянной привязанностью и полной разобщенностью в отношениях. Это ситуации, в

которых партнер может закончить отношения, однако человек оттягивает это, тоскуя по отношениям, и часто кажется окружающим (которые настаивают на том, что нужно «быть ближе к жизни») человеком в слегка бредовом состоянии. Друзья могут отдалиться, поскольку они чувствуют свою неспособность повлиять на такого человека («субъекта») и уговорить его сделать что-то, что настолько очевидно правильно, т.е. забыть о связи, когда-то бывшей исполненной любви. Они стремятся подчеркнуть ошибки в этих отношениях. Субъект соглашается, но настаивает: «Но здесь есть нечто большее, поймите». Тем временем, жизнь, кажется, обходит человека стороной, и его манит самоубийство — как выход из невыносимой боли. Друзья возмущаются, впадают в ярость и исчезают, поскольку не могут справиться с полем, созданным «невозможными» противоположностями энергий слияния и потерей контакта с субъектом. Сумасшествие во взаимодействии, неспособность субъекта на что-то «путевое» становится невыносимой. 19 Шварц-Салант(N.Schwartz-Salant, 1989)

[20] См.приложение А

[21] Рандл Кларк (Rundle Clark, pp.76,80)

[22] Постижение противоположностей делает возможным существование пространства. Однако пространство, о котором идет речь — это ни в коем случае не пустое пространство науки, и не пространство сепарации, позволяющее дифференцировать субъект и объект. Это живое, богатое энергией и потенциальной информацией пространство. Это пространство когда-то называлось тонким телом; оно находится за пределами причинности, обычного пространственно-временного восприятия и понимания в том виде, в каком мы обычно получаем знание о мире. Научиться позволять этому пространству и его процессам функционировать не только как объекту нашей с анализируемым жизни, но и как субъекту, воздействующему на нас, как на объекты — необходимое терапевтическое действие. Внутри подобных рамок мы научаемся называть то, что мы *видим,* не интерпретируя, и изменяться под воздействием этого пространства и присущих ему процессов.

[23] См. приложение А.

[24] Аперспективное сознание, способное воспринимать образность анализируемого или поля и понимать, что это есть нечто большее, чем проекция, что, по сути, в этом есть объективная истина, развивалось достаточно глубоко такими мыслителями, как Жан Гебсер (Jean Gebser) и Морис Мерло-Понти (Maurice Merleau-Ponty). Рационально-дискурсивная форма также необходима, но помимо нее, стоит обращать внимание зачастую и на магические, и мифические формы сознания.

К примеру, магическая форма вступает в действие, когда анализируемый получает помощь в том, чтобы начать воспринимать заново инкорпорированные, негативные и часто психотические аспекты родительской фигуры. Такое восприятие может действовать как изгнание бесов, освобождая человека от разрушительных внутренних состояний, не относящихся к его природе. Мифическое, центрированное на душе измерение задействовано тогда, когда мы постигаем,

как комплекс слияния может генерировать *ощущение поля,* которое обладает своей собственной архетипической динамикой, выходящей за пределы индивидуальных субъективных особенностей, спроецированных на поле, и, подобно мифу в «примитивных)» культурах, организует психический опыт обоих людей.

Мифическое измерение может войти в аналитический процесс через рефлексию мифа об античном сыне-любовнике Аттисе и Великой Матери Кибеле, который, как мы увидим (в главе 10), представляет собой архетипическое ядро комплекса слияния и метафорически изображает воображение и поведение любого человека, управляемого этим комплексом. Получающееся в результате «интегральное» (по Гебсеру) сознание, сочетающее в себе магические, мифические и перспективные, равно как и ({перспективные формы, подобна симфонии, в которой звучит то один, то другой инструменты осознания. 25 «Глаз и разум», у Мерло-Понти (Merleau-Ponty, p.167)

[26] Более глубокое исследование «осей расщепления», будь то разум-тело, перед-зад или одна сторона-другая сторона, см. в моей работе *«Тайна человеческих отношений»,* стр.87

[27] Мелвилл (Melville), глава 74

[28] Рильке (Rilke,p.l93)

[29] К.Г.Юнг глубоко исследует этот «свет» во многих своих работах, посвященных алхимической символике, но особенно— в *"Mysterium Coniunctionis"*.

[30] Гебсер (Gebser, p.26)

[31] Ibid, стр.24

[32] Специалист по окружающей среде Эд Эйрес (Ed Ayres) вспоминает об историческом событии, прекрасно иллюстрирующем тот факт, что при встрече с чем-то, что полностью чуждо нашему нормальному способу восприятия жизни, мы можем совершенно не распознать существования этого «чего-то».

«В течение тысячелетий аборигены восточной Австралии использовали маленькие каноэ из коры деревьев для рыбалки неподалеку от берегов своего изолированного континента. Они не контактировали с белыми. Но 29 апреля 1792 года Британский корабль «Эндевур» под командованием капитана Джеймса Кука вошел в бухту и неожиданно встретил группу местных жителей — это был первый известный контакт между австралийцами и европейцами... [Уроженцы этих мест] не подали виду, будто вообще что-то видят. Корабль проплывал мимо каноэ... аборигены не замечали его. Они не выказывали ни страха, ни интереса и продолжали рыбачить... Европейцы на корабле, видя, что появление корабля не спровоцировало никакой враждебной реакции, спустили на воду шлюпки и начали грести к берегу. И вот тогда вид мужчин в маленькой лодке стал понятен; это означало вторжение. Большинство аборигенов укрылись на деревьях, но два обнаженных воина остались на земле и закричали...»(стр.5-6)

[33] «Глаз и разум», у Мерло-Понти (Merleau-Ponty, p.167)

[34] Ibid, стр.180

[35] In Busch, стр.88
[36] Ibid, стр.183
[97] Ibid, стр.122
[38] Дж. Марвин Шпигельман (J.Marvin Spiegelman) — один из таких терапевтов. Другой—Д.В.Винникотт (D.W.Wmnicott), статья которого *«Отщепленные мужские и женские элементы, наблюдаемые у мужчин и женщин»* в журнале *«Психоаналитические исследования» (Psychoanalytic explorations,* p. 170) повествует об анализанде-мужчине, который, казалось, рассказывал о зависти к пенису, и о том, как он [Винникотт] сказал этому мужчине «Я слушаю сейчас девочку. Я прекрасно знаю, что Вы мужчина, но я сейчас слушаю девочку, и обращаюсь к девочке. И я говорю этой девочке: «Ты рассказываешь о зависти к пенису». Он продолжает, говоря о наступившем «мгновенном результате, проявившемся в форме интеллектуального принятия», а затем вдруг анализанд произнес «Если бы я кому-нибудь рассказал об этой девочке, меня назвали бы безумцем». А затем Винникотт вспоминает свой следующий ответ, по его словам, «по-настоящему поразивший» его самого: «Речь не о том, что Вы сказали бы об этом кому-нибудь; это *Я* вижу девочку, вижу, как она говорит, когда на самом деле на моей кушетке лежит мужчина. *Безумец — я сам.».*

Винникотт спрашивает: «Очевидно ли то, что здесь происходит?» Он говорит нам:

«Мне пришлось испытать глубокое личное переживание, чтобы добраться до понимания, которого, как я чувствую, достиг сейчас. И это было «безумие» матери, которая видела девочку там, где был мальчик, и оно было привнесено в настоящее моими словами: «Это я безумен». В ту пятницу он ушел от меня глубоко тронутым, чувствуя, что это первый значительный сдвиг в анализе за долгое время...»

Можно легко критиковать Винникотта за то, что подобные заявления он обращает к анализанду, и нет смысла здесь спорить с желающими критиковать, поскольку они будут опираться на фундаментально иной модус сознания, чем тот, к которому прибегнул Винникотт. Я верю, что его способу видения возможно научить, и что можно показать, сколь значительно он отличается от рационально-научных способов понимания. Я верю также и в то, что многие аналитики видят именно подобным образом, но не решаются публиковать то, что видят, и вместо этого вкладывают свои восприятия в более коллективно приемлемые, рациональные формы.

Ясно, что подход Винникотта чрезвычайно важен, что он привел к более значительному сдвигу, чем что бы то ни было другое в течение двадцати пяти лет анализа этого человека (в том числе и с другим аналитиком). Я считаю, что в основе этого лежало восприятие того, что наличествовало там, а не реконструкция истории жизни.

[39] Полный вариант мифа таков: «Увидев Сисиютля, ты должен встать и встретить его лицом к лицу. Встретиться с ужасом. Встретиться со страхом. Если ты утратишь веру в то, что знаешь, если попытаешься убежать, Сисиютль дыхнет на тебя обеими ртами, и ты начнешь крутиться и кувыркаться. Не будучи укорененным в земле, как деревья и

скалы, не будучи вечным, как приливы и течения, ты, вращаясь штопором, покинешь землю, чтобы вовеки блуждать, покинутая душа. Твой голос будет слышен в завываниях первых осенних ветров — всхлипывающий, жалобный, молящий об освобождении. Когда видишь грозного Сисиютля, несмотря на испуг, оставайся твердым. Нет стыда в том, чтобы испугаться; только глупец не испугается ужасного Сисиютля. Будь тверд и, если знаешь защитные слова, произнеси их. Сначала одна голова, потом другая поднимутся из воды. Ближе, ближе. Они приблизятся к твоему лицу, эти мерзкие головы, и все ближе смрад их прожорливых ртов, и холод, и страх. Стой твердо. Прежде чем глотки-близнецы Сисиютля сомкнутся над твоим лицом и украдут твою душу, каждая голова должна повернуться к тебе. Когда это произойдет, Сисиютль увидит свое собственное лицо.

Тот, кто видит другую сторону Себя, видит Правду.

Сисиютль целую вечность ищет Правды. Ищет тех, кто знает Правду. Когда он видит собственное лицо, свое собственное другое лицо, когда он смотрит в собственные глаза, он находит Правду.

Он благословит тебя магической силой, и он уйдет, а твоя Правда останется с тобою навеки. И хотя временами ее будут испытывать, послаблять, все равно магия Сисиютля, его благословение — в том, что правда твоя выстоит. Сладкий Сталакум будет часто навещать тебя, напоминая, что свою Правду ты найдешь за своими глазами. И никогда больше ты не будешь одинок. (Камерон, Cameron, pp.45-46).

Яд Сисиютля, способный отравить, олицетворяет способы, которыми безумие подрывает функционирование это и чувство реальности. Безумие заразно. Это заражение распространяется и на поле, порождаемое безумием. Так, когда Дионис, бог, несущий безумие, входит в провинции Греции, он, говорят, несет с собой эпидемию безумия (Детьенн, Detienne, pp.3-4). Выдох обоих ртов сразу олицетворяет одновременные противоположные полюса безумия, которые легко могут привести к потере чувства идентичности и чувства пребывания в теле, воплощенности. Попытка обернуться камнем соответствует обычному опыту чувства омертвелости или инертности при столкновении с психотической частью, такой, как безумие комплекса слияния. Встречаясь с оппозициями, представленными двумя противоположными головами Сисиютля, часто чувствуешь себя под властью бессмысленного, пустого, безысходного и диссоциированного состояния. Идентификация этого состояния может привести к «кусанию языка», то есть приостановке того поспешного проговаривания, что разгонит свойство прежде, чем оно опознано. Если вместо этого выстрадать состояние бессилия, которое мы ощущаем, то из этого может вырасти новая способность чувствовать мощь, противостоящую порожденному психотической сферой смятению. Только через посредство силы признаваемых ограничений и бессилия собственной ярости может появиться новая сила, та самая, что может наблюдать мощь Сисиютля, не взвиваясь неподконтрольным штопором в неистовых попытках найти некий порядок.

Миф предполагает, что среди смятения мы должны сохранять веру—

до тех пор, пока не углядим обе противоположности фазу. Это высвобождает Истину, Правду момента, а с нею и «дар сладкого Сталакума», олицетворяющий зрение, с помощью которого один может видеть другого и чувствовать истину, «найденную за собственными глазами».

Это представление о необходимости выстрадать расчленяющие и наводящие ужас состояния путем сознательного подчинения, а не пытаясь победить их логикой, лежит в корне многих мистериальных религий, в которых основным переживанием является мания. Таким образом, те, кто подчинялись мании культа Кибелы (см. главу десятую) излечивались как от переживаемой ими мании, так и от безумия, привносимого ими в ритуалы.

[40] При аперспективной форме сознания человек наделяется способностью концентрировать и дифференцировать части, а также сохранять индивидуальное чувство идентичности, будучи пронизанным полем, тогда как магический уровень сознания ориентируется на архетипический и не-индивидуальный уровень, в котором идентичность — скорее групповое качество погруженности в культурное поле (см. Gebser, дающего глубокий анализ различных модусов сознания). При магическом уровне нет значимых характерных образов, и ничто, выходящее за пределы уже известного, не разрешено; всего нового следует избегать, поскольку любой опыт возвращается назад к смешению с пре-существующими мифическими структурами. Так, при магическом модусе два человека могут упорядочивать переживание, размышляя об астрологическом сходстве или разнице между ними, а не об уникальном для их взаимодействия в этот момент сознании.

[41] Булл(Bull,p.26)

[42] Розен (Rosen, 2006, pp.33-34)

[43] См. главу двенадцатую и идею Левинаса о «высказываемом и высказанном».

[44] Этот акт воскрешает в памяти фразу «приостановка недоверия», из начально найденную Сэмюэлом Кольриджем в его исследованиях воображения.

[45] На следующий вечер после этого сексуального опыта Кевину приснилось, будто он был со своей первой девушкой. Они гуляли и держались за руки, и чувство влюбленности окутывало их, и он сказал: «Надеюсь, ты больше не с тем другим мужчиной». Услышав это, она разозлилась и ушла.

Здесь сама суть его внутреннего состояния, разыгранного в опыте предыдущего вечера. У женщины из его сна «другой любовник». Сновидец хочет, чтобы она отделалась от того, другого, что разозлило ее. Сон показывает внутреннюю констелляцию психики сновидящего, пробужденную к жизни событиями предыдущего вечера. *Именно он сам был тем, кому следовало проникнуть в хтоническую энергию,* что мы и сделали позже на сессии, и обнаружить странную природу ее сообщения. Однако он отступил, и неявно хотел, чтобы она позаботилась о потенциально опасных силах, которые он чувствовал в ней, способных критиковать и ограничивать его самовыражение.

Сон замечателен тем, как женщина удаляется прочь. Ибо она еще и фигура Анимы, жаждущая, чтобы сновидец перерос свою пассивность, указывающая на внутреннее, автономное стремление психики справиться с комплексом слияния и вырасти из него.

В любом человеке переплетаются миф и личная история. Сны становятся связью с большим, архетипическим фоном, который может породить смысл личных стремлений, осветить личную жизнь и проиллюстрировать актуальные исторические события в метафорической форме.

[46] В работе «Аутистические преграды невротических пациентов» (в начале второй части, «Психотический аутизм невротических пациентов», рассматривающей материал сродни комплексу слияния) Франсиз Тастин (Frances Tustin) цитирует статью Сидни Кляйна (Sydney Klein) 1980 года, в которой тот пишет: «Чем раньше аналитик осоз нает существование скрытой части пациента, тем меньше опасность того, что анализ превратится в бесконечный и бессмысленный интеллектуальный диалог... Хотя аналитику приходится пережить вместе с пациентом огромное количество тревоги, в конечном итоге, как я чувствую, результат того стоит» (в Tustin, 1986, p.181). Без сомнения, таким же был и мой опыт.

[47] Из его описания можно подумать, будто не предполагающее никаких привязанностей к кому бы то ни было, эгоцентричное поведение его друга было очевидным. Однако это не так; поле комплекса слияния прячет подобные «очевидные» ощущения.

[48] К.Г.Юнг описывает то, что он назвал *соматическим бессознательным, физиологическим бессознательным* или *тонким телом* как переживания бессознательного, отличные от *психического бессознательного.* Отношения с психическим бессознательным дают способность формулировать опыт концептуально и видеть причинную связь, в отличие от отношений с соматическим бессознательным, которые дают массу образов, не подчиненных причинности. Тонкое тело, говорил Юнг. «...по ту сторону пространства и времени, за пределами нашей способности к восприятию по определению; тонкое тело это трансцендентная концепция, которая не может быть выражена в терминах нашего языка или наших философских взглядов, потому что они все изложены в категориях времени и пространства. Так что, подходя к вопросу о тонком теле, мы можем говорить на примитивном языке, и он какой угодно, только не научный. Это означает говорить образами. Конечно, мы можем пользоваться этим языком, но насколько он поддается пониманию — это уже совершенно иной вопрос» (1988, стр.443-444)

На страницах этой книги я использую метафоры для описания промежуточного мира тонкого тела, что поднимает тот же самый вопрос, которым задавался Юнг, а именно — могут ли они быть поняты? Обладают ли образы, такие как «разодранное тонкое тело», «поврежденная душевная кожа» или «сенсорная ткань между нами» коммуникативной ценностью? Другие аналитики использовали специфические образы, такие, как «влажное, засоренное пространство»

(Кокил, цит. по Тастин, 1986, стр.143) между аналитиком и анализируемым для описания переживаний в работе с аутичными пациентами, феноменология которых родственна переживанию поля при комплексе слияния. Такие образы, хотя и очень субъективные, являются именно теми метафорами, которые необходимы, если имеешь дело с опытом соматического бессознательного. Как бы трудно это ни было, но когда мы работаем с комплексом слияния, я считаю, что мы должны выражаться образно, поскольку нарушения контейнирования как раз и происходит в образной сфере тонкого тела. Образы передаются гораздо лучше, когда они исходят из воплощенного осознавания соматического бессознательного.

В частности, одна из работ Юнга о синхронистичности и не-причинных процессах формирует структурную базу таких ощущений и их значимости как для аналитика, так и для анализируемого. Синхронистические переживания, которые, на мой взгляд, суть формы аперспективного осознания, являются результатом пересечения соматического бессознательного и присущего ему качества не-причинности с состоянием бытия, подвластным времени (фон Франц, 1974, стр.242). Последнее может происходить тогда, когда аналитик намеренно «осваивает» поле и, возможно, когда он (или она) размышляет о раннем детстве анализируемого и о факторах развития, участвовавших в формировании комплекса слияния, тогда как вневременное, не-причинное (акаузальное) состояние будет задействовано в ощущении пребывания в поле. Две этих формы осознания, одна подвластная времени, а другая — за пределами линейного времени, переживаемые вместе с анализируемым как обоюдное поле, могут соединиться для создания большей вероятности проявления значимого совпадения — образа, наделенного подлинной ценностью для обоих людей.

[49] Розен (Rosen, 1995, p.127)

[50] Розен (Rosen, 2006, p.33)

[51] Булл(Bull, p.31 ff)

[52] см. Приложение А

[53] В течение следующего месяца на наших сессиях роль внутренней зависти в его жизни — инкорпорированной зависти его матери — проявлялась в серии мощных примеров, следовавших один за другим. На каждой из сессий он подробно рассказывал, как нечто хорошее в его жизни, например, новая вакансия или начало творческой работы, тут же мгновенно разрушалось какими-то реальными физическими происшествиями, в некоторых случаях довольно серьезными. Кроме того, Кайл смог испытать свой негативный перенос, в результате которого что бы я ни говорил на любой конкретной сессии, разрушалось завистью, что вело к полнейшему «забыванию» сказанного. Сам термин «зависть» многое изменил для Кайла, поскольку стал контейнером целого ряда ужасных переживаний, появлявшихся, как только он начинал владеть собственной силой.

[54] Когда я и Кайл испытали поле слияния-дистанцирования через топологию бутыли Кляйна, мы почувствовали союз, по форме очень

мягкий, т.е. среди абсолютной дискретности противоположностей там парадоксальным образом присутствовало и переживание союза, осуществляемое чувственно-подобной тканью тонкого тела. Древние алхимики называли это объединяющее качество поля конъюнкцией (coniunctio). Такие состояния соединения сопровождаются полным беспорядком, который алхимики называют nigredo — «темнее темного», «источником безумия»; это ужасное состояние, от которого «погибли многие», но, тем не менее, оно есть основное условие» без которого любая трансформация не будет стабильной. На тот момент, когда мы с Кайлом пробирались по колеблющимся поверхностям бутыли Кляйна, он находился у меня в анализе уже около четырех лет. После этого несколько раз наступали состояния nigredo, некоторые из них были очень темными и хаотичными, и это было испытанием для нашего анализа и для процесса индивидуации Кайла. В течение последующих двух лет проявилась структура самости, аутентичный центр существа Кайла, и он ощущал его как внутреннюю, таинственную силу, которая могла ориентировать его сознательное поведение неведомым ему дотоле образом.

[55] В идеале человек должен, быть способен продолжать чувствовать свое взрослое состояние и возраст, в то же время в воображении переживая гораздо более молодое внутреннее состояние. Но до такой структуры надо еще добраться, и часто она бывает результатом напряженной работы, поскольку обычно сила «молодых» эмоций тянет взрослую личность к идентификации с ними. (Лидия Салант (Lydia Salant), из личной беседы).

[56] Странное состояние синдрома беспокойных ног [«Синдром беспокойных ног — неврологическое заболевание, проявляющееся в избыточной двигательной активности, сопровождающейся неприятными ощущениями (парестазиями)». Подробнее см.: Бузунов Р.В. Синдром беспокойных ног // http: //www/vedson.ru/win/ legturnl. htm *Прим. науч. ред.],* помимо связи с недостатком допамина и неврологическим дефицитом, может иметь под собой в качестве психологической основы комплекс слияния. Как таковое физическое поведение представляет собой «невозможную» дилемму слияния-сепарации: неспособный отделиться или оставаться связанным с объектом, человек бесконтрольно бежит на месте.

[57] Объектные отношения оказываются инкорпорированными, когда они проглочены целиком, а не интернализованы при сопровождающем параллельном рефлексивном процессе, в некоторой степени позволяющем сознавать сходства и различия с объектом. Инкорпорирование лишено такой рефлексии и в лучшем случае видится как бессознательное «заглатывание», например, безумия или депрессии родительской фигуры с целью отрицания существования таких дестабилизирующих аффектов. Инкорпорирование может играть важную роль в генезисе комплекса слияния.

Как следствие подобного инкорпорирования, человек может жить в большой степени под ориентирующим и определяющим бессозна-

тельным воздействием на его чувство идентичности и бытие в мире. Это воздействие Может не только быть полностью скрыто от сознания человека, но, если применить терминологию Дерриды, оно может быть *закодировано* во внутреннем *сейфе.* Это бессознательное влияние существует внутри, какая бы формация самости ни была создана. Формулировка Дерриды подчеркивает, что это скрытое влияние не раскрывается посредством конфликта противоположностей. «Внутренний сейф закрыт в самости. Необходимо противоречие, пусть пока немое, вытекающее из самого инкорпорирования. Оно беспрестанно противопоставляет две тугие, несовместимые силы, поднявшиеся друг против друга» (Derrida, стр.xv). Или же можно сказать, что «противоречие» изгоняется обратно во времена, предшествующие творению, предшествовавшие Библейскому второму дню.

[58] Розен (Rosen, 1995, p.127)

[59] Деррида далее сознает судьбу подобного отсутствия конфликта между противоположностями (я предполагаю, что основная задействованная здесь оппозиция — это диада слияния/дистанцирования) идобавляет особый инсайт о том, что противоречие инкапсулировано внутри поля желания. «Без этого противоречия внутри желания ничто не было бы постижимым: ни относительная устойчивость тайника... ни герметизм и неутомимые усилия по поддержанию ее, ни неудачи этих усилий, проницаемость изнутри или снаружи, просачивание сквозь частицы тайника...» (Derrida, p.xv).Другими словами, до тех пор, пока человек не способен выйти за пределы аутизмо-подобной инкапсуляции инкорпорированных содержаний и страдает от конфликта противоположностей, сознания нет.

Что типично для динамики травмы и диссоциации, содержания тайника, или сейфа, находящегося «нигде», создаются посредством бессознательной фантазии о том, что события, сотворившие его, никогда не происходили. Более того, хроническое отсутствие желания или страдания от чувства существования желания, которое невозможно присвоить и почувствовать в жизни с другим человеком, сопровождает закодированное состояние:

«Травма и «противоречивое» инкорпорирование не должны иметь места. Топография тайника следует линиям разлома, идущего из этого не-места или этого пространства по ту сторону места, к иному месту; месту, в котором «смерть удовольствия» все еще молчаливо маркирует единственное удовольствие: [пребывание] в безопасности»(стр. xxi)

Описание Дерридой «места» в самости, где спрятана травма, спрятана способом, не допускающим ее существования — «это никогда не имело места» - и создающим чувство «сейфа», в равной степени в смысле безопасности и в смысле закодированности, отслеживает генезис и судьбу безумных частей комплекса слияния, и может, также как и «две тугие, несовместимые силы, поднявшиеся друг против друга», олицетворять оппозиции слияния-дистанцирования.

[60] Как мы увидим в материале Наоми, к которому мы обратимся в следующей главе.

[61] Это относится к так называемому входу в депрессивную позицию. Ср. со случаем Джеральда в главе восьмой.

[62] Некоторые авторы-психоаналитики говорят о сотканной ощущениями «ткани» самости (см. Приложение А), и что эта ткань может рваться или иметь дыры. Как нам следует понимать отсутствие формирования связной поверхности, состоящей из организованных ощущений? Как понимать существование «дыр» в ткани проявляющейся самости? И действительно ли у самости есть ткань?

На протяжении нескольких тысяч лет вплоть до эры господства науки и отбрасывания родственных концепций, таких, как эфир, мы находим предположение о существовании тонкого тела как одеяния или покрова души, внутренней жизни. В *«Доктрине о тонком теле в западной традиции»* Г.Р.СМид (G.R.S.Mead) объясняет, что это тонкое тело не является «вещью» наподобие физического тела, и не является лишь энергетической системой. Это, скорее, ткань *отношений,* структурирующих «промежуточную» сферу, это «среда между душой и телом», которая может быть здоровой или поврежденной (p.45)

Таким образом, существует древняя доктрина о «тонком овеществлении духа», о «теле», не столь плотном, как реальное тело, и, по сути, способном проявляться в различной степени плотности. Это мыслилось как наличие «низшей» и «высшей» форм, последняя из которых ближе к Свету и в этом чистом состоянии известна как орган Света или как небесное тело. «Низшая» или менее чистая разновидность входила в тесные отношения с физическим телом и животной душой, и в этом «худшем аспекте» обычно называлась *пневмой,* духовным телом или духом-телом (p.34)

Мид объясняет:

«Однако следует ясно понимать, что для наших философов дух в этом смысле является тонким телом, олицетворением порядка материи, лучшего, чем тот, что знаком физическим чувствам, и не свойственен душе (которая нематериальна). Более того, под телом не имелась в виду развитая и организованная форма, но, скорее, «эссенция» или «плазма», которая могла градуироваться, словно бы была сотканa из разных текстур; сама по себе бесформенная, она была способна запечатлевать оттиск или узор любой организованной формы» (p.36)

Высшие и низшие аспекты этого тонкого олицетворения разума постулировались и обсуждались в первые века нашей эры. К примеру, так называемые низшие формы иногда считались «поддельным духом» (p.35), возможно, наподобие «суррогатных кож», обсуждаемых в этой главе.

Сложно употреблять пространственные метафоры для описания тонкого тела. Мид отмечает, что в древних писаниях, таких, как «Изида сыну Хору» *Гермеса Трижды Величайшего,* сказано: «и дух [т.е. тонкое тело], и тело, пребывают *в* душе, а не душа *в* духе». Однако затем Мид отмечает, что в тех же писаниях мы читаем также: «О душе го-

ворят как о перевозимой в или на духе. Но поскольку говорится, что душа использует дух не как оболочку, но лишь «как если бы он был ее оболочкой», в этом нет подлинного противоречия» (p.38).

Есть более хороший способ избежать этого «противоречия». Если тонкое тело понимается как обладающее типологической структурой бутыли Кляйна, тогда «душа» может восприниматься как «нутро» тонкого тела, но затем она может перейти к его «внешности», как наблюдатель, объективно рассматривающий природу этой плазмы. Таким образом, мы в тонком теле как субъект, и мы суть объекты его процессов: тонкое тело содержит в себе душу, а душа содержит в себе тонкое тело. «Противоречие» явно разрешено, как только тонкое тело больше не мыслится как трехмерное пространство сосудов с отдельными внутренними и внешними поверхностями, но воспринимается как четырехмерное пространство бутыли Кляйна (глава третья). Неудивительно, что в бутыли Кляйна можно видеть пространственную природу тонкого тела, поскольку именно это «тело» являлось объектом трансформации в алхимии. Более подробно о тонком теле в' клинической практике см. в моей книге «Пограничная личность: видение и исцеление». [63]1991, стр.298

[64] Пациентка забеременела, но была столь угнетена своей жизнью в целом и своим браком, что жалела о беременности и, похоже, игнорировала ее — курила, принимала лекарства и занималась физкультурой, как обычно. Затем ей приснился сон о том, что она смотрит на далекий пейзаж и видит караван цыган. Старая цыганка ткала одеяло, на котором был изображен младенец. Сновидица изо всех сил пыталась не замечать цыганку, но образ был столь сильным, что его нельзя было забыть и на следующий день.

Ткачество олицетворяет процесс воображения, который имеет отношение к формированию тонкого тела плода, а архетипическая природа сна указывает на этот акт воображения как на врожденную энергию. Сон пытается скомпенсировать отсутствие подобной энергии в эго-сознании сновидицы. В после-утробной жизни ту же функцию продолжают выполнять мечты матери о своем дитяти, а позже здоровые объектные отношения помогают дальше формировать и исцелять ткань тонкого тела, которое постоянно бомбардируется внутренними и внешними эмоциональными вторжениями.

[65] «Пузырь» Наоми, в котором она была одновременно и субъектом, и объектом, а я чувствовал себя полностью исключенным, походил на отголоски «первичного нарциссизма», в котором младенец живет в изолированном мире без внешнего объекта, что подобно аутистическому состоянию. Концепция первичного нарциссизма давно уже сброшена со счетов большей частью психоаналитиков. Однако случай Наоми, как и многие другие, заставляет меня думать о том, что это понятие все еще не лишено смысла.

[66] Я уже описывал эту контейнирующую структуру и то, как она была открыта, в моей книге «Тайна человеческих отношений», хотя в то время я еще не сформировал идею комплекса слияния. Я имел в

виду этот материал как часть опыта поля, и не осознавал, что это «замещающая кожа», заключающая в себе комплекс слияния Наоми.

[67] В пьесе Софокла *«Трахинянки»* (440-430 до РХ) жена Геракла, Деянира, смазывает хитон, сшитый ею для мужа, тем, что считает любовным зельем. Но она обманута кентавром Нессом, пытавшимся однажды похитить ее, и убитым Гераклом, который выпустил в него отравленную стрелу. Умирая, Несс велел Деянире собрать его кровь и использовать ее как снадобье, которое обеспечит ей вечную любовь мужа. Вместо того, как только Геракл надел отравленное одеяние «хитон прилип к его бокам, к каждому суставу, словно бы приклеенный рукой мастера; и жгучая боль стала терзать его»

[68] В алхимии считается, что союз противоположностей, известный как конъюнкция (coniunctio), создает тонкое тело.

69 Психоаналитик Д.В.Винникот (D.W. Winnicott 1972) показал, как тускнеет ум маленького мальчика, как только «материнское безумие» оживает в нем, безумие, которое он инкорпорировал, т.е. проглотил целиком, без рефлексии. Масуд Хан (Masud Kahn 1972) написал статью об изгнании того, что он назвал безумием чужеродных эго (ego alien) факторов.

[70] Эти качества являются частью понятия Микаэля Балинта о «Базисном дефекте» (M.Balint, *The Basic Fault,* p.21)

[71] Алиса не переключалась автоматически от одной стороны (alter) к другой, так что я не назвал бы это диссоциативным расстройством.

[72] Между пассивным и активным фантазированием есть большая разница. В пассивных фантазиях человек погружается во внутренний мир образов, мыслей и чувств, составляющих «суррогатную кожу». При активных фантазиях, которые Юнг называл «активным воображением» эго поддерживает определенную степень объективности и отдельности, сепарации от внутреннего мира. Однако сепарация любого рода может слишком провоцировать тревогу и ведет вместо того к пассивным фантазиям.

[73] См. главу вторую

[74] Это понятие разъяснено Д.Винникотом в его «Игре и реальности» (D.W.Winnicott, p.89; русизд. Д. Винникотт «Игра и реальность» М.: Институт общегуманитарных исследований, 2002, с.161))

[75] В том состоянии, в котором мы с ним находились, мягко осознавая чувства привязанности и дистанцированности, однако чувствуя себя психически находящимися внутри этой оппозиции, так что уже можно было мыслить, у меня был лишь частичный ответ для него. Похоже, его паранойя не относилась лишь к тому, что он чувствовал на себе атаки со стороны других людей. Это был и страх его внутренней, чувствительной души, боявшейся *его,* другими словами, его атак на самого себя за то, что он «не был более подлинным, или спонтанным, или успешным», и так далее. Внутренняя жизнь его души, как я предполагал, «говорила» посредством физической боли в груди и посредством параноидных чувств и мыслей.

[76] С таким отношением мы встречаемся у людей, которые считают, что от них дурно пахнет, тогда как на самом деле это вовсе не так. Например,

одному человеку приснилось, что у него плохо пахнет изо рта. В его реальной жизни это было не так, но означало присутствие уничижительной природы его комплекса слияния.

[77] Малькольм Булл отмечает: «Сартровское определение слизи есть эхо Гегелевской характеристики движения как противоречия. Есть не что, что одновременно присутствует здесь и не здесь, перегоняется в отвратительное новое вещество, в котором это противоречие не является временным результатом движения, но есть сама суть вещества как такового» (Malcolm Bull, p.59)

[78] Булл, (Bull, p.60)

[79] Сложность для аналитика в распознании или интерпретаций «иного послания», восходит к природе презренного состояния и мощи это го состояния, воздействующей на природу поля между аналитиком и анализируемым. В *«Силе ужаса»* Юлия Кристева исследует разновидность коварной угрозы, которую представляет собой презираемое: «Не я. Не это. Но и не ничто. Это «что-то», не признаваемое мною вещью. Бремя бессмысленности, в которой нет ничего незначительного». Презираемое — это такой не-объект, который «изгнан за пределы возможного, переносимого, мыслимого».

Презираемое не является ни субъектом, ни объектом. Скорее, презренное состояние происходит от регрессии в сферы, предшествующие творению, до того, как во «Второй день» были дифференцированы противоположности, что мы обсуждали в главе второй.

[80] Цит. по Кристева, (Julia Kristeva, p.56). Батай также отмечает: «Акт изгнания обладает тем же значением, что и социальная или божественная суверенность, но не локализован на том же уровне; он расположен в царстве вещей, а не, как суверенность, в царстве личностей. От последней он отличается так же, как анальный эротизм отличается от садизма» (Kristeva, p.56)

[81] В *«Базисном дефекте»* Микаэль Балинт рассматривает сферу, имеющую общее с комплексом слияния. Пациент живет в мире «дефекта». То, что может показаться аналитику творческим конфликтом, обычно оказывается вовсе не плодотворным для пациента и ведет лишь к отчаянию. Балинт вспоминает «линию сброса» в геологии [по английски — fault недостаток, дефект, вина, и fault line — линия сброса, *приммер.]* вдобавок к чувству того, что в любом разногласии или конфликте кто-то всегда виноват. Ни конфликт, ни разрешение конфликта невозможны, только обвинение.

Он описывает чрезвычайно важную контрпереносную реакцию на сферу основного дефекта (M.Balint, p.18-19). Когда комплекс слияния внутренне оживает у некоторых анализируемых, аналитик может страдать от чрезвычайно неудобного состояния души и тела. Он (или она) испытывает неловкое чувство, будто ничего не знает; чувствуется, будто все его знания и опыт ничего не стоят, тогда как анализируемый, по контрасту, кажется очень мудрым. Аналитик боится знаний анализируемого, особенно невероятной силы наблюдений и прозрений о самых глубоких проблемах аналитика. Нет ощущения, что это

знание используется по-доброму; скорее, подозревая контролирование и мотив утверждения власти, аналитик внутренне замораживается и хочет лишь одного: чтобы это состояние закончилось.

[82] Шварц-Салант, «Анима и Анимус в алхимическом зеркале Юнга» (N. Schwartz-Salant)

[83] Булл, (Bull, p.61)

[84] Однако как далеко может зайти человек, сталкиваясь лицом к лицу с презираемым? Есть ли пределы того, сколько ответственности за другого мы можем на себя взять? Подобные этические вопросы неизбежны. См. главу 12.

[85] Фасты, (Fasti, p.205-207)

[86] Юнг (Jung, 1967, p. 338), объяснил, почему дерево — основной символ процесса индивидуации. Разрушение дерева Кибелой указывает на то, как безумие комплекса слияния разрушает или серьезно задерживает процесс индивидуации.

[87] Роллер (Roller, p.66) говорит нам, что согласно римскому автору Страбону, богиня получила свой эпитет Диндимена от имени горы Диндимон (которая в используемом мной переводе из Овидия упомянута как Диндимус- N.Schwartz-Salant).

[88] Отметьте сходство с идеей Тастин (Tustin) о «двух-фазовом» развитии психогенного аутизма (см.Приложение А). Тастин пишет: «Я пришла к выводу, что аутизм — это защитная реакция, развивающаяся для того, чтобы справиться со стрессом, связанным с разрывом аномально удерживаемого состояния липкого союза с другим — аутизм это реакция, специфичная для травмы. Это болезнь в двух стадиях. Сначала есть сохранение двойственного союза, а затем травматичный разрыв этого и сопутствующий стресс» (Цит. по Сьюзан Мээльо (Susan Maiello) «Выход за пределы: заметки об установлении объектных отношений в свете «Сохранения ошибки»», в сб. Митрани, *«Встречи с аутичными состояниями»,* Mitrani, p.6)). Мээльо также отмечает, что поскольку «время начала первой фазы характеризуется избыточностью склеивания-в-одно... в случаях детей, демонстрирующих с самого рождения симптомы второй фазы, первая фаза с необходимостью начинается в пренатальной жизни» (p.8).

[89] Роллер, (Roller, p.248)

[90] Обсуждение тонкого тела см. в главах 3 и 5, Дидье Анзьё в своем исследовании *«Кожное эго»* (Didier Anzieu, *The Skin Ego)* часто и в подробностях обращается к мифу о Марсии (p.48 и *др.).* Его понятие «кожного эго», несомненно, созвучно идее о тонком теле, но, укорененное в доктринах, рассматривающих процесс развития с точки зрения ортодоксального психоанализа и структурного анализа, его подход не затрагивает архетипическое и упускает из виду имагинальную жизнь, на которой сосредоточена моя работа. В каком-то смысле идея о кожном эго кажется мне анализом превратностей инкарнации или воплощения плеромной, архетипической жизни тонкого тела без упоминания об этом уровне существования, тогда как *структурные* понятия как таковые не в состоянии охватить этого. Кожное

это — это «ментальный образ, который использует Эго ребенка на ранних фазах развития, чтобы представить себя как Эго, содержащее психическое содержание на базе переживаний от поверхности тела» (p.40) «Материнская среда (окружает) младенца внешней оболочкой, составленной из посланий. Это (приводит к формированию) внутренней оболочки, поверхности тела младенца, которая есть место и инструмент для передачи посланий... Эта присвоенная оболочка довершает индивидуализацию младенца, обеспечивая признание, подтверждающее его индивидуальность» (p.62). Затем Анзьё объясняет последующий процесс, через который младенец должен успешно пройти, чтобы его кожное Эго стала его собственным, а не полностью слитым с матерью,, и что здесь младенец переживает фантазии содранной кожи, как в мифе о Марсии (p.63-64)

Книга Анзьё — сокровищница озарений о судьбе человека, чье тонкое тело было повреждено. Если мы посмотрим на случай Джеральда (глава 8), чьи мысли фрагментировались и исчезали, мы признаем правдивость утверждения о том, что «кожное Эго лежит в основе самой возможности мыслить» (p.41). Размышляя над материалом Наоми, можно увидеть, что понятие Анзьё о том, что «кожное Эго — одно из условий для [перехода] от первичного к вторичному нарциссизму» (p.41) попадает точно в цель. Подобно тонкому телу, кожное Эго является границей между внутренним и внешним (p.38) и психическим контейнером, который может быть нарушен, что приводит к серьезным состояниям деперсонализации, как в наблюдении Биона (Bion) за людьми, страдающими от «губительной утечки витальной субстанции сквозь дыры» (Ibid.)

[91] Ibid.

[92] Дерево превращено местью Аполлона в древо смерти, таким образом, здесь снова, как и в истории Овидия, показано, как комплекс слияния нарушает индивидуацию. Более подробно о мифе о Марсии с фрейдисткой точки зрения см. в книге Анзьё (p.48 и др.).

[93] Баркерт (Burkert, p.148)

[94] Гаспарро (Gasparro, pp.26ff). Мотив кастрации при комплексе слияния иногда символически представлен в сновидениях. Например, у мужчины была интрижка с женщиной, которую он находил неотразимо привлекательной. Он беспокоился, не расскажет ли она обовсем его жене. Совершая, казалось бы, героический жест, он решает помочь ей навестить ее болеющую мать в другой стране. У него мало денег, однако, применив все свои таланты, потратив все деньги и еще заняв сверх, он умудряется купить ей авиабилеты и оплатить другие расходы на поездку.

После того, как дама вернулась из путешествия, мужчина рассказал мне, что он чувствовал себя разочарованным и униженным, поскольку она не продемонстрировала никакой признательности. За ночь до ее приезда ему снится сон, в котором он ножом поранил себе палец до кости, но, к своем удивлению, обнаружил, что это не больно. Этот образ олицетворяет его поведение и его позицию. Он изувечил себя,

чтобы безопасно чувствовать себя с этой женщиной, причем, даже не почувствовав, на истерический лад, боли! В практических терминах, его финансовое самопожертвование привело его к долгам и стоило ему утраты нескольких важных деловых возможностей. И все же все его действия имели мало отношения к потребностям женщины, поскольку, как он, в конце концов, убедился, она находила, что он не близок ей и лишь сексуально использует ее. Фактически, он смог осознать, что глубоко слился с этой женщиной посредством своего безмерного эротизма, но также был абсолютно разъединен с нею.

[95] У Роллера (Roller, p.304)

[96] Гаспарро (Gasparro, p.87)

[97] см. Приложение А

98 1977,p.215

[99] Юнг (Jung, 1916)

[100] Положение о важности объектных отношений очень хорошо сформулировала Юдифь Митрани:

«Чувство внутреннего пространства может развиться только через человеческие отношения. Без этого ощущения внутреннего пространства не может развиться фантазия о проникновении внутрь объекта, и останется превалирующим твердое ощущение пребывания «в-единстве-с», приравненное и связное с объектом, возможно, как остаток более раннего переживания существования. В таком гиперболическом и, стало быть, патологическом состоянии «примирения» (со-един-ения) невозможно «психологическое рождение» и стало быть, не может быть *осмысленного* переживания физической жизни вне утробы, поскольку осознание такой физической сепарации, воздействуя на еще не сформировавшуюся индивидуальность, может *чувствоваться* лишь как катастрофическое... Субъективное переживание «пространства», пока человек находится на этой стадии существования, является «черной дырой»...Как говорит Гротштейн, переживание черной дыры это «переживание беспомощности, дефекта, ничто, нуля, выраженное не просто как статическая пустота, но как взрывная, направленная внутрь, центростремительная тяга в ничто». Таким образом, «пространство» не переживается как область, внутри которой человеческим отношениям позволено развиваться, но, скорее, оно ощущается как *присутствие нечеловеческого и злотворного отсутствия,* которое должно быть вычеркнуто из осознания любой ценой» (Judith Mitrani, 1997, стр.82)

[101] Это должно достичь состояния, в котором оно может чувствовать эти
хтонические силы как своего партнера, некоего подобия мафиозной фигуры, которая по легенде делает лишь то, что нужно для достижения цели, ни больше и ни меньше: «Только дело». Наблюдающаяся в современной культуре зачарованность подземным миром в телесериалах и кинофильмах свидетельствует о коллективной потребности в интеграции этих хтонических измерений в коллективное сознание, а не в том, чтобы видеть в них врага, которого нужно отрицать в интеллектуальном и духовном избегании. Это может чувствовать хтоничес-

кую энергию как партнера, который готов вступить в любое взаимодействие, когда он потребуется, а не иначе — как защитника, глубоко связанного с телом и инстинктами, но далекого от духовных энергий. 102 Табу на инцест, рассматриваемое как преграда на вступление в бессознательное и обнаружение там «труднодостижимого клада», было основным теоретическим расхождением между Юнгом и Фрейдом. Последний настаивал на понимании инцестуозного табу как барьера против сексуальности между членами семьи (или расширенной семьи). Юнг признавал существование этого «личного» аспекта, но настаивал на том, что есть и архетипическое измерение этого табу как преграда в переживании нуминозного, считая табу на инцест чем-то гораздо большим, чем вытесненные или иными способами отрицаемые взаимодействия с матерью. Имея дело с комплексом слияния, мы всегда встречаемся со смесью этих аспектов. Иногда как основная должна рассматриваться одна, а в иных ситуациях — другая точка зрения.

[103] Рандл Кларк (Rundle Clark, pp.59-60)

[104] Это относится к самости как к имманентной реальности, и, следовательно, ко «внутренности» в отличие от вечно существующей трансцендентной Самости. См. Шварц-Салант (Schwartz-Salant, 1982).

[105] Юнг объяснял, что этот миф компенсировал господство патриархата в западной культуре (1968, par. 26). Однако Аттис Юнга (в его толковании Аттис есть prima materia) — хтоническая фигура, сродни алхимическому богу Меркурию, обладавшему, помимо других достоинств, инстинктивной, воплощенной мощью. Выбор Юнга несколько странен. Поскольку Аттис, которого мы знаем из всех сказаний о его жизни с Кибелой — какой угодно, только не хтонический; Аттису как раз не хватает хтонического измерения воплощенной агрессии. В каком-то смысле Юнговский миф об Аттисе-Кибеле — это усовершенствованная версия известного нам мифа. Я предпочитаю здесь думать о Юнге как о трикстере, в чьи мысли вкралось представление об индивидуированном Аттисе, а не о слабом и зависимом пастушке из легенды. Я думаю, что миф как таковой в его изначальной форме (формах) — и в самом деле prima materia, с которой мы должны работать. Подробнее на эту тему см. Шварц-Салант (Schwartz-Salant, 2006).

[106] В своей статье «Шекспир, астрология и алхимия: критический исторический взгляд» *(The Mountain Astrologer, Feb.-Man2004)* Филипп Браун показывает понимание Шекспиром герметической традиции, о чем так же говорил Франсиз Иейтс Браун идет дальше, указывая на алхимические аллюзии в пьесах. В «Ромео и Джульетте» (цитируя книгу Мартина Линга *«Священное искусство Шекспира» (Martin Ling "Ihe sacred Art of Shakespeare)):* «.. .символизм Ромео и Джульетты... алхимический, и тем более, что оба возлюбленных оказываются, как бы то ни было, трансмутированными в [золотые статуи] после их смерти». И, отмечает Браун: «Один из ключевых персонажей *«Ромео и Джульетт* это.. .Меркуцио», ясно соотносимый с алхимическим богом Меркурием и воплощением его двуполой природы. Кроме того, алхимический символизм *конъюнкции-нигредо* является в этой пьесе центральным. См в *"The Sacred Art*

of Shakespeare" о других связях с алхимией. [Заинтересованного читателя отсылаем к русским работам на близкую тему: см. *А.В.Нестеров: Астрологические контексты елизаветинской поэзии/* Власть. Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2003. С. 210 — 261.; *«Алхимическое богословие» Джона Донна/* Джон Донн. По ком звонит колокол. М: Aenigma, 2004. С. 353 — 396.; *Алхимический Феникс Шекспира/* Столпотворение. Научно-художественное приложение к журналу СПР «Мир перевода». N 4/5. М., Вагриус 2000. С. 50 —68. и др.]

[107] Блум (Bloom, p.145)

[108] Гарбер (Garber, p.466)

[109] Ibid,p.470

[110] Ibid.

[111] Нейл (Neill, p.308)

[112] Ibid, pp.311-312

[113] Рандл Кларк (Rundle Clark, pp. 218ff)

[114] Гарбер (Garber, p.494)

[115] Ibid

[116] За этот инсайт приношу благодарность Лидии Салант.

[117] «Гамлет», V, ii, 60-62, ср. противоположное мнение Блума (Bloom, p.61) 118 Нейл (Neill, p. 309). Мы видим следы этого безумия в монологе «Быть или не быть», в котором одна рефлексия гонит другую. Только по этому одному мы, может быть, и не смогли бы судить об активности психотических «анти-миров», но это представляется не таким уж натянутым, к тому же привносит некоторую связность в полемику о том, просто ли симулировал Гамлет безумие, что, несомненно, он частично делал, или и вправду был безумен. Я предполагаю, что сумасшествие Гамлета не обязательно было изначально присуще его характеру, но было симптомом застревания в комплексе слияния.

Шекспир, возможно, намекал на безумие Гамлета его употреблением странного словесного трюка под названием гендиадис. Как объясняет нам Джеймс Шапиро,

«Гендиадис буквально означает «одно через два», одну идею, переданную сдваиванием существительных, связанных предлогом «и». Соединенные таким образом, существительные начинают вибрировать, и кажется, что они характеризуют друг друга в той же степени, что и термин, который каждое из них по-своему определяет. Когда он восклицает: «Да охранят нас Ангелы [и служители] господни» (I, iv, 39) ...говорит о «книге [и свитке] мозга моего» (I, v, 103)... Гамлет часто говорит так. Чем больше задумываешься о гендиадисе, тем больше он навевает некое ментальное головокружение.

...Дестабилизирующий эффект того, как эти слова выталкивают друг друга, слегка и на время нервирует. И мы замечаем только его рефлексию, которая, конечно является его проблемой» (стр.287)

Шапиро говорит нам дальше:

«очень сложно писать гендиадисами; почти никакой другой английский писатель не делал этого так часто ни до, ни после Шекспира, как не делал и он так уж часто до 1599. Что-то произошло в этом году... и продолжалось в течение пяти лет или около того после «Гамлета»... после чего гендиадис по большей части вновь исчез... Но нигде его присутствие не чувствовалось больше, чем в «Гамлете», где встречается шестьдесят шесть случаев гендиадиса, почти на каждой шестидесятой строке... (Ibid.)

Кажется резонным предположить, что Шекспир использовал гендиадис чтобы продемонстрировать безумие Гамлета. Поскольку действие гендиадиса, как заметил Шапиро, «слегка и на время нервирует» и, точно так же, как мы чувствуем это в психотическом процессе, полная, безумная сила гендиадиса выступает вперед, когда мы пытаемся размышлять о нашем слегка нервном состоянии, а не диссоциировать его.

[119] Исследователь Шекспира Стивен Гринблатт пишет:

«Ни разу не появляясь собственной персоной — поскольку, в конце концов, это мифологическая фантазия— Шекспир постоянно, неизбежно присутствует в Венере и Адонисе, словно бы он хочет, чтобы Саутгемптон (и быть может, «мир», на который он смотрит в посвящении) полностью понял его необычайную силу игривой идентификации (pp. 240-241)

Он также указывает на то, что

«Несомненно безразличный к публикациям на протяжении большей части своей карьеры, здесь единственный раз он демонстрирует явные следы заботы. Он выбирает в качестве издателя того, кому он доверяет, своего приятеля, уроженца Стратфорда-на-Эвоне Ричарда Филда... Шекспир пытался, возможно впервые и единожды за все время своей деятельности, найти покровителя, а так как театры повсюду закрывались, и чума продолжала бесчинствовать, его могли одолевать сомнения в успехе... Судя по ажиотажу подражаний, восхищенных комментариев и переизданий — десять раз в 1602! — поэма угодила практически всем. (Она была, вероятно, особенно популярной среди молодежи)» (Ibid.)

[120] Гарбер (Garber, .725)

[121] Нейл (Neill,pp.311ff)

[122] Ibid,, p.310

[123] Ibid., p.317

[124] Ibid., p.318

[125] Сегодня лучшие образы хтонической жизни можно увидеть в историях из жизни мафии, и увлеченность нашей культуры подобной

подпольной жизнью указывает на необходимость интегрировать хтоническое измерение существования. Нам необходим хтонический опыт, не в качестве правителя, наделенного полноценными правами («в законе»), но как сотоварищ, придающий силу эго, чувствующий опасность или безопасность и действующий в соответствии с этим. Хтоническая маскулинная часть нашего существа не всегда ос-

танавливается, чтобы поразмыслить и спросить себя «что я должен сделать». Он делает то, что должно быть сделано.

Ни один из мужчин и ни одна из женщин, чьи случаи я представил в этой книге, не обладали этим хтоническим качеством. Без силы хтонического они подобны Аттису, подобны Гамлету, неспособны выйти из сферы влияния комплекса слияния.

[126] Нейл (Neill, p.318)

[127] Утверждение о том, что Гамлет может быть «царем бесконечного пространства» в своей ореховой скорлупе, резонирует с тем фактом, что тонкое тело пребывает вне пространства и времени.

[128] Нейл (Neill, p.315)

[129] *Бессознательное до Фрейда (The Unconscious Before Freud,* New York,
Basic Books, 1960), p.43. Уайт продолжает: «В Европе семнадцатого века индивидуум стал столь живо сознавать себя как чувствующую, воспринимающую и думающую личность, что, по крайней мере, в Германии и Англии он не мог больше обходиться без специального для этого термина, отдельного слова, выразительно передающего это переживание». Далее, «Интересно, что «со-знание» (con-scious), слово, латинский источник которого означал «знать с» (разделять знание с другим), теперь стало означать «знать самому по себе, одному».

[130] Уорман (Wahrman, p. 168) Во второй половине того века, например,
люди могли много чего сказать о своих чувствах, но последние не мыслились как внутренние, как «принадлежащие мне»; они существовали как часть погруженности в групповой процесс (Хиллман, Hillman, p.79)

[131] Ibid., pp.3 ff

[ш] Ibid, p.4 Уорман уточняет (Wahrman, p.13): «Было бы ошибочным предполагать, что акцент на материнстве был новостью последних двух десятилетий восемнадцатого столетия. Напротив... мать была нормативной фигурой... вопрос состоит в том, когда женщина, выбравшая не быть матерью, стала фундаментально неприемлемой и вызывающей беспокойство фигурой? Именно здесь мы видим ясные обозначения поворотной точки конца восемнадцатого столетия».

[133] Ibid., p.4

[134] Ibid.

[135] Ibid., p.171

[136] Ibid., p.173

[137] Ibid, 175

[138] Задолго до того, как индивидуальное осознание проявилось в коллективном сознании, оно существовало как потенциал, хранящийся
в бессознательном, а душа была коллективной реальностью. В этом состоянии, как говорит М.Л. фон Франц: «Человек начинает осознавать свою индивидуальную внутреннюю Самость или «вечную личность» только через религиозную традицию, потому что только эта традиция выражает духовную суть его или ее существа. Как показал Хельмут Якобсон, египтянин периода среднего царства (вплоть до 2200 до н.э.) еще верил, что встретится со своей не-коллективной, личной душой только после смерти, в форме так называемой души,

«ба», птицеподобного существа, которое воплощало его подлинную внутреннюю Самость. Во время его жизни, однако, египтянин чувствовал себя настоящим только в качестве члена общины, только до тех пор, пока он функционировал в соответствии с правилами или законами его религии» (1994, p.255)

[139]Шварц-Салант, (Schwartz-Salant, 1995, pp.1-14)

[140]Юнг (Jung, 1967)

[141]Юнг (Jung,1976, pp.553-554)

[142]Ноульсон (Knowlson, p.319)

[143]См. Юнг, Misterium Coniunctionis, par 654 и далее

[144]Роббинс (Robbins, p.40)

[145]«Психология и религия», пар.137 [Цит. по: К.Г.Юнг, *Архетип и символ*, М: Renaissance, 1991,с.184]

[146] Роббинс (Robbins, p.48)

[147] См. описание Юнгом взаимодействия аналитика и анализируемого в «Психологии переноса», пар.363-64

[148] Психоаналитик Джойс Мак Дугал описывает утрату способности функционировать в качестве аналитика как встречающуюся иногда в терапии очень сложных случаев:

«Но в том случае, если различение между проекцией в переносе и наблюдением за реальностью размыто, способ, которым аналитик принимает выражения переноса пациента, скорее всего, будет иным. Форма [выражения] оказывается «псевдокоммуникацией», которая направлена не столько на информирование (буквально: «придавать форму») аналитика о его мыслях и чувствах, сколько на избавление от болезненного интрапсихического конфликта и на то, чтобы вызвать его реакцию; мы должны спросить себя, как последнему наилучшим образом ухватить и проинтерпретировать этот «язык». В начале он не «слышит» послания, и вовсе не сразу осознает свое эмоциональное потрясение. Сложно определить, чего не хватает, особенно поскольку после изъятия не остается бессознательного следа и никакая нео-реальность не создана, чтобы занять место [отсутствующего элемента], как в случае с психотическими пациентами. Постепенно у аналитика мобилизуется и, действительно, аккумулируется аффект; в то время как анализируемый выдыхается или коверкает свое аффективное переживание, аналитик становится буквально «аффектированным, задетым». Ассоциации пациентов обладают проникающим или наполняющим действием, которого нет в обычном невротическом переносе и аналитическом монологе, То, что не было допущено в мир психической репрезентации, не может быть «услышано» как латентное сообщение. Это — эмоциональная инфильтрация, содержащая в себе семена будущих интерпретаций, но чтобы быть способным сформулировать их, аналитик сначала должен понять, почему дискурс его пациента так задевает его... С такими пациентами, которых я описываю, аналитик способен чувствовать, в первую очередь, что он находится где-то на линии «прекращения адекватного функционирования в качестве аналитика» с этим конкретным анализируемым. (McDougal, pp.293-294)

В полях комплекса слияния подобное состояние может стать хроническим, тогда как «функционирование в качестве аналитика» оказывается исключением. Именно это поднимает вопрос об этичности продолжения терапии.

[149] 1981, p.191

[150] Я благодарен д-ру Майклу Груберу (Dr. Michael Gruber) за эту ссылку и за его размышления над текстом.

151 Интервью, взятое Франсуазой Пуари, цит.по Роббинсу (Robbins, p.54)

[152] Ibid, p.57

[153] Саймон Критчли (Simon Critchley, в Critchley and Bernasconi, p.22)

[154] Дэйвис, (Davis, p.70)

[155] Цит. у Дэйвиса, Davis, p.70

[156] Критчли (Simon Critchley, в Critchley and Bernasconi, p.21). Поверхность кожи (как мы видели, например, в случае Филиппа) — место сосредоточения большого количества дистресса комплекса слияния. См.приложение А

[157] Интервью, взятое Аугусто Понцио, цит. по Роббинсу, p.228

[158] Дэйвис (Davis, p.75)

[159] Ibid.

[160] Ibid, pp.45-46

[161] См. концепцию Левинаса *об il y a (здесь есть)* у Роббинса (Robbins, p.45)

[162] Гаспарро (Gasparro, pp.26ff)

[163] - См. работу Васселеу (Vasseleu) о свете и феминном и феминисткую критику Левинаса у Шантер (Chanter).

[164] В письме Джеймсу Киршу Games Kirsch) Юнг подчеркивает настрой (которого обычно мы не найдем в его отношении к переносу), созвучный этой точке зрения: «Что касается Вашей пациентки, то вполне правильно, что ее сны вызваны *вами.* Женский ум — это земля, ждущая семени. И это смысл переноса. Всегда более бессознательная личность оказывается духовно оплодотворенной более сознательной. Отсюда гуру в Индии. Это старинная правда. Как только определенные пациенты приходят ко мне на терапию, тип сновидений изменяется. В самом глубоком смысле мы все сновидим не *из нас самих,* но из того, что лежит *между нами и другим»* (1934, в Jung, 1973, p.172)

[165] Огден (Ogden, 1986, p.52)

166 Тастин (Tustin, 1986, p.43); Огден (Ogden, 1986, p.52)

167 1989, p.50

168 Митрани (Mitrani, 1997, p.82)

[169] См. «Число и время» М.Л. фон Франц (M.L. von Franz, *Number and Time, pp.241-242),* где обсуждаются временные и вневременные предсказательные матрицы и И-Дзин.

[170] Розен (Rosen, 1995)

[171] Юнг (Jung, 1968, par 26) [Цит. по: К.Г. Юнг. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991, с. 252].

Литература

Anzieu, Didier. 1989. *The Skin Ego,* New Haven and London: Yale University Press.

Ayres, Ed. 1999. *God's Last Offer. Negotiating for a Sustainable Future.* New York and London: Four Walls Eight Windows.

Balint, Michael 1968. *The Bask Fault* Repr., New York: Brunner Mazel, 1979.

Bernasconi, Robert, and Simon Critchley, eds. 1991. *Re-Reading Levinas.* Bloomington, IN: Indiana University Press.

Bloechl Jeffrey, ed. 2000. *The Face of the Other and the Trace of God: Essays on the Philoso-phy of Emmanuel Levinas.* New York Fordham University Press.

Bloom, Harold. 2003. *Hamlet. Poem Unlimited.* New York: Riverhead Books.

Bull, Malcolm. 1999. *Seeing Things Hidden: Apocalypse, Visum and Totality.* London and New York: Verso Books.

Burkert, Walter. 1985. *Greek Religion.* Cambridge, MA: Harvard University Press.

Cameron, Anne. 1981. *Daughters of Copper Woman.* Vancouver: Press Gang Publications.

Castaneda, Carlos. 1968. *The Teachings of Don Juan: A Yaqui Way of Knowledge.* Berkeley: University of California Press.

Chanter, Tina. 2001. *Feminist Interpretations of Emmanuel Levinas.* University Park PA: The Pennsylvania State University Press.

Clark, R.T. Rundle. 1959. *Myth and Symbol in Ancient Egypt,* London: Thames and Hudson.

Couliano, loan P. 1987. *Eros and Magic in the Renaissance.* Chicago and London: University of Chicago Press.

Critchley, Simon, and Robert Bernasconi, eds. 2002. *The Cambridge Companion to Levinas.* Cambridge: Cambridge University Press.

Davis, Colin. 1996. *Levinas: An Introduction.* Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

Derrida, Jacques. 1986. Foreword to Abraham and Torek's *The Wolf Man's Magic Word: A Cryptonymy.* Minneapolis: University of Minnesota Press.

Detienne, Marcel. 1989. *Dionysos at Large.* Translated by Arthur Goldhammer. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Douglas, Mary. 1966. *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo.* London and New York: Routledge.

Feuerstein, Georg. 1987. *Structures of Consciousness: The Genius of Jean Gebser.* Lower Lake, C A: Integral Publishing.

Franz, Maria-Louise von. 1974. Trans Andrea Dykes. *Number and Time.* Evanston, Northwestern University Press.

Garber, Marjorie. 2004. *Shakespeare After AIL* New York Pantheon Books.

Gasparro, Giulia Sfameni. 1985. *Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis.* Leiden, the Netherlands, E. J. Brill.

Gebser, Jean 1991. *The Ever-Present Origin.* Athens, OH: Ohio University Press.

Giovacchini, Peter L., ed. 1972. *Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy.* London: Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis.

Greenblatt, Stephen, et al. 1997. *The Norton Shakespeare.* New York: W.W. Norton & Company.

Grotstein, lames. 1990. "Nothingness, Meaninglessness, Chaos and the 'Black Hole' I." *Contemporary Psychoanalysis* 26, no. 2.

Hand, Sean. 1989. *The Levinas Reader.* Oxford, UK, and Cambridge, MA: Basil Black-well, Inc.

Hillman, James, and von Franz, Marie-Louise. 1971. *Lectures on Jungs's Typology, the Inferior Function and the Feeling Function.* Zurich: Spring Publications.

Jacobsen, Thorkild. 1976. *The Treasures of Darkness: A History of Mesopotamian Religion.* New Haven and London: Yale University Press.

Jung, C.G. 1916. "The Transcendent Function." In *The Structure and Dynamics of the Psyche.* I960; Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C.G.. 1958. *Psychology and Religion: West and East.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C.G. 1963. *Mysterium Coniunctionis.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C.G.. 1967. *Alchemical Studies.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung C G. 1968. *Psychology and Alchemy.* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C.G. 1973. Letters *of C G. Jung: Volume* 1,*1906-1950.* Selected and edited in collaboration with G. Adler and A. Jaffe. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C.G. 1980. "A Radio Talk in Munich." In *Collected Works* 18. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung, C G. 1988. Nietzsche's Zarathusrtra, edited by James L. Jarret, 2 volumes. Princeton: Princeton University Press.

Kahn, M. Masud R. 1972. "Exorcism of the Intrusive Ego-Alien Factors in the Analytic Situation and Process." In Giovacchini, ed., *Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy.*

Klocek, Dennis. 1998. *Seeking Spirit Vision.* Fair Oaks, CA-. Rudolf Steiner College Press.

Knowlson, James. 1996. *Damned to Fame: The Life of Samuel Beckett.* New York Touchstone.

Kristeva, Julia. 1982. *Powers of Horror: An Essay on Abjection. New* York: Columbia University Press.

Lacan, J. 1977. *Ecrits.* Translated by A. Sheridan. New York: WW. Norton 8c Company.

Langer, Monika M. 1989. *Merleau-Ponty's Phenomenology of Perception: A Guide and Commentary.* Tallahassee, FL Florida State University Press.

Levinas, Emmanuel. 1961. *Totality and Infinity. An Essay on Exteriority.* Translated by Alphonso Lingis. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.

Levinas, Emmanuel. 1981. *Otherwise Than Being, or Beyond Essence.* Translated by Alphonso Lingis. Pittsburgh, PA: Duquesne University Press.

Levinas, Emmanuel. 1999. *Alterity and Transcendence.* Translated by Michael B. Smith. New York: Columbia University Press.

Levi-Strauss, Claude. 1962. *The Savage Mind.* London: Wiedenfeld.

Lings, Martin. 1998. *The Sacred Art of Shakespeare: To Take Upon Us the Mystery of Things.* Rochester, VT: Inner Traditions.

Mandelbaum, Allen. 1971. *The Aeneid of Virgil* Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.

McDougal, Joyce. 1990. *Plea for a Measure of Abnormality.* London: Free Associations Books.

Mead, G.R.S., 1919. *The Doctrine of the Subtle Body in Western Tradition.* London: J. M.Watkins.

Melville, Herman. 1962. *Moby Dick.* New York: Hendricks House.
Merleau-Ponty, Maurice. 1964. *The Primacy of Perception.* Evanston, IL: Northwestern University Press.
Mitrani, Judith. 19%. A *Framework for the Imaginary:* Clinical *Explorations in Primitive States of Being*. Northvale, NJ: Jason Aronson, Inc.
Mitrani, Judith. 2001. *Ordinary People and Extra-Ordinary Protections:* A *Post-Kleiman Approach to the Treatment of Primitive Mental States.* Philadelphia: Taylor & Francis, Inc.
Mitrani, Judith. 1997. *Encounters with Autistic States: A Memorial Tribute to Frances Justin.* Edited by Theodore and Judith L Mitrani Northvale, NJ: Jason Aronson, Inc.
Neill, Michael 1992. *"Hamlet:* A Modern Perspective." In William Shakespeare, *The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark,* ed. Barbara A. Mowat and Paul Werstine. New York Washington Square Press.
Ogden, Thomas H. 1989. *The Primitive Edge of Experience.* Northvale, NJ: Jason Aronson, Inc.
Otto, Rudolph. 1958. *The Idea of the Holy.* London, Oxford, and New York: Oxford University Press.
Ovid. 1931. *Fasti.* Translated by Sir James G. Frazer. Cambridge, MA: Harvard University Press.
Rilke, Rainer Maria. 1982. The *Selected Poetry of Rainer Maria Rilke.* Edited and translated by Stephen Mitchell New York: Random House.
Robbins, Jill 2001. *Is It Righteous to Be? Interviews with Emmanuel Levinas.* Stanford, CA: Stanford University Press.
Roller, Lynn E.1999. *In Search of God the Mother. The Cult of Anatolian* Cytek Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press.
Rosen, Steven M. 1995. "Pouring Old Wine into a New Bottle." In *The Interactive Field in Analysis,* ed. Murray Stein, pp. 121-141. Wilmette, IL: Chiron Publications.
Rosen, Steven M. 2004. *Dimensions qfApeiron: A Topological Phenomenology of Space, Time and Individuation.* Amsterdam and New York: Editions Rodopi.
Rosen, Steven M. 2006. *Topologies of foe Flesh: A Multidimensional Exploration of the Ufeworld*. Athens, OH: Ohio University Press.
Sass, Louis A. 1992. *Madness and Modernism: Insanity in the Light of Modem Art, Literature, and Thought.* New York: Basic Books.
Schwartz-Salant, Nathan. 1982. *Narcissism and Character Transformation: The Psychol-ogy of Narcissistic Character Disorders,* Toronto: Intter City Books.
Schwartz-Salant, Nathan. 1989. The *Borderline Personality, Vision and Healing.* Wilmette, IL: Chiron Publications.
Schwartz-Salant, Nathan. 1992. "Anima and Animus in Jung's Alchemical Mirror." In *Gender and Soul in Psychotherapy,* edited by Nathan Schwartz-Salant and Murray Stein, pp. 1-24. Wilmette, IL: Chiron Publications.
Schwartz-Salant, Nathan. 1995. *C.G. Jung on Alchemy.* Edited with an introduction by Nathan Schwartz-Salant London: Routledge.
Schwartz-Salant, Nathan.1998. The *Mystery of Human Relationship: Alchemy and the Transformation of Self.* London and New York: Routledge.
Schwartz-Salant, Nathan. 2006. "The Alchemical Prima Materia in Relationship." *Alchemy: A Journal of Archetype and Culture* 74, pp. 137-150. New Orleans: Spring Journal
Sfameni Gasparro, Giulia. 1985. *Soteriology and Mystic Aspects in the Cult of Cybele and Attis.* Leiden: EJ. Brill

Shapiro, James. 2005.259ft *A Year in the Life of William Shakespeare.* New York: Harper Collins.

Spiegelman, J. Marvin. 1996. *Psychotherapy as Mutual Process.* Tempe, AZ: New Falcon Publications.

Stein, Murray, ed. 1995. *The Interactive Field in Analysis.* Wilmette, IL Chiron Publications.

Stein, Murray. 2006. *The Principle of Individuation.* Wilmette, IL- Chiron Publications.

Tustin, Frances. 1986. *Autistic Barriers in Neurotic Patients.* London: Karnac Books.

Vasseleu, Cathryn. 1998. *Textures of Light.* London: Routledge.

Vermaseren, Maarten J. 1977. *Cybele and Attis: The Myth and the Cub.* London: Thames and Hudson, Ltd.,

Wahrman, Dror. 2004 *The Making of the Modern Self. Identity and Culture in Eighteenth-Century England* New Haven and London: Yale University Press.

Whyte, Lancelot Law. 1959. *The Unconscious Before Freud* London: Tavistock Publications.

Winnicott, D.W. 1965. *The Maturational Process and the Facilitating Environment* New York: International Universities Press, Inc.

Winnicott, D.W. 1971. *Playing and Reality.* New York Tavistock Publications.

Winnicott, D.W. 1972. "Mother's Madness Appearing in the Clinical Material as an Ego-Alien Factor." In Giovacchini, ed., *Tactics and Techniques in Psychoanalytic Therapy*.

Winnicott, D.W. 1989. *Psycho-Analytic Explorations.* Cambridge: Harvard University Press.

Yates, A. Francis. 1964. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition.* Chicago: University of Chicago Press.

Научное издание

Натан Шварц-Салант

Черная ночная рубашка.
Комплекс слияния **и** непрожитая жизнь

Художник: П.П. Ефремов

Компьютерная верстка: Ю.В. Балабанов

Подписано в печать 28.02.08. Формат 60 x 90/16. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15. Тираж 3000 экз. Заказ № 8869.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И Смирнова»
214000, г Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

Институт Практической Психологии и Психоанализа

http://www.psychol.ru/e-mail: info@psychol.ru

Государственная лицензия №3471 от 18.06.04.
Государственная аккредитация №0114 от 19.07.01.

129366,Москва, м. «ВДНХ», ул. Ярославская, д.13,ком., 229,
тел./факс:(095) 682-11-14.

ПРОГРАММА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕПОДГОТОВКИ
Аналитическая психология К. Г. Юнга

По окончании программы выдается диплом государственного образца о профессиональной переподготовке.

Длительность обучения: 3 года.

Обучение включает в, себя: теоретические и клинические семинары, групповые супервизии (более 700 ак.часов); индивидуальные супервизии; клиническую практику; обязательное прохождение личной психотерапии (не менее 120 часов). Личная психотерапия и индивидуальные супервизии оплачиваются отдельно.
Программа профессиональной переподготовки рассчитана на психологов и психотерапевтов, знакомых с психоаналитической теорией и принципами динамической психотерапии.
Всем студентам специализации предоставляется право на ведение индивидуальной клинической практики в консультации ИППиП Обучение ведётся в соответствии с международными образовательными стандартами по психотерапии. К преподаванию привлекаются ведущие отечественные и зарубежные специалисты.
Уровень подготовки выпускников даёт возможность продолжать своё образование в обучающих программах Международной ассоциации аналитической психологии.

Руководитель специализации:
Слуцкая Малина Нуриевна — клинический психолог, аналитический психотерапевт, кандидат Международной ассоциации аналитической психологии, проректор по общим вопросам, заведующая кафедрой аналитической психологии ИППиП. Контакты: e-mail: madina@psycbol.ru

Условия приема:
1. **наличие высшего психологического образования или медицинского образования.**
2. **наличие базовых теоретических знаний и практического опыта в области клинической психологии, психологического консультирования или психотерапии, либо прохождение в режиме вольнослушателя ИППиП базовых дисциплин по психотерапии, психоанализу и аналитической психологии К. Юнга (подбор курсов производится индивидуально с учетом полученного ранее образования).**

Запись на собеседование (095) 682-11-14

Государственный диплом о профессиональной переподготовке по аналитической психотерапии выдается на основании: а) выполнения всех текущих норм учебного процесса (посещаемость, отчеты, тд.), б) прохождения необходимого объема личной психотерапии, в) сдачи зачетов по двум пролонгирование супервизируемым клиническим случаям.

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ (Институт)

год основания 1993
(лиц. № 166816, гос. аккредитация № 0402 от 01.12.2006)
683-59-30, www.vshp.ru

Проводит набор по направлению 030301 «Психология»

. Первое высшее образование(вечернее)-6 лет

Второе высшее образование - 3 года

Специализаци: психологическое консультирование,
психологии менеджмента

В 1993 г. Институтом психологии РАН был учрежден Высший психологический колледж, переименованный в 1999 году в Высшую школу психологии. В настоящий момент в Высшей школе психологии проводится подготовка психологов на базе высшего образования продолжительностью 3 года и на базе среднего образования продолжительностью 6 лет по специализациям «психологическое консультирование» и «психология менеджмента».

В состав преподавателей входят ведущие сотрудники Института психологии РАН, более 85% преподавателей имеют ученые степени и звания. Для проведения спецкурсов приглашаются специалисты-практики.

Сочетание фундаментальной подготовки с практической позволило добиться того, что многие выпускники работают психологами различного профиля, защищают кандидатские диссертации, открывают собственные психологические центры, используют знание психологии в других сферах деятельности.

Помимо высшего образования существуют программы дополнительного образования: курсы повышения квалификации по психологическому консультированию и психокоррекции, курсы подготовки менеджеров по персоналу и бизнес-тренеров и др.

Общим для всех направлений образовательных программ является тщательный отбор преподавателей и высокая требовательность к студентам, сочетание базовой подготовки с практической направленностью, большая учебная нагрузка. Но как показывает практика, серьезное обучение является залогом успеха будущей профессиональной деятельности.

ИНСТИТУТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ
И СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ

Мы соединяем теорию с практикой

Длительные международные программы повышения квалификации
по психотерапии и консультированию проводимые лучшими
зарубежными специалистами

- **Системно-феноменологический подход Б.Хеллингера и семейные расстановки.**
- **Системная терапия и консультирование.**
- **Ориентированная на решения краткосрочная терапия.**
- **Организационные расстановки.**
- **Системное развитие организаций для руководителей и консультантов.**
- **Системное оргконсультирование и системный коучинг.**
- **Гипносистемная терапия.**
- **Консультирование и терапия пар.**

Программы повышения квалификации и обучающие семинары, в том числе выездные

- **Арт-терапия.**
- **Гештальт-терапия.**
- **Организационные расстановки.**
- **Подготовка бизнес-тренеров, НК-менеджеров.**
- **Процессуальная терапия.**
- **Семейные расстановки по Б. Хеллингеру.**
- **Семейная терапия.**
- **Системная терапия и консультирование.**
- **Телесно-ориентированная терапия.**
- **Трансперсональная психология и холотропное дыхание.**

Психологический тренинг «Кризисы любви» (клиентская группа)
Системное консультирование индивидуальных клиентов, пар, семей
Системное консультирование руководителей организаций и системный коучинг

ИНСТИТУТ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ И СИСТЕМНЫХ РЕШЕНИЙ

(095)507-0894,(095)518-2594
www.mostik.org
rasstanovka@yande[.ru